

Владимир СОРОЧКИН

ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Брянск • 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
С65

На обложке картина Н. К. Рериха «Заморские гости»

Редактор
член СП России Н. А. Шестакова

Корректоры
Н. А. Шестакова, О. Н. Горелая

Сорочкин В. Е.

С65 Золотая ладья. Избранные переводы. – Брянск: Цифровая типография «Аверс», 2020. – 460 с.

В книгу вошли избранные поэтические переводы с языков народов России, а также с украинского, белорусского, болгарского, английского и других языков. В разные годы они публиковались в коллективных сборниках, журналах «Дружба народов», «Волшебная гора», «Форум» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Нёман», «Всемирная литература» (Минск), «Радуга» (Киев), в «Литературной России». Представлено творчество более 50 авторов.

Для широкого круга читателей.

Книга издана при поддержке Правительства Брянской области,
департамента внутренней политики Брянской области
и АО «Транснефть – Дружба».

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Передо мной лежит рукопись... Слова переплетаются в поэтические строки, строфы... Стихотворения... Разные по ритму и формам, по настроению, иногда лиричные, иногда резкие... Автор книги – хорошо знакомый поэт, но сейчас передо мной не его стихи, это переводы с разных языков, произведения лириков далёких стран – Вьетнама, Англии, Франции, наших соседей – Азербайджана, Украины, Белоруссии, Латвии, народов России...

Читаешь и думаешь – а узнала бы я когда-нибудь об этих поэтах? Познакомилась бы с их творчеством, если бы не взялся Владимир Сорочкин за работу, несомненно, интересную, но сложную, очень тонкую, требующую не только знания поэтических законов и лингвистического чутья, но и умения почувствовать другого человека. И приходит мысль – может быть, стихи помогут понять менталитет другого народа? Проникнуть хоть немного в его душу? Ведь поэзия выражает самое сокровенное...

Как переводчик Владимир Евгеньевич умеет сохранить и передать особенности каждого автора, а они очень не похожи друг на друга. Вслушайтесь в нежные переливы мыслей Буи Куанг Тханя (перевод с вьетнамского):

*Хочу, чтоб мне ракушку морской приборой принёс.
Любимая, твои я помню песни,
Теряются следы в прибрежной белой пене.
Вокруг лишь ветра шум да череда берёз.*

Едва ли не проза, длинные строки, но настолько красивы и легки образы, ненавязчивы рифмы, что стихотворение понятно и близко нам, не знающим вьетнамского.

А как спокойно честна философия Сергея Карачакова (перевод с хакасского):

*На тропе, по которой не ходят давно,
Можно скрыться в бурьян с головой.
Так и сердце, уставшее делать добро,
Зарастает травой-муравой.*

И обратите внимание: переводя, другой поэт вольно или невольно использует родные, привычные нам образы, вот и травмурава из русских сказок и былин...

Поэзия передаёт не только настроение автора, она зачастую отражает жизнь народа, национальные обычаи, которые будут поняты и запомнятся гораздо лучше, чем при чтении исторической монографии, ведь за ними эмоции, яркие образы, как в произведении Сылдыса Донгака (перевод с тувинского):

*...Отец, горит огонь во мне, и крепок стан.
Есть у меня скакун проворный, как джейран.
На тридевять сторон дорога далека.
Плесни вдогонку мне – на счастье – молока.*

И у каждого народа в стихах – бесконечная любовь к своей Родине. Посмотрите, какие образные эпитеты и сравнения у Лидии Иргит (перевод с тувинского):

*Я никогда не буду старой,
Как не состарится покой
Над величавой, многоглавой
Моей безбрежною тайгой,*

*Что, как река, шумит и дарит
Свои заветные слова,
И даже годы не состарят
Моей любви к тебе, Тува!*

И для Александра Лужикова (перевод с коми) «*Сторона родная, / Словно храм, светла...*». И нет никого, кто не любил бы свое Отечество и свой язык...

Осмелюсь предположить, что в книге переводов это и есть самое важное – донести до читателя любовь писателя к родному языку, восхищение им, умение показать его богатство. Конечно, художественный перевод в большой мере – самостоятельное произведение, но талантливый переводчик никогда не забудет об авторе, его личности, его характере и максимально сохранит и передаст нам его мысли, чувства и особенности его

слога. Владимир Евгеньевич овладел мастерством переводчика в совершенстве, недаром так высоко оценивают его труд коллеги-поэты, например, из отзыва народного поэта Коми Надежды Мирошниченко на публикацию переводов стихотворений дагестанского поэта Рагима Рахмана: «Я очень люблю стихи тонкого и глубокого лирика Владимира Сорочкина. И, честно говоря, боялась братья читать эти его первые переводы Рагима Рахмана. Владимир очень совестливый человек. И я волновалась, что ради дружбы с замечательными дагестанскими поэтами он пойдёт на профессиональные уступки. Не пошёл. Каждое стихотворение передаёт самость Рагима Рахмана. Порой чувствуешь полное совпадение чувств и переживаний, как в стихотворении «Спасая душу». Порой в переводе сквозит просто восхищение одного поэта открытиями его, теперь уже понятно, нового друга». А в отзывах самого Рагима Рахмана благодарность за то, что дана возможность быть услышанным во всей России...

Труд переводчика, действительно, позволяет поэтам быть услышанными, а нам слышать – разное, пускай иногда не сразу понятное, но такое яркое и запоминающееся. И позволяет тем самым сохранять языки нашей планеты.

*О, родной мой язык – седина на висках, словно дым,
Ты – наследье веков, обращенное к людям и Богу.
Не под силу сегодня тебя передать молодым,
Это – словно экзамен родившимся в нашу эпоху.*

Этими горькими словами начинается стихотворение «Родной язык» табасаранского поэта Эльмиры Ашурбековой. Но, возможно, чем больше людей в разных странах будет восхищаться красотой других языков, ставшей доступной, благодаря переводам, тем проще нам будет сохранять родные языки.

Книга «Золотая ладья» доставит удовольствие всем, кто любит поэзию. Читайте, прислушивайтесь к дыханию, шелесту, звону слов. И обязательно сможете войти во множество роскошных, переливающихся красками добра, любви, грусти, нежности миров, в каждом из которых живёт душа теперь уже двух Поэтов.

*Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Светлана Дедюля*

Алимурад Алимурадов

(родился в 1979 году)

с табасаранского

Ангел у окна

Если можно было бы свою
Набело мне жизнь переписать,
Я, наверно, жил бы, как в раю,
В днях, где только тишь да благодать.

Если б можно было повернуть
Вспять мгновенья, годы и века...
Но судьбу, увы, не обмануть,
Плата за бывшее – высока.

Рано утром мне без суеты,
О других не думая вещах,
Светят, словно солнышки, цветы
В серебре тумана на плечах.

Каждый божий день ко мне давно,
Точно ангел, пробующий жить,
Прилетает голубь под окно,
Просит малость хлеба покрошить...

Простит ли...

Я знаю, мама, в тишине
Не раз твоё сжималось сердце
В тревожных мыслях обо мне,
Пытаясь памятью согреться.

Не раз нещадно опалил
Огонь твою родную душу –
Из-за меня, лишая сил,
Слезами боль рвалась наружу.

Как, над собою суд верша,
Мне смыть грехи свои скорее?
Твоя лишь чистая душа
Всех милосердней и добрее.

Нет выше счастья ничего,
И нет иного утешенья,
Чем быть достойным твоего
Благословенья и прощенья.

* * *

Промчалась лета половина.
Сжигает солнце, не щадя,
Поля, а чахлая равнина
Давно и тщетно ждёт дождя.

К мольбам седое небо глухо
И равнодушно – до поры.
Как будто дряхлая старуха,
Бесплодна почва от жары.

Цветы склоняются, рыдая,
И вянут, тая, словно дым:
Не может дать земля родная
Животворящей влаги им.

И – с сожаленьем – год от года,
За летом лето, вновь и вновь
Всё реже, щедрая природа,
Твою я чувствую любовь.

* * *

Не торопясь, в ночной тиши
Скользят с небес потоки. –
Из звонких струн моей души
Дождь извлекает строки.

Он льётся из конца в конец
Над пеной крон зелёных,
Чтоб остудить огонь сердец
Поэтов и влюблённых.

Из уст друг друга пьют они
Любви хмельной напиток.
И дождик мой – ему сродни,
Кругом – его избыток.

Стихи стекают каждый миг
Протяжно, словно песня,
И льётся дождик чувств моих,
Взлетевших в поднебесье.

Спасительный дождь

Дождь снизошёл до наших мест,
Пронзая небеса.
Живыми каплями окрест
Блестят его глаза.

Безводным скованная сном
В палящий летний зной,
Рыдает ива за окном
Очнувшейся листвой.

В порывах ветра тут и там
Дрожит завеса струй,
Даря смеющимся цветам
Прохладный поцелуй.

Дождь остужает жгучий пыл
Лесов, садов, полей,
Но вряд ли смоет, словно пыль,
Он грусть с души моей.

Бессмертие

Вечер ползёт за сгорающим днём
Из заревой круговерти.
Длинная жизнь полыхает огнём
Рядом с границею смерти.

Сумрачный свет – полумрак, полутень
Неразличимы воочью.
Вздохом последним сливается день
С испепеляющей ночью.

...Но пробуждается снова заря,
Темень пустив на закланье,

Новому дню отдавая не зря
Сладость живого дыханья.

К смерти – из света – и к жизни – из тьмы –
В ненарушимом завете
Все мы пришли на мгновенье, но мы
Вновь возродимся на свете.

* * *

Вселенской музыкой извне
Звучит в душе мотив,
Судьбу, отпущенную мне,
В созвучия вместиив.

И в той мелодии жива
Любовь, и явь, и сны.
Какими б ни были слова –
Они ей не нужны.

Не человеком рождена,
И в том её секрет,
Что Богом послана она
На этот белый свет.

Дыханьем ангельским в душе
Струится звуков медь. –
Под эту музыку уже
Не страшно умереть.

Слезинка любви

Как чудо – неожиданно снежинка
Упала на открытую ладонь:
Живая, острожная пушинка,
Вобравшая и холод, и огонь.

Была сравнима с первою любовью –
Волшебным сном в далёком далеке,
Счастливая – с улыбкою и болью, –
Безмолвная снежинка на руке.

Она растает с еле слышным стоном,
Теряя к вечной жизни интерес,
И юность промелькнёт в раю зелёном
Голубкою, лишившейся небес.

Через года, едва об этом вспомнив,
Вновь пеленой подёрнутся глаза,
И вспыхнет на ладони, переполнив
Кувшин души, прозрачная слеза.

* * *

Живёшь во сне и наяву
Ты в сердце горестном моём.
Пусть ты не слышишь, но зову
Одну тебя я день за днём.

Своей любви свиваю нить,
И был бы счастлив я вполне,
Когда б смогла ты осветить
Дорогу, выпавшую мне.

Нас разделила, не щадя,
Судьба, подобная резцу,
И плакать хочется, хотя
Мужчинам плакать не к лицу.

Так далека и так нежна... —
Живу, лишь о тебе моля...
О, если б знала, как нужна
Ты мне, любимая моя.

Подставляя каплям ладони

В этом доме мне места давно уже нет.
Спят застывшие окна, как чёрные точки,
Но в одном виден призрачный твой силуэт
В свете молнии, режущей ночь на кусочки.

Дверь за мной поспешив запереть навсегда,
Время даже ключи от неё потеряло,
И смывает стучащая в окна вода
Ложь, которая нас, как стена, разделяла.

Лишь сухими цветами украшен твой дом,
Пропитавшись полыньёю, растущей на склоне.
Ухожу я вослед за тягучим дождём
И небесным слезам подставляю ладони.

Следы на сердце

Снега бесследно канут по весне,
Не пощадит их вешняя вода.
Прошла зима с весною – как во сне,
Во мне осталась осень навсегда.

Так много было в жизни холодов,
Так много смог я горечи испить,
Что не сумели лёд твоих следов
Во мне весна и солнце растопить.

Нельзя забыть твою печаль и смех,
Который до сих пор звенит в ушах.
Пускай растаял твой глубокий снег,
Но в сердце льдом впечатан каждый шаг.

В слезах осенних дней, в его дождях,
Где ты прошла, едва взглянув назад,
В уже почти исчезнувших следах
Я снова твой угадываю взгляд.

Остановившееся время

Очаг запылает весёлым огнём.
Здесь время молчало, застыв на изломе.
Наполнится комната дымом, а в нём
Покажется: снова родители в доме.

Не вижу за дымкой, но знаю: они
Со мною, тепло их я чувствую рядом.
Счастливое время, далёкие дни
Ожили под тихим отеческим взглядом.

А жар поднимается искрам вдогон,
Дым тает вокруг. Я один, как и прежде.
Дрова, словно годы, сжигает огонь,
И медленно тлеют мечты и надежды.

Отца нет, и матери нет... На ветру
Их судьбы, как дым, вознеслись над землёю.
...Огонь в очаге догорел поутру.
Застывшее время молчит под золою.

Омыв своё сердце

Речка детства слушает меня,
И течёт вода, как кровь по венам.
Я сюда пришёл на склоне дня
Поделиться самым сокровенным.

Волны прожурчат на вираже,
Радостно пьянея от свободы.
Всё, что накопилось на душе,
Унесут стремительные воды.

Ива одинокая в тоске
Опустила ветки без причины.
Тайну про её любовь к реке
Знают все окрестные вершины.

А поток прозрачен, как стекло,
Напоён хрустальной тишиною.
Как же бедной иве тяжело
Век стоять, склонившись над водою...

Если бы умели, изрекли
Ветви тайну, правды не скрывая...
Поброжу немного у реки,
В ней, как в детстве, сердце омывая.

* * *

Мальчишка, веря чудесам,
Котёнка гладит. – Тот
Без кошки, видимо, и сам
Недолго проживёт.

Переплелись в душе давно
Надежда и родство,
И боль – терять ещё одно
Живое существо.

И просит помощи малец
У мамы впопыхах,
Уже измаявшись вконец
С котёнком на руках.

Он тормозит его опять
Рассудку вопреки.
Из глаз, что не умеют лгать,
Слезинки потекли.

...Мы оживить стремимся вновь
Былое счастье, но
Осиротевшую любовь
Спасти нам не дано.

Один у нас путь

Торопится лето уйти, ускользнуть,
А жизнь, словно эти деньки, – коротка.

Льёт дождь, размывая начертанный путь –
Как много вобрали воды облака!

Прозрачным покоем природа полна,
В ней теплится грусть, приближаясь, как сон,
Вот-вот и со мною сольётся она,
Чтоб с осенью нам прозвучать в унисон.

Пушистый туман, как большая душа,
Обнимет меня, уходящего прочь,
И нежно набросит на плечи, спеша,
Ещё один вечер, ещё одну ночь.

А мне ускользнувшего лета – не жаль.
Играют холодные блики огня –
Свет вечности... и открывается даль –
Одна – и для осени, и для меня.

День следует за ночью

Небеса мерцают пеленою,
Над моею слабостью смеясь.
Ночь склонила молча надо мною
Долгой жизни звёздчатую вязь.

Вой шакалов слышу по соседству,
Никуда не деться мне от них.
Нет свободы запертому сердцу:
Ночь длинна, а жизни краток миг.

Но – надеждой, яркою стрелою
Луч зари взметнётся над стерней,
Рассыпая росною золою
Мглу, вокруг стоящую стеной...

Высыхают горестные раны
Чёрной влагой илистого дна...
Исчезает марево тумана
В свете наступающего дня.

Глаза неба

Не сбросить звёзд святую ношу
На землю грешную уже:
Их свет холодной этой ночью
Змеёй совьётся на душе.

И предки смотрят сквозь созвездья –
Неумолимы и строги.
Они молчат, но им известны
Мои неверные шаги.

И все, кто канул безвозвратно
На небо, в звёздную зарю,
Стыдят меня... И как я завтра
В глаза живущим посмотрю?..

Лишь мама лунными очами
Склонится грустно надо мной:
«Забудь, сынок, свои печали.
Всё хорошо. Вернись домой...»

Не изменилось ничего.
Привычно тихих дней болото.
Рассвет, и вновь – черным черно.
Семья, волненья и заботы.

Жизнь продолжается, спеша,
Перемешав досуг с делами,
И лишь усталая душа
Моя безмолвна рядом с вами.

Свой золотой надев наряд –
Как под венец, нетерпеливо
Листвой качает невпопад
В окне задумчивая ива.

Осенний ветер по углам
Разносит явь, что нам приснилась,
Ломая душу пополам.
...Но – ничего не изменилось.

Возвращаюсь тенью

Став лёгкой тенью – сквозь хитросплетенья
Ушедших лет, витая в облаках,
На жизнь свою смотрю глазами тени,
Почти не отражаясь в зеркалах.

И я лечу в аул, где всё знакомо,
И вижу пред собою без помех
Очаг и уголок родного дома,
Где тайны детства спрятаны навек.

Но что найду я в этом запустенье? –
Туда года дорогу замели...
Я в сказку детства возвращаюсь тенью,
Забыв про жизнь, шумящую вдали.

Камни в моём саду

Я очищаю от камней
Свой сад – который год,
Но кто-то с камнем вновь ко мне
За пазухой придёт.

Поправлю клумбы и межу,
Затопанные в прах,
И переломы подвяжу
На хрупких деревцах.

Пусть душу будут мне топтать
На жизненном пути,
Не стану чувства я держать,
Как пленниц, взаперти.

И трудно сад оберегать,
Но я в потоке дней
Его не стану ограждать
Забором от людей.

Родник

В горах высоких, где ледник
Отроги покрывал,
Бедой считалось, коль родник
Бежать переставал.

Потратит много дней в пути,
Бывало, аксакал,
Чтоб воду чистую найти
Среди суровых скал.

Кто ключ чистейший загубил,
Что нам в наследство дан,
Тот осквернил и оскорбил
Тебя, мой Дагестан.

Уже забыт людьми навек,
Иссушен, невелик...
Найдётся ль добрый человек,
Чтоб оживить родник?

Магомед Ахмедов

(родился в 1955 году)

с аварского

17

с аварского

Вот и лето проходит

Вместе с летом и ты понемногу уйдёшь,
Ни судьба не удержит, ни память.
Где любовь мы посеяли – выросла ложь.
Я бессилён что-либо исправить.

От бездарных поэтов сжимается грудь,
Песни радовать слух перестали.
Вместе с летом уходишь и ты по чуть-чуть,
Для меня оставляя печали.

А в стихах ставит точки, как будто огнём,
Лист опавший – строка за строкою,
И летят журавли за чужой окоём,
Опаляя своею тоскою.

* * *

Тяжких дум сгустившиеся тени
Разрезают душу, как стрижи.
Слава Богу, избежал я плена
Царства сребролюбия и лжи.

Я от одиночества немею.
Боль души пугает остротой,
Но сказать могу я: «Честь имею!» –
В чуждый век вступая сиротой.

Жизнь почти прошла, как говорится,
Ждёт зима суровая в снегу.
Виноват я сам... но примириться
С этим подлым миром не смогу.

* * *

Дождь идёт проливной
В Новый Год – вместо снега,
Непроглядной стеной
Шумно падая с неба.

Время сходит с ума,
Изменилась планета:
И зима – не зима,
Да и лето – не лето.

Тяжело на душе
В век бетона и стали,
Словно люди уже
Быть людьми перестали.

* * *

Не понять нам друг друга, всему вопреки
Пролегла между нами незримая бездна.
Я в ущелье нещадно швыряю грехи,
Чтоб тебя осчастливить... Но всё бесполезно.

Что же делать, мой друг, с чуждым миром, что вновь
Приоткрыть нам торопится грани иные,
И смеётся, старея, над нами любовь,
Говоря, чтоб мы ею гордились и ныне.

* * *

Миг особый подскажет земные пути,
Если совесть в молитве склонилась.
Чтобы смысл, достигая небес, обрести,
Жизнь сдаётся на Божию милость.

И тогда сам Господь наблюдает за мной
В одинокие эти мгновенья,
Даже ночь, оглушая своей тишиной,
У Всевышнего просит прощенья.

Сколько утрат на дороге любви!
Судьбы укутает смерть пеленою.
В маленьком доме, забытом людьми,
Лишь одиночество рядом со мною.

Мир не похож на намоленный храм,
Родина словно живёт на запретах,
Вновь возводя пьедесталы ворам
И о своих забывая поэтах.

* * *

Даруется старости посох, когда
Нельзя сквозь сугробы пройти никуда.
Спасибо, Господь, за молитву и храм! –
За то, что минуя завалы в судьбе,
Взывает согбенная старость к Тебе,
Былое тепло возвращая и нам.

* * *

Созвездия – небесные цветы,
А на земле растут цветы иные,
Но сохраняют тайну красоты
Они с времён древнейших и поныне.

Как Божий взгляд, их снова узнаёшь,
Лучащийся доверчиво и страстно,
Когда их видишь – значит, ты живёшь,
Когда не видишь – жизнь твоя напрасна.

* * *

В зародыше гибнет любовь – что ни делай,
Спасти не получится – даже не пробуй...
Зачем доброта подменяется злобой,
А страсть превращается в свист оголтелый?

Прекрасная Дама покинула Блока,
В созвучьях Расула убавилось света –
Унылое время пришло для поэта.
Душа без любви, как молитва без Бога.

* * *

Хоть на колени стань от несвободы –
Спешит глухое время, семеня.
Вокруг танцуют жалкие уроды,
И дни, и ночи мучая меня.

Среди людей как будто замерзаешь –
Наедине с доставшейся судьбой,
И что же может быть подлея, чем зависть,
Шагающая рядышком с тобой.

* * *

Я рукою махнул на мгновения счастья,
Чья ушла красота, не оставив следа.
Раскололись волшебные сказки на части,
Божий дар, словно солнце, скользнул за года.

Слышу страшные новости. Ширится бездна.
Мир застыл на последнем своём рубеже.
И расскажут мольба, и молитва, и песня
Мне о жизни, в которой нет жизни уже.

* * *

Чтоб смысл родного слова не утратить,
Ни в чём душе скорбящей не перечая,
Я жил и буду жить стихами ради
Величия и славы горской речи.

Надгробие любви среди плит бесщётных
До неба достаёт уже, наверно,

Но снова сердце бьётся учащённо:
– Ну где ж ты, где ж ты, чудное мгновенье?

* * *

Взгляд устремлён к заоблачным вершинам,
И тяжелей становится дышать,
А журавли уже уходят клином.
Как тяжело в полёт их провожать...
Не верю в обещанья и прогнозы:
Едва ль чужбина родины милей.
Не зря невольно проступают слёзы,
Когда я слышу крики журавлей.

Книга

Арсению Тарковскому

Седого поэта волнующий слог
Подарит судьба, а не случай.
Мост времени вздохом тяжёлым пролёт
Над поездом гулких созвучий.

Дни рушились, в пропасть летели мосты,
Сгорала последняя малость,
С победою крах оставался на «ты»,
И время проклятием мчалось.

Со старостью юность встречается, как
Злодейство и гений у двери,
Но Моцарт рассеет сгустившийся мрак,
Что тянется вслед за Сальери.

Эльмира Ашурбекова

(родилась в 1969 году)

с табасаранского

Дербент

Когда велел построить шах Кубад
Преграду между морем и горами,
Поднялись из земли за рядом ряд
Обводы стен молочными зубами.

Но был рубеж здесь и до той поры,
Связав эпох разрозненные звенья,
Когда долиной правили цари,
Чьи имена покрыты тьмой забвенья.

Сюда не раз война бросала тень,
И сколько же мечтающих о славе,
Благодаря величью этих стен,
Смогли свой след в истории оставить.

Немало тайн, не сбросивших оков,
Хранят тропинки канувших веков!

Узел судеб

Руками великана пролегли,
Касаясь моря, стены цитадели.
Немых тысячелетий корабли
Давно в пучине вечности истлели.

Смешение молитв и языков,
Бессчётных судеб призрачные тени,
Как будто из промчавшихся веков,
А не из камня выстроены стены.

Любому богу тут найдётся храм,
Лазурным небом трепетно омытый,
А ветерок рассеял по горам
Бесплотный караван былых событий.

Дербент – переплетенье рас и лет,
Истории животворящий свет.

Запечатлев историю в коврах,
За жизнь свою я выткала немало
Дербентских стен и города Гюльбах
Цветков неповторимые овалы.

Померк Гюльбах, как всполохи зарниц,
Но стиль его ковров пленяет взоры,
Уже никто не помнит мастериц,
Придумавших волшебные узоры.

Я продала ковры свои давно,
Достойную за них мне дали цену.
Владельцам новым было всё равно,
Чей труд они повесили на стену.

Эпохи сводят многое на нет,
Но неподвластен времени Дербент!

Землянка Петра Первого

*Ничто не мало для великого.
Наполеон о Петре Первом*

Титан, окно в Европу прорубив,
Решил открыть Каспийские ворота.
Он расширял историю, взвалив
На плечи непомерные заботы.

Когда Дербент приветствовал Петра,
Землетрясением горы возвестили,
Что наступает новая пора
Во всём своём величии и силе.

А сам к себе был император строг,
Об этом знаем мы не по легенде –
Он, как простой солдат, ютиться смог
В землянке, сохранившейся в Дербенте.

Достоин удивленья нрав Петров:
Мир мал ему, но впору – тесный кров.

Летнее утро в Дербенте

Щебечут птицы, ниточками хора
Расцветившая утренний Дербент.
Завеса тьмы над городом, как штора,
За горный отодвинулась хребет.

В земных ладонях, всё ещё в покое
Беспечно дремлет Каспия колосс,
И солнце, глядя в зеркало морское,
Расчёсывает золото волос.

По улочкам бредут неспешно тени
За редкими прохожими вослед.
Моторов звуки, оглашая стены,
Приветствуют разбуженный рассвет.

Приходит утро доброе, звеня, –
Залогом удивительного дня.

Родной язык

О, родной мой язык – седина на висках, словно дым,
Ты – наследье веков, обращённое к людям и Богу.
Не под силу сегодня тебя передать молодым,
Это – словно экзамен родившимся в нашу эпоху.

Сможем ли распахнуть пред тобою мы створки дверей,
Чтоб и завтра звучал ты, сверкая, как чистые росы?
Иль остынет твой дух в испытаниях нынешних дней
И тебя умирать на обочину жизни отбросит?

О, родной мой язык – моё имя, и сердце, и суть,
И печаль, и любовь, сохранённые бережно в звуках.
Что же сделать, чтоб твой на земле не окончился путь?
Чтобы ты сохранился и жил в наших детях и внуках?

Салих Баттал

(1905 – 1995)

с татарского

25

с татарского

Пример любви

Неразлучны птицы Божьи –
Пара сизых голубей.
Вместе видели мы больше,
Чем орлы с тоской своей.

В этом небе – наша сила,
Не по нам житейский хлам,
И любовь всегда дарила
Высоту полёта нам.

Человек сдавал, бывало,
Только всем смертям назло
От невзгод нас укрывало
Нашей верности крыло.

Пусть порой бывало туго,
Истончалась жизни нить,
Мы старались друг от друга
Боль и раны утаить.

Нам народ служил примером,
Потому-то без затей
Мы, любя сегодня, верим
И в любовь грядущих дней.

Михась Башлаков

(родился в 1951 году)

с белорусского

И Беларусь, и Русь, и Украина...

Когда вокруг трезвонят лжепророки,
На всех углах дурманя мой народ,
Припомните истории уроки –
Никто её не остановит ход...
Откуда, братья, между нами лёд?!
У нас у всех единые истоки.

И Беларусь, и Русь, и Украина –
Земля славян! Ты для меня одна.
О, как цветёт под Овстугом калина,
Туманится за поймою Десна,
И, словно чёлн, плывёт Россия в снах.
Как я её забуду, как отрину?..

Прислушайся... Как будто бьют тревогу
Колокола, над Киевом звеня.
Слепой Кобзарь, куда ведёт дорога?
Ответ скорей среди этого вранья...
Ярилы лик взирает на меня.
Звонят колокола – светло и строго.

Я слышу их... И верую поныне
В то, что мы взять от прадедов смогли...
О, как цветёт под Овстугом калина,
Как слышен звон над Киевом вдали,
Кричат в полесской сини журавли,
И небо над землёй моей – едино.

Дороги Полесья

Дороги Полесья меня зачаруют.
Миную деревню над тихой рекой,
Завечерую, завечерую
Лодкой, в осоке нашедшей покой.

Кукует кукушка за речкою тихо.
Склонюсь над криницей напиться воды.
И пахнет, и пахнет вокруг земляника,
И мёдом хмельным настоялись сады.

На этих просторах рождаются песни,
Слетаются сами, когда захотят...
Дороги Полесья, дороги Полесья,
Как птицы, в далёкие дали летят...

* * *

Стучат составы. Даль чиста.
Безмолвно сиротеет плёс.
Желтеет первая листва
На кронах трепетных берёз.

И осень искрами зажглась.
Пожаром скоро полыхнут
И сенокос, и старый вяз,
Чьи ветки мне к окошку льнут.

Недавно стал я замечать
В своих висках дымок костра.
Пришла и для меня, видать,
Моя осенняя пора...

* * *

В ночи, на дальних перегонах
Дорогу вспомню... И вокзал,
Где, словно солнце за вагоны,
Скатилась горькая слеза.

Ты, одинокая, как осень,
Что стынет в травах на меже,
Глядела вслед... Как неба просинь,
Печаль лежала на душе.

Любимая... Тебе не спится?
Блестит луна из темноты...
А может, это только снится?
Дороги... Поезд... Я и ты...

* * *

Лельчицы... Дубы, как на ладони...
Речка Уборть тянется к шоссе.
На рассвете тихо ходят кони,
Оставляя след свой на росе.
Через поле в лес зелёно-синий
Убегают с гулом провода.
Крик им откликается гусиный,
И кипит под крыльями вода.

Только гуси не взлетят высоко,
И падёт бессильно крик лугов.
Облаков седая поволока
Поплывёт над заревом дубов.

Поплывёт без них на юг далёкий...
А гусям – в деревне зимовать.
На кормёжку и сарай убогий –
Это ж надо! – небо променять!..

А оно окрест такое синее –
Коль глаза такие – кто уснёт?..
Шорох крыльев над белёсым инеем...
Только сильных небо признаёт!..

Кветунь

Н. А. Соболевой

Пленя росными рассветами,
Не зная устали и сна,
Венки сплетая возле Кветуни,
Узорно плещется Десна.

Леса укрылись дымкой светлою,
Мерцают плёсы вдалеке.
Душа мелодией заветною
Напевно вторила реке.

Струилась дальше, неоглядная,
Своей безбрежной синевой,
А гром протяжно и надсадно
Гремел над самой головой.

Так меняется время, подчас
Изменяя природу и нас...
Звездопад...
Листопад...
Снегопад...
Как цветёт за окном этот сад!

* * *

Жить бы где-нибудь в маленькой хате
Вдалеке ото всех городов,
Там, где бор, где леса на закате
И осенний багрянец дубров.

Жить бы просто в лесной глухомани
Над прозрачной полесской рекой,
Чтоб избушку мою на поляне
Кутал вечер белёсою мглой.

А когда, поутру догорая,
Заколышется месяц в окне,
Я припомню тебя, дорогая,
И с тобой повстречаюсь во сне.

Ты придёшь золотым листопадом,
Красотою осенних высот...
На поляне моей возле хаты
Хрупкий вереск опять зацветёт.

Только сон мой напрасно приснится,
Золотой листопад отшумит...
Тихо стукнет в окошко синица –
Ведь и ей без людей не прожить...

Шмель

Дождь отшумел – цыганский, переливный,
И на траве заметил я шмеля.
Свои сушил он крылья после ливня,
И отдыхала влажная земля.

А он, сердясь, наверно, чертыхался,
До мелочей оглядывал мотор
И дальше в путь неспешно собирался,
И ждал его сверкающий простор.

Его манили травы луговые,
Цветы манили в даях полевых,
Но прежде всех – шмелихи молодые, –
И я, конечно, понимаю их.

Красавицы – пригожи и стремглавы...
Как не любить?.. И сладок будет мёд.
Во всей красе, на крыльях гулкой славы –
Вот-вот и шмель отправится в полёт...

Ну что ж, лети с добром!.. И всё же, знаешь,
Куда как хуже я тебя живу:
Цветы в полях ты первым собираешь,
Те, что потом я девушке сорву.

Серая цапля

Серая цапля с лесного болота
Тенью мелькнула над тёмной водой.
Вздрыгнула лилий речных позолота
Вместе с моею бродяжьей душой.

Криком вспугнула рассвет полусонный –
Солнце мелькнуло в зелёном окне.
Знаю, гнездо твоё в чаще зелёной,
Там, за туманом, на старой сосне.

Остерегаешься взгляда людского.
Может, летаешь ты только в ночи?
Серая цапля, мелькни над дорогой,
Чудом языческим вслед прокричи.

Липляны

Разнотравьем дурманят поляны,
В цвете липовом пчёлы снуют.
Через узенький мостик – Липляны.
Неприметно тут люди живут.

Затаились дома над водою.
Сохнет лодка на чёрном боку,
У ворот, под замшелой сосною,
Задремали котята в стогу.

Стая серых гусей понемножку
На речной выплывает простор,
И подсолнечник прямо на стёжку
Свесил голову через забор...

И душа отзовётся счастливо:
Но пройду, оглянусь, да и – всё...
И исчезнет случайное диво
За туманом лазурных лесов.

Гармонист

В кепке и босяком.
За дома
Выйдет парень с гармошкой на праздник.
Как в том улье – в селе кутерьма
От его перепевок проказных.

«Моя милочка форсила,
Губки краской мазала,
Да сама ко мне ходила,
Под ворота лазила.

Не судите, мужики,
Не судите, тётки,
Берегите языки
Дочкам на подмётки...»

А гармонь, где её отыскал?
Не найдёшь и в музее такое.
Он, как девку, её обнимал,
И вздыхала гармошка с тоскою.

Мать родная! Ну что за чудак?
В наше время возможно ли это?
За гармонь не дадут и пятак.
Усмехнулся он вместо ответа.

Для души бесшабашной сберёт
Эту самую дивную редкость.
Он идёт по траве, точно бог.
Наплевать, что судачат соседки.

Так и будет по жизни идти:
Нараспашку и сердце, и песня...
Как до песни такой дорости,
До гармонии твоей, Полесье?

* * *

Точно сердце
В груди оборвалось:
Вольный конь
Проскакал над рекой.
Не привиделось.
Не показалось.
Знаю я:
Это был
Вольный конь.

с белорусского

Он скакал
По туманам и росам,
Точно ветер –
Свободен и скор...
Вот однажды б,
Хоть раз,
Чтоб без веза,
Улететь бы
В далёкий простор...

* * *

Загляну в деревеньке к знакомому деду,
Про жизнь спрошу у него.
Дед достанет махорку, свернёт сигарету,
Помолчит... И вздохнёт: «Ничего...»

Поболтаем мы с ним, посидим возле хаты,
На разлив поглядим и на луг.
И вздохнёт дед Федос, точно он виноватый:
«Всё дождями залило вокруг...»

Я ему – так и так, мол, забот ещё много,
Мол, сто зим нам ещё зимовать.
Головою кивнёт, помолчит одиноко...
И вздохнёт: «Мне пора помирать...»

Полесье

Вечереет в Полесье. Спят туманы полого.
На реке утомлённо паромы скрипят.
И доносятся песни девчат издалёка,
И огни в зачарованных далях горят.

На зелёных лугах бродят вольные кони,
И слышны голоса перепёлок во ржи.
Возле хат на деревне вздыхают гармони.
Тонкий месяц над лесом сквозь дымку дрожит.

Тишина... Тишина... Где ты встретишь такую?
Догорает закат у рыбацких костров.
И последнюю песню кукушка кукует,
Как прощальный мотив земляничных боров.

На Полесье закончена ныне работа.
Из ведра обольёшься студёной водой,
И уйдут на какое-то время заботы,
И туманные сны поплывут чередой.

Ах, как сладко уснуть под навесом на сене!
Ночь окутает густо пространство земли.
Ни единого звука... Стущаются тени...
Лишь случайно собака залает вдали.

Ей в соседнем селе отзовётся другая,
Огонёк одиноко в окошке мелькнёт.
И качнётся паром, на волнах затихая,
И последним усталый паромщик уснёт...

Ночной паром огнями встретил.
Трос, натянувшись, трепетал.
Над Припятью метался ветер,
И дождь крошечный нависал.

Паромщик, сгорбленный и хмурый,
Глядел на берег вдалеке,
Где засыпал неблизкий Туров,
Сползая к дремлющей реке.

Цигарка пыхала надеждой,
Что скоро будет тёплый дом,
А дождь скакал – шальной, безбрежный...
Скрипел простуженно паром.

И берег медлил... Моросило...
Брезент намок... И так все дни.
«Давно паромщиком?» – спросил я.
Окурок сплюнул: «Да с войны...»

И я подумал, сбитый с толку:
«Такая есть ль во мне любовь?..»
Я не брожу по свету столько,
Как он меж этих берегов.

Обиды держим на невзгоды.
А что паромщику сказать?
Махнёт рукой на непогоду –
И будет вновь переплывать...

* * *

Устану.
На лавочку сяду.
Мерцают огни над Двиной.
Купить бы просторную хату
Над тихой широкой рекой.

Сидеть бы вот так вечерами.
Не нужно ни славы, ни книг.
И слышать бы только в тумане
Печального чибиса крик.

Август

Солнце в небе золотым ранетом.
Яблоки поспели на дворе.
И плывут над росною планетой
Запахи по утренней заре.

Всё как есть смешает август слепо,
Ночи перепутает и дни.
Разбужу тебя... И это небо
Лишь одним глазам твоим сродни.

Улыбнешься тихо и пугливо
Алым ртом, уставшим от любви.
И глядят на белый свет стыдливо
Спелые два яблока твои...

* * *

Солнце садится за поле далёкое.
Девушки тихо поют возле хат.
Всё тут – знакомое, близкое, лёгкое...
Как тяжело возвращаться назад.

Знаю, пойду, и поделать тут нечего.
Буду тяжёлые травы сминать,
Буду шагать в тусклом сумраке вечера,
Грустную песню твою вспоминать.

* * *

Светлая осень.
Пора листопада.
Медленный шёпот берёз.
Листья засыпали
Стёжку у хаты,
Двор и разохшийся воз.

Конь
На зелёной поскотине
Белый.
Конюх с уздечкой бредёт.

Нету покоя
Душе огрубелой...
Что тут гадать наперёд...

Отшелестели,
Отшелестели
Годы, желанья,
Мечты,
И листовеи,
И листовеи
Запорошили следы.

Жизнь миновала:
Всё кони да кони,
Нет ни наград,
Ни долгов...
Гладил их морды
Шершавой ладонью,
Оберегал от волков.

Всё пролетело.
И дни, как колёса,
Быстро своё доскрипят...
Конь на поскотине.
Светлая осень.
Листья берёз
Шелестят.

* * *

Подкинь, шофёр, до Борового –
Там, в хрупком мареве раки,т,
Из тростника за сизым стогом
Пичуга бедная кричит.

Давно все птицы улетели,
Давно пожух наряд дубрав.
Она ж в предчувствии метели
Кричит среди болотных трав.

О, птица бедная,
я тоже
На юг далёкий не лечу,
Лишь сердце горестно тревожа,
Один, как ты, своё кричу.

Твоя печаль, твоя забота
Томит мне сердце и саднит.
...Давай поплачем у болота
Под хрупким пологом раки.

Пани Марыся

Снег белый-белый
Падал, кружился.
Песню мне пела
Пани Марыся.

Путь. Полустанок.
Облик твой милый.
Польша, как панна,
Заполонила.

Зачаровала
Готикой строгой.
За перевалом
Вьётся дорога.

Там, за горами,
Белые кроны,
Скачут полями
Снежные кони.

Выцветший месяц
Тонок, как птица.
Грустная песня.
Тень на ресницах.

Польша. Полесье.
Хоть разорвись я.
Снег белый. Песня.
Пани Марыся.

Новую книгу хочу написать.
Светлую-светлую. Чтоб – ни грустинки.
Как приступить к ней?
О, если б мне знать!
Кружится лист на воде, как пластинка.

Осень, сыграй мне на скрипке ветров
Песню простора за синею дымкой.
Тихая музыка жёлтых боров
Вдоль по дороге плывёт паутинкой.

Крик журавлей над полесской землёй
Горько несёт растревоженный ветер...
Что-то с моею случилось душой:
Стынет, как след от костра на рассвете.

А лишь недавно – светила, цвела,
Переливалась, как будто росинка.
Боже, дай силы мне, дай мне тепла...
Кружится лист на воде, как пластинка.

Челобитная любечскому князю

Светлый князь Святослав!
Славен город твой Любеч.
Летописец черниговский
Так записал:
«Зело дивен был град,
Аки каждому любо.
Там и шёлка, и злата,
Точно зверя в лесах».

И запали мне в душу
Слова эти, княже.
Захотелось и мне
Город твой поглядеть.
Звал и Туров на Припяти,
Звал Владимир на Клязьме,
С приглашением скакал

Новгородский гонец...
Бил звонарь поутру –
Звон всю пойму окутал,
Оглашался простор
За широким Днепром.
...Светлый князь,
Летописец, видать,
Перепутал:
Разметался бурьян
По-над княжьим двором...

Днём единым живём,
Предков наших не помним...
Так и всё можно, княже,
Не знать, отродясь.
Память...
Что с тобой стало?
Сияющим полднем
Освети,
Как колодец,
Память мёртвую в нас...

Русь моя!
Полыхали и книги, и храмы.
Нашу память
Палили огнём чужаки.
И сегодня болят
Те давнишние раны.
Память, память земли,
Мы твои должники...

И не счесть все пожары,
Все беды и войны,
Что измучили душу
Отчизне моей...
Сколько песен не спето
Над этою поймой!
Сколько зорь не возшло
Над простором полей.

Думы, думы...
Как будто во вражьем полоне,
Не найти мне покоя
Ни ночью, ни днём.

Слышишь, цокот копыт?
Скачут быстрые кони.
Это, верно, гонец...
Но с добром
Иль бедой?

По дорогам Руси,
По полянам и чащам
Скачут, скачут гонцы.
Слёзы, горе и стон...
Вести добрые, княже,
Приходят нечасто.
Скачут, скачут гонцы,
Задышается звон:

«Лютый ворог напал.
Кровь славянская льётся!»
Да хранит тебя Бог –
Сколько мук приняла,

Сколько слёз пролила...
Сердце горестно бьётся.
Потому и полынью
Земля поросла.

Всё полынь да полынь...
Эта горькая память.
Не косить же её –
Пусть растёт вдоль дорог.
Коль истратили веру
И горько вам станет –
Оторвите листок,
Тот полынный листок...

И взмывал турий рог
С тусклым блеском металла,
Тяжелела трава
На лугах от росы.
И кукушка
За сизым Днепром куковала,
Как в ушедшие дни
На великой Руси.

И болела душа
От её кукованья.
И слезинкой
Стекала зарница
За плёс.
И над речкой
Далёко
В белёсом тумане
Половецкой повозкой
Скрипел перевоз.

Неоглядная Русь –
Не окинуть и оком...
Залетел ты далёко
С дружиной своей.
Степь.
Сереет ковыль.
И стрелою высоко

Сокол сизый застыл
Там, где небо синей.

Половецкое поле.
Рано солнце садится.
Брешут лисы,
И волки слышны на юрах.
Див во мраке кричит...
И тебе, князь, не спится.
Как там Любеч?
И тлеет,
Словно уголья,
Страх.

Догорает костёр.
Чутко дремлет дружина.
Ты поганым
Дорогу на Русь заступил.
По ночам половчанка
От тебя просит сына,
Лаской путает разум,
Чтоб назад не ходил.

Ой, гляди, светлый князь,
Чтоб стальные оковы
Не надели однажды
На ноги тебе,
Чтоб в ковыльной степи,
С ханской лаской знакомя,
За конём не умчали,
Ломая хребет.

Половецкое поле...
Пусть опасность минует.
Много дум передумано.
Много сказано слов.
И далёко Отчизна.
Там кукушка кукует,
И над поймой широкой –
Чистый свет куполов.

О, не гневайся, князь,
Что гонец не доехал!
Он упал со стрелой
В придорожный бурьян.
Занесло,
Замело
Час твой
Пылью и снегом.
Что поведает мне
Одинокий курган?..

Обветшавших находок
Немало в музеях.
На зелёном холсте,
Как на стеблях травы,
Век суровый твой, княже,
Щитом бронзовеет.
Сквозь снега
И столетья
Мчатся кони твои.

Виночерпий, остынь:
Чаши после наполнишь.
Час застольной беседы
Ещё не настал.

Что сегодня за ночь!
Полнолуние... Полночь...
Ты немало с дружиной своей
Проскакал.

На весёлых пирах
И в стремительных битвах
Ты, князь,
Славу добыл.
И сбылось по судьбе.
Бьют поклоны, но знай,
Что недолги молитвы.
Завтра будут молиться
Уже не тебе.

Звон набата затих.
Нынче песни другие.
В раскачавшемся небе
Гудит самолёт.
Шлём к далёким планетам
Свои позывные.
Нас услышат,
Но сколько столетий пройдёт...

И мы ищем друзей.
Воевать сколько ж можно!
Хватит кровь проливать
На удушие золы!
И в ночи нашу память
Сегодня тревожит
Стон
Хатыньской земли,
Стон
Хатыньской земли.

На Земле беспокойно:
Ракеты –
не стрелы.
Сотни, князь, городов
Можно выжечь одной.
Человечество,
Что же мы всё разумели,

Коль себя обнесли
Смертоносной стеной?!

Торопись, светлый князь!
Рог трубит над дорогой.
С рёвом туры несутся
В зелёной глуши.
Где они, светлый князь?!
Плач туриного рога...
Горько пахнет полынь
На великой Руси.

Реки, некогда чистые, князь,
И озёра
Мелководные
гибнут.
И это – прогресс?
Зверя мало в борах,
Смолкнут птицы,
И скоро
Безголосо застынет
И высохнет лес.

С губ слетает, как стон:
– Берегите планету!
Занесите же в Красную Книгу
Всех нас.
Хватит, княже, молчать!
Не даруют нам это.
Рог туриный, труби.
Где гонцы твои, князь?

Пусть спешат по земле,
Вёрст не зная и срока.
Выбор нынче один:
Жизни быть
Иль не быть.
И кукушка кукует
Далёко-далёко...
Над планетой рассвет.
Рог туриный, труби!

Скоро будет «Ракета»,
И я, князь, отчалю.
У Днепра
На раздольных лугах
Косари
Скосят травы густые,
И долго ночами
Будут чибисы плакать
До самой зари.

* * *

В янтарной росе
Вся тропинка лесная
Пропахла медовой
Густой тишиной.
О чём же в июле
Поёт мне –
Не знаю –
Рассветная иволга
Над головой?

Быть может, про вёсны,
Далёкие вёсны,
Что пышной сиренью
Давно отцвели?
Быть может, про сосны,
Высокие сосны,
Что в небо у дома
Взметнули стволы?..

Ходил я по свету,
Искал свою долю –
Счастливую долю,
И думал – найду.
А иволга пела
Про счастье и волю.
Я думал, что песню
Такую сложу.

Ни доли, ни воли,
Ни счастья, ни песни...
И снова куда-то

Дорога ведёт,
Да голосом росным
Из кущи небесной
Рассветная иволга
Песню поёт...

* * *

Лесная Уборть.
Травы.
Сенокос.
Цветы.
Шмели.
И аист на крыле.
И над дорогой
Сонный скрип колёс.
Чего ещё
Хотеть мне на земле?

Песчаная дорога

Знакомая мне с детства песчаная дорога,
Песчаная дорога среди знакомых мест.
Ручей мой светлый вьётся над мостиком убогим.
О, сколько не свершилось мечтаний и надежд!

Знакомая мне с детства песчаная дорога.
Друзья мои? Да многих уже на свете нет.
И тихо шепчет осень. И слава, слава Богу,
Что зимние метели не забелили свет.

Иду я, поседевший, к родимому порогу.
Как горек встречный ветер, как этот путь непрост...
Я знаю, час настанет, и эта вот дорога
Песчаная дорога проляжет на погост.

Я стану вспоминать

Я стану вспоминать
Тропу в пшеничном поле,
Я стану тосковать –
Там, в городской юдоли,

Где суета и быт
Меня гнетут, неволя.
...А в сумерках бежит
Тропа в пшеничном поле.

И дни мои летят
И тают без ответа.
Догнать бы, эх, догнать...
Но как догонишь ветер?
Шагаю в тишине.
Уходят прочь желанья.
Огни горят вдали...
Мои воспоминанья...

Слёзы чибиса

Что ж ты, чибис, маешься?
Изошёлся в стоне...
Попусту пугаешься –
Я гнезда не трону.

Лето. И не просится
Голова на плаху.
Ввысь тоской возносится
Плачущая птаха.

Травы не накошены,
И не сжато жито...
Слёзы, как горошины,
Над житьём прожитым.

* * *

А над Днепром вдруг крикнет цапля серая,
Круг пролетит над тихою водой,
Опустится на отмель возле берега
И скроется за сизую травой...

И я вот так же цаплей одинокою
Застыну у днепровских берегов.
И пойма отзовется мне широкая
Тоской недавно скошенных лугов.

Дымит вдали костёр
Над скошенной нивой.
У августа свой взор –
Янтарный и ленивый.

Высоких сосен тень
Упала на дорогу.
И догорает день
За порыжевшим стогом.
Волной размыт песок
На опустевшем плёсе.
И кружится листок
Как знак, что скоро – осень.

По грибы

Брожу среди
Берёзок и осинок
И, как грибы,
Ищу свои стихи...
Рассветный лес
Приносит мне
В корзину
Упругие,
С росой,
Боровики.

То выбегут
Лисички на полянку,
То поклонюсь я
Грузному груздю.
И только
Мухоморы и поганки
Я никогда
В корзину не кладу.

Листопад

Шелестит листопад
За осенним окном.
Облетает мой сад,
Холодеет мой дом.

Дождь идёт и идёт,
За окошком шумит.
И душа не поёт,
И строка не звенит.

В опустевших полях
Сиротливый покой.
Замечает мой шлях
Журавлиной тоской.

Вщиж

В. П. Парыгину

Вечерний снег
Кружится тише, тише
Над поймою широкой
И Десной,
Снег падает
Над древнерусским Вщижем
Замёрзшею славянской слезой.

... Слетелись,
Точно вороны, татары.
Клевали стрелы
Терема в огне.
По жниву
В алых отсветах пожара
Скакал
Последний ратник
На коне.

И полз огонь
По куполам собора,
А звон летел –
Бил в колокол звонарь...

Плыл дым над поймой
Горький, словно горе, –
Где град стоял,
Осталась только гарь.

Шумели орды
Вражеского стана.
Вщиж умирал,
Свечою догоря.

И в золотую чашу
Батый-хана
Стекала кровью
Дымная заря...

Молчал звонарь,
Пронзённый в грудь стрелою.
Искрясь,
Тонуло зарево
В Десне...
Обледенной жгучею слезою
На пепелище падал
Белый снег...

Сон-трава

Точно детства далёкого сны,
Сон-трава на пригорках весны.
Захмелеет моя голова:
Пахнет, как сон-трава, сон-трава...
И припомнится: давней порой
Те цветы приносил я домой.
На пригорках за нашим селом
Их немало весною цвело.
Был совсем молодым я тогда
И не знал, что промчатся года.
Поседела моя голова,
Отцвела, отцвела сон-трава –
Далеко, там, за сизою мглой...
Сердце полнится горькой тоской
Точно детства забытые сны –
Сон-трава на пригорках весны.

* * *

Подари мне, роща,
Песню в тишине.
Подари мне, поле,
Песню на стерне.

Подари мне, пойма,
Песню меж лугов.
Подари мне, песня,
Светлую любовь...

* * *

Ну что же ты тоскуешь так о лете?
Как наши дни, оно уже прошло.
Ты слышишь, за окошком стонет ветер,
И птичьи стаи встали на крыло?

Нам оставаться здесь. Куда же делись,
Куда ушли златые наши дни?
Живём, живём, на лучшее надеясь,
А лучшее осталось позади...

А ландыши цветут

А ландыши цветут
На солнечных пригорках,
А ландыши цветут,
А ландыши цветут...
Серебряным веслом
Мне б прикоснуться только –
И в золотом челне
Дни эти поплывут.
Я ландыши срывал
У леса за рекою.
Я ландыши срывал –
Была ты не такую.
Я ландыши срывал –
О, молодости дым!

Я ландыши срывал –
И я был не таким.
Нелёгкие года
Пришли для нас с тобою,
А ландыши цветут
Весною за селом.
Уходят наши дни,
Текут вслед за водою
В том золотом челне
С серебряным веслом...

А ландыши цветут...

* * *

Дожидаюсь я вечера
Возле поля ржаного,
Дожидаюсь я вечного,
Неизбывного слова –

Настоящего, зрелого,
Как колосья – литого.
Вечер...
Солнышко село.
Где ж оно, золотое?

* * *

За годом год проходит мимо,
Они гудят пчелиным роем...
А я ищу неумоимо
Годами слово золотое.

Что ни скажу – с собою спорю,
Что ни найду – опять пустое.
Летаю, как пчела по полю,
Ищу я слово золотое.

Как мёд на блюдце, золотится:
Я знаю, есть оно такое,
Его ищу, оно мне снится
Годами – слово золотое...

* * *

С тобою мы не виделись давно,
А чувства, словно вишни, отцвели.
В бокалах – заграничное вино.
Мы вспоминаем годы, что прошли.

О семьях, о знакомых вновь и вновь
Мы можем очень долго говорить,
И только слово горькое «любовь»
Боимся ненароком повторить.

Крутясь, совет слова веретено,
А прошлому – сгорать и не сгореть.
«Мартини» иль обычное вино –
А всё равно головушке болеть.

* * *

Ещё щебечут птичьи стаи,
Не умолкает пересвист,
Ещё над августом устало
Не закружился жёлтый лист.

Хвастливо щеголяет лето
Своей зелёною красой,
Но всё же осени приметы
Прошли, как дождик, полосой.

И ждёшь привычного исхода,
И даже некому пенять,
Что приготовилась природа
Свои наряды поменять.

* * *

Миколу Шабовичу

Золотые сосны,
Сосны золотые...
Где ж бывшие вёсны,
Вёсны золотые?

Где ж вы отшумели,
Не жалея цвета,
Словно сны-качели
Золотого лета?

С головой седою
Постою у сосен.
Жёлтою листвою
Осыпает осень.

Боль утрат с годами
Всё сильней изводит.
Дождь пройдёт над нами,
Как и всё проходит.

* * *

Моя дорога средь берёз,
Как скатерть, выткана.
А в жизни всё всегда всерьёз
И – красной ниткою.

Бежит за поле и за луг,
За дымку синюю.
И всё судьбы плотнее круг –
Поближе к инею...

Идут года... И я иду
Дорогой этою.
Кого я встречу? Что найду?
И сам не ведаю...

Волнует душу мне до слёз,
Как песня спетая,
Дорога эта меж берёз
Моя заветная...

* * *

Кукушка прокружит
Над тишиной лесною.
Как времечко бежит,
Уходит прочь водою.

Укроется в тени
Над головой седою.
Года мои и дни
Сгорают над водою.

Кукушка прокружит.
Стремглав её полёт.
Мне б – как живётся – жить,
Да времечко не ждёт...

Зелёная осень

То бисерный дождик по кронам сечёт,
То солнце осветит студёные росы.
Не осень ещё, но и лето – не в счёт.
Нет больше тепла, и не скоро морозы.

Зелёная осень – такая пора,
Когда уже молодость не отзовется,
А старость ещё у чужого двора,
А старость ещё на лошадке плетётся.

То жёлтый листок, то зелёный листок.
Вот так и оттенкам души потакая,
То светлая строчка приходит в свой срок,
То грустная, позднюю осень вдыхая.

Зелёная осень стоит во дворах.
Как пахнет грибами в густом перелеске!..
Как дышится хвоей в промокших борах!..
Зелёная осень пришла на Полесье.

Блестит паутинка в висках сединой,
Но зеркалу я доверяю не очень –
Как юности свет прошумит надо мной
Зелёная осень, зелёная осень...

Я прихожу сюда
В конце разлук,
К высоким соснам
Над вечерним Сожем...
Заснеженная пойма.
Через луг –
Там, за рекой,
Следы
По бездорожью.

Далёкие
И близкие огни.
Тоска прощаний.
Радость новой встречи.
Молчу,
И не хватает тишины
В такой
Необычайно белый вечер.

* * *

Березина набухла, как берёза.
Весенним жбаном стынет небосклон.
И отступают звонкие морозы
За пойму, лесу снежному в полон.

А к берегу, белеющему сирю,
Плывут весны вишнёвые дымы,
И солнце, словно острая секира,
Зарубки ставит на стволе зимы.

Утро на Припяти

Туманы над водой белёсы.
Недвижна сонная река.
А через Припять едут козы
До травяного островка.

Веслом девчонка путь недолгий
Вершит – везёт привычный груз,
И, как на гвоздь, на рог козлиный
Малец повесил свой картуз.

Прохладным сумраком объяты
Просторы – в дымке голубой.
Из-за леска сбежались хаты
На берег дружною гурьбой.

Рассвет рекой пропах, и кротко
Заря пылает впереди,
И сердце, как козлёнок в лодке,
В моей волнуется груди.

* * *

Какой нынче вечер бордовый!
На небе блестит молодой.
И в шелесте светлой дубровы
Теряется радостный крик.

– Ау! – в поднебесье взмывает.
– Ау! – всё, что в сердце берёт.
И только туман проплывает
Над усталью сельских дорог.

Кричат где-то белые гуси,
С покоса девчата идут.
Над белой моей Беларусью
Желанные звёзды встают.

Новобелица

Мне приснились опять Новобелица
И на улице Солнечной дом,
Где весной цвет вишнёвый метелится
За моим одиноким окном,

Где на лавочке вечером поздним
Мама долго с соседкой сидит,
Где ночами подолгу над пожарной
И за соснами бакен горит.

Мне приснилось: рассвет занимается,
За рекой соловьи в лозняках.
Я поеду домой. Там туманится
Над большими берёзами шлях.

Там пасутся за хатами кони,
Там синеют во ржи васильки,
На гуляньях там хрипнут гармони,
И спиваются мужики.

Горячи там девчонок объятъя:
Млеют груди тугой тетивой,
И соски, словно стрелы, под платьем,
Розоватые над белизной.

Там заря над заснеженным полем
На полнеба горит за селом.
Сны мои отзываются болью,
Боль моя отзывается сном.

Помнится

Помнится, сено возили
С матерью в летние дни.
Быстро те дни проходили,
Словно летели они.

Тихой водицеюплыли
За Церуху, за луга.
Помнится, сено копнили,
Сено копнили в стога.

Всё промелькнуло с годами.
Но только память копни:
Тут, где-то тут, за стогами,
Эти далёкие дни.

Захлебнётся душа

Захлебнётся душа
Соловьиною песней
Под высокой луной
Над спокойной рекой,
И повеет с лугов
Ветром – тёплым и вешним,
И приятно запахнет
Травой молодой.

От ночного костра
Голоса долетают.
Парни, парни, увы,
Мой костёр отпылал.
Дальше плыть бы, но путь
Дымом мне застигает:
Ни весла и ни лодки
Я себе не достал.

Неужели совсем
Мне удача не рада?
Не умею я жить,
Не умею я жить...
Людам – первый покос,
Мне же – снова отава,
И всё время дождит,
И всё время дождит...

Переменится всё,
Будет, как захочу я,
Отыщу я и лодку,
И вёсла в свой час.
А пока
На туманных лугах
Заночую.
Только б этот костёр
За рекой не погас...

За Прокоповкой в рощице белой,
Где родные берёзы шумят
И пролески такие несмелые,
Словно светлые взгляды девчат.

Завершается день утомлённый,
Опускается солнце за шлях.
В белой роще стою, озарённый,
Таёт тихая грусть на губах.

Сок берёзовый сладок в стакане.
Разведу на полянке огонь,
И в молочно-белёсом тумане
Где-то грустная всхлипнет гармонь.

Гармонист тут один на округу:
Что ж тоскуешь ты, дядя Демьян?
Не хватает сердечного друга?
Одиночества душит аркан?..

Плачь, гармошка! И мне одиноко...
Солнца шар между белых стволов.
И колеблются звёзды высоко,
Словно эхо ушедших годов.

Я на станции жил

Пролетит из родной Церухи
Полуночный состав мимо сосен,
И знакомым дымком от стрехи
Мне пахнёт из далёких тех вёсен.

Я мальчишкой на станции жил.
Как любил я огни семафоров!
А ещё поезда я любил,
Но особо – зелёные, скорые.

Босоногим подростком смотрел,
Как стремглав грохотали вагоны,
И до слёз так поехать хотел,
И махал им рукою смущённо.

Тоскую по родительскому дому.
 Давно его мне нужно навестить,
 И я опять приду к родному крову.
 Всё помню. Ничего мне не забыть.

Мгновенья детства помню золотые,
 Картошки запах, жар ночных костров...
 Зелёными тропинками лесными
 Блуждает эхо дальних тех годов.

Кто ждёт меня там – этого не знаю,
 Чей огонёк рассеивает грусть?
 Но в Церуху к сиреневому маю
 На поезде осеннем доберусь...

Сентябрь

Плывёт туман над скошенной нивой,
 Бредёт сентябрь по сжатой борозде.
 И холодеет грустью журавлиной
 Последняя кувшинка на воде.

Лист золотой на тонкой паутинке
 Колышется над тёмною водой.
 И осень в зеленеющих вершинах
 По веткам скачет белкой молодой.

Раздумий и сомнений час приходит,
 Час просветленья далее и души.
 Какой покой в осенней скрыт природе!
 И сколько тайн живёт в её тиши!

* * *

Листок увядший
 К исходу лета
 Сорвало ветром
 И понесло
 На путь осенний,
 Дождём воспетый,
 За журавлиным

Седым крылом.
А жизнь – мгновенье...
Листок осенний
Поплыл, как парус,
В тиши лугов
Над тихой грустью
Поры вечерней,
Над давним эхом
Ребятчих снов.

А там, на склоне,
Пасутся кони,
А там, за рощей,
Крик журавлей...
Мой день осенний
Виски затронет
Печалью горькой
Ушедших дней.

На улочке Зелёной

На улочке Зелёной
У задремавших хат
Так по-сентябрьски клёны
Высокие шумят.

Я сам уже осенний,
Похолодел душой.
Мгновенье за мгновеньем
Жизнь красит сединой.

Живу на грани лета,
Как опустевший сад...
Года мои под ветром
Закружит листопад.

* * *

В светящихся росах
Тропинка лесная
Пропахла медовой
Густой тишиной.

О чём ты поёшь мне,
Как будто стена,
Рассветная иволга
Над головой?

Быть может, про вёсны,
Далёкие вёсны,
Что сладкой сиренью
Давно отцвели?
Быть может, про сосны,
Высокие сосны,
Что днями над нами
Качались вдали?

Бродил я по свету,
Искал лучшей доли,
Счастливую долю,
Я думал, найду...
А иволга пела
Про счастье и волю.
Я думал, что песню
Такую сложу.

Ни доли, ни воли,
Ни песни, ни счастья...
И снова куда-то
Дорога ведёт,
Да голосом росным
В проснувшейся чаще
Рассветная иволга
Песню поёт.

Журавли

С тревогой смутною окину
Поля осенние вдали.
Летят на юг протяжным клином
Над нашим краем журавли.

И крик о родине предзимней,
О том, что превратится в прах,
Ложится на искристый иней,
На травы ржавые в полях.

Я знаю: в долгом перелёте
Дни бесконечно нележки.
Горят тоскливо на болоте
Осенней клюквы огоньки.

Снегурка

У тебя на платье вышиты снежинки.
На тебя порою я боюсь дохнуть.
И веду тебя я теневой тропинкой,
Не смогло чтоб солнце в очи заглянуть.

Только ты смеёшься, к солнцу выбегая.
И, переживая, я кричу в сердцах:
«Ты сейчас растаешь, слышишь, дорогая!»
Но, видать, напрасен мой минутный страх.

«Милая снегурка...» Разлетится эхо.
Может, я придумал светлый образ твой?
Ты ж под солнцем вешним светишься от смеха,
И в ответ с улыбкой крутишь головой.

У тебя на платье вышиты снежинки.
Голубые льдинки у тебя в глазах.
Эх, я неразумный... Высохла тропинка,
И снежинки тают на моих губах.

* * *

На лесном хуторке
У резного окошка
Ото всех в уголке
Заиграла гармошка.

Легкокрылый мотив
То быстрее, то потише
Плыл в поля, обхватив
И деревья, и крыши.

Тосковали басы.
И душа замирала.
И скрипели возы
У речной переправы.

Плыл небесный паром
По раздолью Полесья...
И играет гармонь.
И рождается песня.

* * *

Над Литвою дожди,
Над Литвою туманы.
Одинокие чайки
На озёрах кричат.
Терпко пахнет осока
Предутренней ранью.
Сколько ж скрыто печали
В любимых очах...

с белорусского

Не грусти, дорогая,
Дожди перестанут.
Отгрохочет, светясь,
Громовой окоём.
На пропитанных солнцем
Цветочных полянах
Земляники с тобой
Мы ещё наберём.

Пусть чарует тебя
Гомон тёмного бора.
Этот хутор
Тебе полюбился...
И мне...
Слышишь, лебеди плачут
На синих озёрах?
Ах, прости,
Это дождь
Вновь рыдает в окне.

Песня

За путями, где бор золотистый
Молодой земляникой пропах,
Как же грустно поют молодницы –
Так, что слёзы блестят на глазах.
В тишине и глуши заповедной
Неподвижно течение лет.
Словно лёгкий и ласковый ветер,
Устремляется песня в рассвет.

Задержав от волненья дыханье,
Замер я, на опушке притих.
Скорый поезд, вдали громыхая,
Заглушит эту песню на миг.

Но взметнётся она над дорогой,
Словно птица, паря в облаках.
Знаю я, что ещё долго-долго
Буду чувствовать соль на губах.

* * *

Я поеду завтра в Церуху
И в местах любимых побываю,
По знакомым стёжкам поплутаю,
На родимый кров взглянуть смогу.
И хотя разъехались соседи,
Кто-то умер, но у клёнов сонных
Постою, послушаю, как ветер
Плачет от тоски в пожухлых кронах.

И хотя не встречу я знакомых,
Похожу и поброжу у дома
По тропинкам выцветшего лета...
Всё равно я в Церуху поеду.

Царь-дуб*поэма*

Усталый вечер.
Городок районный.
Чаруют сердце голоса девчат.
Разносится протяжный смех гармоней
Над вековыми клёнами у хат.

Мост через Уборть скрыт в густом тумане.
Крик дергачей не молкнет за рекой.
И дым костров.
И кони на поляне.
Далёкий лес окутан тишиной.

Духмяный запах скошенного сена.
Огонь над плёсом в крохотном окне
Блестит, как око, вглядываясь в тени,
И бьётся месяц рыбою в воде.

А гармонист с весёлою гармонью
Прошёлся тёмной улицей... И смолк.
И берегов остывшие ладони
Наводят сон.
И тихнет городок.

Не спится мне.
Рассвет встаёт над лесом,
И небеса прохладны и чисты.
Горланят петухи на всё Полесье.
Качаются тяжёлые плоты.

По улице бредут на луг коровы,
«Эй, выгоняй!» – кричит проворно дед.
И отрок-пастушок белоголовый
С кнутом в руках спешит за ним вослед.

Мне тоже в путь – через поля и дебри...
За синими лесами, где-то тут,
Держа в веках над Белой Русью небо,
Как бог лесной, стоит могучий дуб.

* * *

Я знал давно, что где-то на Полесье
Стоит Царь-дуб – один в глуши лесной,
Вершиной упираясь в поднебесье,
Глубоко корни спрятав под землёй.

Всего один такой на белом свете,
Как царь, он грозно ветви распротёр,
Порывом их не потревожит ветер,
Хотя вокруг колеблется простор.

Никто его не сосчитает годы,
С седых времён растёт он в вышину.
Крещёный самой лютой непогодой,
Дуб выстоял –
И не одну войну.

И каждый век хоть что-нибудь, да значит.
Кружится время птицей вокруг ствола.
Искал на картах – дуб не обозначен.
Где, у какого он стоит села?

Расспрашивал повсюду.
Но не знали,
Где он сокрыт под небом голубым.
Легендою блуждал в полесских далях
Царь-дуб.
А я блуждал за ним.

* * *

Огни, огни...
Просторы рушниками,
Что на крестах, помахивают вслед.
И про Царь-дуб за синими лесами
Рассказывает мне столетний дед.

Морщинами и мудростью богатый,
Усталостью от пройденных дорог.
Как будто этот голос хрипловатый
Издалека несёт мне ветерок.

Тянулись дни.
 Ходил по свету много.
 Но всё, однако, видел, как во сне,
 Вечернюю туманную дорогу,
 Огни и деда, белого, как снег.

* * *

Хватил в достатке
 дымного прогресса,
 Переболел экзотикой путей...
 Шепталось затаённое Полесье –
 Край заповедный, край простых людей.

Полесье...
 Как чарующая песня,
 Ты остаёшься музыкой во мне.
 И журавли в спокойном поднебесье
 Курлычут на родимой стороне.

И каждый год издалека обратно
 Они летят под сень родных лесов,
 И над разливом рек плывёт надсадно
 Дрожанье журавлиных голосов.

О, журавли над родиной былинной!
 И здесь вы были, и в чужих краях.
 А где Царь-дуб?
 И тень падёт от клика
 Дорожным указателем на шлях.

* * *

Трясусь я снова в кузове машины
 Песчаную дорогою лесной.
 Полоски ржи
 И заросли малины.
 И небо, небо, небо надо мной.

Здесь всем леса окрестные богаты.
 На соснах ульи, ульи на дубах.
 Через болота вымощены гати,
 Чтоб дом грибами собранными пах.

Мне кажется, во времена былые,
Среди боров обильных и дубрав,
Как боги, жили пращуры лесные,
Богатые на запах спелых трав.

Ловили рыбу.
Добывали зверя.
Радужные, без зависти в глазах.
Пчелиный собирали мёд, и с верой
Искали покровителей в богах.

Водили хороводы на Купалу.
Скакали через жаркие костры.
Венки девчата в воду опускали
И о любви гадали до зари.

Шептали заклинания сурово
И пели гимны в счастье и в беде.
Славяне жили, верившие в слово
И в то, что завтра будет добрым день.

* * *

Безмолвный бор травую-муравую
И ягодами спелыми пропах.
...Дорога. Вьётся пыль над головою
Старушки с сумкой на худых плечах.

«А ну, давай свою, бабуля, торбу.
Чего пешком?
И далеко ль идти?»
«Ах, деточка, не ходит здесь автобус.
Замучилась совсем». –
«Нам по пути».

И, как грибы, мы пеших подбираем,
И в кузове становится тесней.
Попутная машина грузовая
В почёте на полесской стороне.

Распахивает полы встречный ветер,
Как будто набивается в друзья.

И катится, и катится навстречу
Дорога вдоль притихшего ручья.

Как ласточки, щебечут звонко девки,
Кивает бабка в такт им головой.
И милый сердцу говорок деревни
Трясётся на колдобинах со мной.

* * *

Дремучий край.
Шофёр нажал на тормоз.
Из чащи, не спеша, выходит лось.
Высокий, гордый.
С ним поосторожней.
Ну, что ты встал?
Сегодня я твой гость.

Сигналим.
Но не слышит он сигнала.
До ближнего села подать рукой.
«Нашлась таможня, тоже мне, лесная, –
Бурчит шофёр, – не узнаёшь? Я – свой».

Неторопливо сходит лось с дороги,
Рогами продираясь сквозь кусты.
Прощай, сохатый,
Ты властитель строгий.
Жаль, что немного здесь таких, как ты...

Ходи спокойно.
Есть ещё болота.
Для отдыха –
Густые лозняки.
Ещё камыш негромко шепчет что-то
По берегам твоей лесной реки.

Но есть ещё потребность в тех законах,
Что землю охранят от грабежа:
Под Убортью, на берегах зелёных,
В живых дубах засушена душа...

* * *

А в кузове беседа не смолкает:
«А в Данилегах новый агроном,
Толковый парень». –
«Ну и припекает!
Посохнет хлеб...
Хотя б денёк с дождём». –

«Из Уборти качают воду в поле». –
«Всё осушили, чёрт им не родня.
Скоси хоть луг, а всю траву в подоле
Снесёшь зараз.
Не нужно и коня...» –

«Вот и подумай, разве полегчает,
Когда не станет речек и болот.
Природа нам ошибок не прощает.
Земля, как баба, требует подход».

Полешуки... Проблемы и заботы
Волнуют нас. А как иначе быть?
И я с великой слушаю охотой
Ваш разговор, чтоб научиться жить...

* * *

Под Рубежами звонким лаем с эхом
Нас встретили собаки всех пород,
Как будто важный гость в деревню въехал –
Сопровождал залиvisto эскорт.

Остановились в липах у сарая.
Речь женщин,
Басовитый смех мужчин...
Как вековая бабка – хата с краю,
Как девица – табличка «Магазин».

«Что продают?.. За чем народ толпится?..» –
«Хлеб привезли...» –
«Без очереди мне!»
А на прилавке обувь, ткани, спицы
И платья, что давно уж не в цене.

Консервы с рыбой разных океанов,
 Тушёнка, крупы,
 Спички, лимонад,
 Грузинский чай, подставки для стаканов,
 Штаны и украинский рафинад.

Тесно... И половина магазина
 Забита: всюду ящики, мешки –
 Мука, горилка, ягодные вина.
 И на крыльце толпятся мужики...

* * *

Житьё бывает горьким и медовым.
 Какое чаще – я не дам зарок.
 За деревенькой в солнечной дуброве
 Крест и едва заметный бугорок.

Когда-то жил в деревне дед Микола,
 Для всей округи ульи мастерил.
 Роились и над ним звенели пчёлы,
 И луг цветами яркими пестрил.

Огромные пчелиные колоды
 Дни напролёт гудели вновь и вновь.
 И золотились
 Солнечные соты
 В густых ветвях раскидистых дубов.

Жил бобылём
 И хоть со всеми знался,
 Но только пчёл любил и привечал,
 Как и они, весной пробуждался,
 Зимой сиротливо замерзал.

Глядишь –
 Гречиха зацветёт в июне,
 Цветы вокруг, и пчёл не нужно звать.
 И там и здесь поставленные ульи
 Не поспедали пчёлы обживать.

Распаливал дымарь и каждый вечер
 Своим привычным занят был трудом.

...Стояла осень.
И прощально вереск
Пылал вокруг дороги за селом.

Мёд вересковый горек, я не спорю...
Сорвался с дуба бортник с дымарём.
И долго тлел закатною порою
Над ним дымарь погашенным костром.

Постой, шофёр...
Склонюсь я над могилой.
Вся жизнь моя как вересковый мёд.
Парит над лесом аист тёмнокрылый...
Что мне откроет новый поворот?

* * *

Без счёта поворотов на дороге.
И в жизни их никто не перечтёт.
Одних везут,
И путь быстрее в итоге,
А пеший знает каждый поворот.

И этот мой, конечно ж, не единый.
Сворачиваем в глухомань лесов.
С обочины под молодой рябиной
Сигналят нам девчата у мешков.

С усмешкой.
Не объедешь, не пытайся.
И гладит ветер юбки у колен.
С такими молодницами б на танцы...
Ах, ветер, ветер!
Чтоб ты окошел...

Шофёру тяжело – знаю: ненароком
Попутчицы бывают о-го-го!
Как сядет рядом, точно стукнет током.
«Не посадить ли? – спросит он. – Кого?»

«Не надорвись!
А то ты дюже прыток». –
«Гляди, а то развяжется пупок». –

«А мы как раз с собой не взяли ниток».
 ...И дал же Бог плутовкам язычок.

Да и шофёр в своих речах не промах:
 Так завернёт – не слыхивал вовек...
 Ну что за летний дождь, когда нет грома?
 Без доброй шутки –
 Что за человек?

* * *

Над колдовским, баюкающим лесом,
 Над стёжками и над густой травой
 Плыла, пьянила, завлекала песня,
 Качалась потревоженной струной.

Искрилась светом, радужною мглою,
 Порою затихала вдалеке,
 Колола сердце острою иглою,
 Слезою солонела на щеке.

Ах, молодницы!
 Что вы натворили?
 Не слышал раньше песни я такой.
 Наверное, мы многое забыли,
 Что в памяти ещё живёт людской.

Нас с возрастом покрыть стремится плесень,
 И забытья истачивает ржа...
 Так пойте, молодницы, ваши песни!
 Засветит первородностью душа.

* * *

Где наши корни?
 Где наши истоки?
 В каких веках явиться мы могли?
 Что нам расскажут свежие раскопки
 Забытых, растревоженных могил?..

Мы, жители двадцатого столетья,
 Должны знать предков, помнивших о нас.

Как мода,
Не меняется наследье,
История –
Есть то, что есть сейчас.

Жить новым днём
И днём, давно прожитым,
В своей душе суметь всё заучить...
Прапрадед мой,
В крови, тобой пролитой,
Есть кровь моя...
Чего же так горчит

Полынь вокруг?
Быть может, здесь могилы?
И тянет ветер песню нараспев.
Радимичи...
Отчизна...
Край мой милый...
Полынь... Полынь...
Шум вековых деревьев...

Минувшее откликнется, как эхо.
Сорвётся вздох
С могильных пыльных губ.
Волнуюсь.
Как бы часом не проехать
То место, где стоит могучий дуб.

* * *

В чащобе между кочек на болоте
Косили деловито мужики.
«Царь-дуб ты ищешь?
Мне б твои заботы». –
«Да тут он, рядом.
Есть же чудаки...»

И стало как-то стыдно мне.
И разом
Померк в глазах такой хороший день.
Все трудятся.

И только я тем часом
Блуждаю за легендою, как тень.

Ужель лишь мне всё это на потребу?
А как же быть с историей тогда?
Ведь говорят, что не единым хлебом...
Тем больше, что юней твои года.

Всё хочется увидеть в настоящем.
Тут сказка иль реальность – всё одно.
Лететь вперёд, ловить рукой горячей
Холодный ветер, рвущийся в окно...

Что человек всё время ищет слепо?
Простор небес,
Тепло любимых губ...
И, подперев над Белой Русью небо,
Предстал передо мной былинный дуб.

И мне века страницы пролистали:
Пожары, войны, частый недород.
А он стоит, оглядывает дали,
Великий, точно это сам народ.

О, древо вечности!
Могучий воин!
Едва видны сквозь ветви облака.
Тут, на Полесье, величаво, вольно
Шуметь ему на долгие века...

* * *

А жёлуди мне падают под ноги.
Они лежат, как семена судьбы.
Их посажу,
Где сходятся дороги.
И через годы –
Вырастут дубы.

И слышен будет шелест крепких веток,
И богатырский дух пребудет в них.
И напевать им будет вольный ветер
Предание о временах былых.

Наталка Белоцерковец

(родилась в 1954 году)

с украинского

* * *

Когда б меня в последнее мгновенье,
Уже почти отдав небытию,
Спросила б смерть, не ведая волненья:
«Как хочешь ты закончить жизнь свою?..»

Тогда, я знаю, я б тебя искала,
И, отыскав за тридевять морей,
Я бы всего тебя зацеловала
За все мученья гордости моей,

За все пустые дни и ночи кряду,
За все мои борения с судьбой,
И в том была б такая боль и правда,
Что страшно в ней признаться мне самой.

Пусть суета стремится в душу рьяно,
Пускай молва таится про запас,
Но знаю я, что жизнь не так бескрайна,
Чтоб той минуты не было у нас.

Визма Белшевица

(1931 – 2005)

с латышского

81

с латышского

Я не могу уйти

Ты был сухим обломанным стволом.
Вьюнком я оплести тебя сумела,
Я затянула каждый твой излом,
И синь цветков на ветках зазвенела.

Жужжит вокруг тебя пчелиный рой,
И птицы гнёзда вьют в зелёной кроне.
Качаясь, ты склонился над водой,
Любуясь на себя в речном затоне.

И, думая о том, что ожил ты,
Объятья струн моих ты рвёшь навеки.
Вьюнок дрожит от боли, и цветы
Льют слёзы на разошедшие ветки.

Но лишь плотней я стану сеть плести,
Нежней звенеть и хватку не ослаблю.
Куда я от тебя смогу уйти?
Как без своей листвы тебя оставлю?

Шарль Бодлер

(1821 – 1867)

с французского

Бездна

Паскаль имел свой ад, что следовал за ним.
Увы, всё бездна есть: поступки и желанья,
Мечты и сон, слова. И ветер мирозданья
Проходит, точно страх, по волосам моим.

Я наверху. А там, внизу, плывут, как дым,
Безбрежье, глубина, манящее молчанье,
Лишающее сил, и, точно на закланье,
Господь творит миры движением одним.

Как перед ямой, страх теснит во мне иное.
Провал ведёт в ничто сквозь ужас всех ночей.
Завидуя, мой дух всё чаще, горячей
Приемлет для себя как нечто всеблагое
Покой небытия, бесчувствие покоя.
О, круг не размыкать из чисел и вещей!

Раиса Боровикова

(родилась в 1947 году)

с белорусского

83

* * *

А он летит, летит, как ошалелый,
Тот лист, что опадает в чутком сне,
Но где же взгляд твой – ясный и несмелый,
Что лишь недавно снова снился мне.

Мир юной девы – розовые блики
Мечтаний, раскалённых добела,
А после и весь свет – одни обрывки, –
Я знаю, я влюблённую была...

с белорусского

Рыгор Бородулин

(1935 – 2014)

с белорусского

Не пережить...

Не пережить себя,
Чтоб не остаться
И одинокому,
И всем чужому.
Чтоб грустно тенью ветки
Не качаться,
Баюкая
И немощь, и истому.
Исчезнешь – что ж –
Невелика утрата.
«Всех старость, – скажут, –
Заберёт когда-то».

Буи Куанг Тхань

с вьетнамского

85

с вьетнамского

Монолог над Балтикой

Хочу, чтоб мне ракушку морской прибой принёс.
Любимая моя, твои я помню песни,
Теряются следы в прибрежной белой пене.
Вокруг лишь ветра шум да череда берёз.

И в пресную волну я с плеском захожу.
Здесь нет ревущих волн, но как простор струится!
Нет парусов вдали, и вечер будет длиться.
Ещё совсем тепло. Так что же я дрожу?

Я камешек швырну в прибой и, семена,
Скользнёт он, на волнах не оставляя точек.
Пусть волосы мои седые, но глаз мой точен,
И чуткая душа мальчишки у меня.

Мне нечего жалеть. Что может тут пленить?
Не видно парусов, и нет тебя со мною,
Но рад увидеть я хоть чайку над волною.
И можно сжечь себя, чтоб тайну сохранить.

Василь Герасимюк

(родился в 1956 году)

с украинского

Сонет

«Мой ангел – огонь», – прошепчу я вослед
безмолвью, что отблеск его выдыхает
из детства, где ангел мой снова читает
сны смерти, как руны неведомых лет.

И женщина молча выходит на свет,
неволью у ангельских ног замирает.
И детство молчит, точно ангел пылает
огнём, холоднее которого нет.

Я знаю тот холод из детства – до дна.
Я знаю ту женщину детства. Она
из света забвения выхватит то лишь,

что, даже узнав до конца, не поймёшь –
лишь запахом детских костей обовьёшь,
к себе не приблизишь и прочь не отгонишь.

* * *

Я шаг свой замедлил, почувствовав вдруг: оглянись.
И я оглянулся: увидел следы бурелома.
И лес был родным, и родною тропинка до дома,
почти незаметно сбегавшая нехотя вниз.

Я знаю тот лес: под его осторожным крылом
мы прятали, милая, то, что уже не отринем,
уже заменить не сумеем. И тот бурелом
невинный, невинный... Не верь, дорогая, невинным.

Минувшего запах так близок. Буквально за миг
Сумел я вернуться под дождик далёкого лета:
родные молчат за чертой бестелесного света,
лишь белый ягнёнок мне шепчет на ухо о них,

об этой воде, что я пил из ручья, и вода
святится в груди, отдыхая от прежнего бега...
И мать ещё рядом, ещё молода-молода
стоит на крыльце в окруженье слепящего снега.

Змея

Тут, на земле, вытканы мы, точно ковры, –
ровный, родной, долгий узор красок, фигур,
тот, что менял я на земле и до поры
помнил и знал каждую из сброшенных шкур.

А для паскуд есть Страшный суд. Этим и тем
я ничего не расскажу. Всё – затаю.
Я там бывал. И умирал я в тридцать семь.
Видел черту: эту и ту. Вижу свою.

Сердце молчит. Всё, Боже мой, из головы,
из-под полы.
Скоро ль узор скинешь, змея?!
Тут, меж людьми, шкура змеи, голос совы –
это и всё, что на земле есть у меня.

Микола Гриценко

(родился в 1962 году)

с украинского

* * *

Дыханье то, как ветер из груди.
Цветочный ветер, радужное диво.
Нигде такого больше не найти –
Тепло дыханья, веточку оливы...

Как удивленье – ночь перед тобой,
Цветной платок, наброшенный на зори...
И этот лес, что мчится вразнобой,
И эта степь, застывшая во взоре.

И вся земля – тарелка молока,
И тот туман, что склеивает веки,
И эта легче лёгкого рука,
С которой начинаются все реки...

Касанье это – единенье крыл,
Цветущих веток плавные качели...
И губы те, что из последних сил
Испуганною бабочкой взлетели.

Поздняя осень 1999-го

Над землёю не тучи – иней.
Под землёю – блуждают корни.
По земле – от мороза синей –
Ходят люди, как по ладони.

Кто там в небо – с укором свету –
Бросил шапку, как вылил воду?

... По бульвару за хвост комету
Звездочёт ослеплённый водит.

За ветром все пойдут... А кто не следом –
Останутся! Доколе зло веков
Их каменные лица выбьет ветром,
Посеет в прах скуделью черепков.

И те куски застрянут крепко в горле
У правнуков, нашедших тот же путь.
И чёрная заплачет скрипка с горя
О тех, кого назад не повернуть.

И мотыльки, истёртые, как ветошь,
Летят зиме навстречу – из зимы.
Благодарят и молятся на ветер...
И это мы?!

Гений

Он до солнца приподнялся.
И сказал ему:
– Прости.
По тебе всю жизнь равнялся,
Жаждал словом дорасти
И дорос...

Ныне, в этой круговерти
Ты меня хоть после смерти,
Хоть в бесславье,
Хоть в бессловье,
Хоть слепого
...Отпусти.

* * *

К...

Меж нами – десять лет.
Они белые, как кони,
Как десять необъезженных коней...
Им гривы, налету
Поймав в свои ладони,
Расчёсывает ветер-суховей.

Мне страшно их ловить –
У них глаза, как чаши
Огня, что небо звёздное кропит.
Им плётка – не указ!
Любовь былая наша
Взлетает искрами у них из-под копыт.

То под моим окном
Они склоняют шеи,
То под твоим гарцуют на миру.
Но их к себе пустить
Я не могу, не смею –
Они ж всю душу вытопчут мою.

Меж нами – десять лет,
Которым путь не ведом.
Их, как коней, отправить бы в загон...
Но как поймашь их,
Когда за ними следом
Уже бежит одиннадцатый конь...

* * *

Ты спишь? Ты спи... Пускай приснится вечер,
Пускай приснится утро в молоке,
Пусть сядет птица белая на плечи,
И белочка притихнет на руке.

И пусть ещё взволнованно ты дышишь,
И пусть легли морщинки на челе,
Ты в этом сне сама себя отыщешь
Там – в самом светлом месте на земле.

Ты спишь? Ты спи... Пока, подобно лику,
Не встало солнце в дымке огневой,
Ещё туда откроешь ты калитку,
Где ведомы все тайны до одной.

Ты всё поймёшь в часы ночного лета,
И девочку в себе отыщешь ту,
Что сквозь тебя летит тысячелетья
И каждый миг сгорает на лету.

Галина Гузенкова

(родилась в 1947 году)

с белорусского

91

с белорусского

* * *

Не умолкая, пели соловьи,
Играли звёзды лучиками света.
И мне тогда казалось: от любви
Таким горячим было наше лето.

Белел песок горячий у Днепра,
И горячо дышал камыш в затоне.
День завершался. Нам домой пора,
Но не разжать горячие ладони...

Но та жара по капле уплыла,
В волнах днепровских канула в печали.
«Ты для меня, как солнышко, была», —
На летнем я услышала причале.

И если не хватает мне тепла,
И больше нечем, кажется, согреться,
Я вспомню голос, что не смог стереться:
«Ты для меня, как солнышко, была», —
И теплота окутывает сердце.

Сылдыс Донгак

(родился в 1970 году)

с тувинского

* * *

Отец, уже я стал ногами в стремяна.
Крылом орла моя стрела оперена.
Я обойду тайгу, как небо – облака.
Плесни вдогонку мне – на счастье – молока.

Отец, горит огонь во мне, и крепок стан.
Есть у меня скакун проворный, как джейран.
На тридевять сторон дорога далека.
Плесни вдогонку мне – на счастье – молока.

Отец, поблекнет меч, покоясь взаперти,
И полнится душа решимостью идти.
Не в силах бег времён перерубить рука.
Плесни вдогонку мне – на счастье – молока.

* * *

Увидеть бы твои глаза, слезу во взоре.
Как там?
Они чисты, но глубоки, – как море.

Знать мысли бы твои и любоваться ими.
Как там?
Они, как степь вокруг, – необозримы.

Коснуться бы души негаданно-нежданно.
Как там?
Она, как высь небесная, – туманна.

* * *

С рассветом ночные тревоги забудутся.
Откроешь глаза – сновиденья забудутся.
А жизнь проживёшь, и уже навсегда
Со смертью – и голос, и плач твой забудутся.

* * *

Песчаный вихрь души не пощадил меня:
Смахнул улыбку с уст и затуманил очи. —
Боль сердца моего несущая по жизни я,
И слышен хруст костей от непосильной ноши...

* * *

Эй, прислушайся: степью глухою шурша,
Плачет ветер над высохшим краем.
То моя безутешно рыдает душа,
Заплутав между адом и раем.

* * *

Я не скажу тебе: «Спи!» — из-под век
Чувствуя ночи медлительный бег.
Можно уснуть и проснуться с зарёю.
Страшно, когда засыпаешь навек.

Я не скажу: «Уходи», — никогда,
Чтобы ты снова вернулась сюда.
Можно уйти, можно вновь возвратиться.
Страшен уход, если он — навсегда.

Алесь Звонак

(1907 – 1996)

с белорусского

Душа

Ещё был молод, кровь кипела,
Когда до мысли я дошёл:
Пока не овладеешь телом,
Не овладеешь и душой.

Так – да не так. Была крылата
Любовь, как неба окоём,
Душа ж её была объята
И пустословьем, и враньём.

Была в минуты лихолетья
Любовь полна горчайших мук,
И где там слабенькой Джульетте,
Ромео бедному тому!

Когда цеплялась мёртвой хваткой
Беда за бранные тела,
Душа не опускалась в пятки
Перед лицом небытия.

Разлуки рвали нас на части,
Кромсали вдоль и поперёк,
Но и в пожаре пылкой страсти
Был утомленья холодок.

И всё равно – душа не лыко
(Строка для присказки – за мной).
Душа стремится в свет великий
Своею поступью земной.

Коль облачит молва людская
Её и в грязь, и в клевету,
Она, и в мороке блуждая,
Находит свет и высоту.

И пусть мы вместе постарели,
Утих в крови безумный жар,
Расстаться не желает с телом
Тревоги полная душа!

Петро Зуб

(1932 – 2007)

с украинского

95

с украинского

* * *

Начинается дождь, и на сердце, как в чаше,
Мрак стоит. Дождь стучится в закрытую дверь.
Перед взором моим пляшут ада исчадья
И кричат вдохновенно: ты с нами теперь.

Дождь танцует, исходит в мятущемся стане
И смеётся, упав на стекло с высоты.
Оседает туман на холодной ладони,
Удаляя любимые мною черты.

Задыхается дождь от небесного жара,
А напротив дубы проступают сквозь мглу.
Немота входит в сердце, как острое жало,
И как будто в душе моей варят смолу.

Дождь седой мельтешит, по окну барабанит,
Точно в темя моё, как проворный палач,
И не лечат года – только ранят и ранят,
Проходя над землёй, как безудержный плач.

И прошу я тебя: «Прилетай, ради Бога!
И хоть словом согрей, устремлённая вдаль,
Чтоб рассыпался дождь, отстучал у порога,
Унося за собою тоску и печаль».

Дмитро Иванов

(родился в 1946 году)

с украинского

Баллада возвращения

В село, домой иду полями.
И что теперь туда несу,
Где некому сказать мне «Мама!»,
Где не с кем разделить слезу.

Где нивы тучные шумели,
Там зона мёртвая легла,
И даже песня колыбели
Уже исчезла из села.

Тут у людей – уже нет мочи –
Тоска – куда ни бросишь взгляд,
И смотрят хат пустые очи
На запустенье и разлад.
Тут на могилах вырубают
Деревья.

Господи! Прости!

А над погостом пролетают
Уже не гуси, а кресты.
Кресты по небу вдаль уходят,
Бегут от горя и страстей...
Тут сыновья отцов изводят,
Отцы изводят сыновей.

...Иду.

Песком пружинит берег,
И тихо плещется вода,
И монотонно волны бреют
Щеку заросшего пруда...

Былое скрылось за годами,
Нигде его я не найду.
Чего ж свинцовыми шагами
Так долго я домой иду?!

Проснулась бабка. И остолбенела:
Столетний гай
растерзанный лежит.

* * *

Пора цветенья быстро пронеслась,
Прошла, ни сна не зная, ни покоя.
Опять заря в полнеба занялась,
И радуга пасётся за рекою.

А жизнь течёт и размыкает круг
Привычных дней дыханьем многоликим.
И так красиво, благостно вокруг,
Как в хате перед праздником великим.

* * *

О тепле вчерашнем нет помину –
Небо выливается до дна.
И дождями согревает спину
В зиму уходящая Десна.

Над полями не смолкает долго
Клич гусиный на исходе дня,
А под ним – та самая дорога,
Что тебя украла у меня.

* * *

Весна шалает над Десною,
А мы целуемся с тобою.
Играет лето над водою,
А мы целуемся с тобою.
Шьёт осень ниткой золотою,
А мы целуемся с тобою.
Зима ревёт ветров ордою,
А мы целуемся с тобою.
Двадцатый век проплыл Десною,
А мы –
целуемся
с тобою!..

Ли́дия Иргит

(родилась в 1954 году)

с тувинского

99

* * *

Всё лето не было дождя,
И травы высохли, и листья.
Осенний ливень, не щадя
Земли, безрадостно пролился.

Меня забыл любимый мой.
Я вслед дождям осенним плачу.
Когда б мы встретились весной,
То всё сложилось бы иначе.

Тогда б с небесной высоты
Искрился луч, пронзая дали,
И – точно женщины – цветы
Высо́ко голову держали.

* * *

Я никогда не буду старой,
Как не состарится покой
Над величавой, многоглавой
Моей безбрежною тайгой,

Что, как река, шумит и дарит
Свои заветные слова,
И даже годы не состарят
Моей любви к тебе, Тува!

Всегда душа домой стремится,
И песни лучшие свои
Я петь хочу, подобно птице, –
О молодости и любви.

с тувинского

* * *

Отец, зачем ты умер рано...
Ты жил, семью свою храня.
Незаживающая рана
Осталась в сердце у меня.

Ты и сейчас, ещё не старый,
Летишь вдали, в небесной мгле,
И вьются тучи, как отары,
Что ты на этой пас земле.

Мать плачет долгими ночами,
Скрывая слёзы без конца.
И пуст наш дом, и чашки с чаем
Ждут возвращения отца.

Не плачет сердце, только снова
Оно стучит ночной порой,
Как раньше конские подковы,
Когда отец спешил домой...

* * *

Ношу стихи в себе, как малое дитя
Вынашивает мать, – светло и безоглядно.
Они молчат – и мне не спится до утра,
Они живут – и мне спокойно и отрадно.

Есть люди, для кого – пустяшный труд – писать,
А я пишу стихи, слезами истекая.
Мне на земле уже покой не отыскать...
Что ж, видно, мне судьба отпущена такая...

Красивая девушка

Она красива и стройна,
А на характер – нету судей.
Порой услышишь, как она
Сердито дребезжит посудой.

Потом начнёт ворчать, пилить,
И остаётся то и дело
Себе под нос бубнить, бубнить:
«Всё... Сыт по горло... Надоело...»

Но так устроен человек:
Уйдёт плохое вместе с гневом,
И не сыскать уже вовек
Добрей её под этим небом.

Что скажет – радостно внимать,
Прильнёт – как обожжёт, играя, –
И как её не целовать,
Про всё на свете забывая?..

* * *

Уронила я зеркальце... Глухо
Расколосось оно на куски.
«Берегись, – мне сказала подруга, –
Изойдешь от сердечной тоски...»

Только сердце моё не сдаётся
И влечёт, как и раньше влекло,
И не сможет любовь расколоться,
Потому что любовь – не стекло.

Александр Казеко

(родился в 1958 году)

с белорусского

Русскому брату

Если трудно порою согреться,
Если давит смятения груз,
Вспомни, слыша биение сердца,
Что есть брат у тебя – белорус!

Сеют зёрна раздора и злобы,
Управляя безродной толпой,
Но кому это выгодно, чтобы
Мы по-братски не жили с тобой?

Ни к чему пограничные вехи,
Если помнить отцовский завет –
В единении братском навеки
Нашей истинной силы секрет.

Нас единая вера спасает,
И небес сокровенная грусть.
Слышишь? Матьер-земля заклинает:
Сберегите единую Русь!

* * *

Знаешь, мне сегодня показалось,
Что меня ни капли не осталось,
И криница, смолкшая во мне,
Где-то затаилась в тишине...

Я хочу оазисом пустыни
Смыть пески тщеславья и гордыни,
Лень и чёрствость, что таятся рядом,
Заменить цветущим райским садом,
Камни зла, не знающие меры,
Превратить в лучи добра и веры,
У беды всеобщей вырвать жало,

Чтоб моя земля торжествовала
И смеялась светлыми глазами
Девушки, идущей вместе с нами,
Буйством трав на сенокосе дальнем,
Светлым материнским ожиданием,
Девственным величием природы,
Скромным трудолюбием народа,
Шелестеньем ржи на отчем поле –
О другой я не мечтаю доле.

Видно, зря мне нынче показалось,
Что меня на свете не осталось, –
Слился ручеек бегущей жизни
С чистою душой моей Отчизны.

* * *

Деревенька родная средь леса,
Где веков обрывается бег,
Мне становится в городе тесно,
Если вспомню на миг о тебе.

И в минуты сердечных молений
За родных, за родимый порог,
Я прошу постоянно прощенья,
Что тебя на земле не сберёг.

День за днём этой жизни истома
Угнетает своей пустотой...
Только здесь я воистину дома,
Только здесь я бываю собой.

Деревенька родная средь леса,
Где веков обрывается бег,
Потому-то мне в городе тесно,
Что всегда я грущу о тебе.

Лесною тропинкой

В прозрачном небе солнце встало,
Туман белеет на пути –
Сегодня я сумел устало,
Как в детство, в дальний лес войти.

Рассвет едва пылает росный,
Ещё лесной не слышен гул.
Свою дремоту прочь отбросив,
Я настезь сердце распахнул
И... с головою окунулся
Я в аромат родной земли,
Поплыл и словно бы очнулся
От всех своих тревог вдали.

Тропинкой узенькой лесною
Лечу по утренней росе,
И разметался надо мною
Дремучий лес во всей красе.
Среди многоголосой чащи,
Где сосны высятся гурьбой,
Я дома здесь и снова счастлив
Наедине побыть с тобой.

Кукушка где-то отзовется
В бору высоком – до небес,
Считая годы, – и, сдаётся,
Заговорил со мною лес.
О том, что будет... или было –
Ты вновь мечтаешь, давний друг...
А тропка кружит легкокрыло,
И сосны высятся вокруг.
Иду к былым годам на встречу...
На зорьке утренней, тайком,
Покуда матушка у печи
С посудой да рушником
В заботах по дому с рассвета
Неспешно накрывала стол,
Отца и нас звала к обеду...
А мы бежали через дол
Почти такой же тропкой зыбкой

Домой, галдя во все концы.
 И мама с лёгкою улыбкой:
 – Грибов набрали, сорванцы?..
 За стол сажала, угощала,
 И обнимала, как всегда...
 Давно уж матери не стало –
 Летят года... летят года...
 Мой лес задумчиво вздыхает,
 О чём-то думает своём,
 Меня как будто окликает
 Вновь детство светлое моё –
 До дома той же тропой зыбкой
 Иду я тихо, как во сне,
 И мама чистою улыбкой
 С небес склоняется ко мне...

Минуют быстро вехи жизни...
 И как легко уразуметь:
 Нет ничего родней Отчизны –
 На том стоит земная твердь.
 Что может быть милее хаты
 Родного с детства хуторка?..
 И только этим мы богаты
 Во все века, во все века...

Моё село

Светлой памяти моей матери

Неугасимый детства свет
 Был для души сквозь толщу лет
 Свеченьем счастья и основой,
 Тоской о тех, кого уж нет,
 И он горит, слезой согрет,
 Как обещанье жизни новой.
 Года скрывают свой секрет,
 Давно поросшие половой...

Привет, родимое село!
 Ты в мир дорогой проросло,
 Что мне открылась слишком рано.
 И я склоняюсь покаянно

За то, что заросли бурьяна
Закрыли в прошлое окно...
И с той поры болит... Давно
Болит, не заживает рана.

Там поле чистое одно –
Пустое, гулкое «гумно»,
Где только ветры свистом глушат
Средь веток одинокой груши,
Да неприкаянные души
Взывают с ветром заодно
К тому, что кануло на дно
И лишь сильнее болью душит.

Ты слышишь? Тень печали той
Прощальной падает слезой,
Как память умершей деревни,
Среди погостов и деревеьев...
Душа в утратах стала древней,
И если будет страшный суд,
Они, спасая, приведут
Нас к правде – истинной и верной.

Июньские ночи

Ночей июньских переливы
Летят сквозь поцелуи зорь,
И кружатся непринотливо
В краю серебряных озёр.

В звенящей тишине простора,
Сливаясь с трелью соловья,
За этой радостью простою
Любовь прошепчет: «Я – твоя...»

Меня оставив на немного,
Блуждая где-то в высоте,
Моя душа стремится к Богу,
К святой и высшей чистоте.

– Душа, вернись!.. Она вернётся,
В ладу и с миром, и со мной,
И сердце трепетно забьётся
Над серебристою волной.

Сквозь прозрачность небес ослепительно-синих,
Верой в жизнь прославляя года,
Словно матушка, смотрит на нас Ефросинья,
Отрицая уход в никуда.

Бережёт нашей древности добрую славу –
Дней, когда над теченьем Двины
Ярко вспыхнули звёзды земли православной –
Те, что нам и доньше видны.
И весь мир огласился волнующим звоном –
От востока, где солнце встаёт,
До далёкого запада,
Низким поклоном
Сёстры встретили силу её.

И во имя распятого Божьего Сына,
Сохраняя основы основ,
Сберегла и до нас донесла Ефросинья
Веру наших дедов и отцов.
Правду веры, крестом осиянную, даже
Лихолетья сломать не смогли –
И она проливается дальше и дальше
К чудотворным истокам земли.

Сквозь прозрачность небес ослепительно-синих,
Низко головы склоним свои
В благодарном поклоне тебе, Ефросинья,
Белорусы, потомки твои.

* * *

Перекрёстки дорог, и страданий, и судеб –
Наш скитальческий жребий земной.
Пусть юдоль нашу звон колокольный рассудит,
Пусть звучит он опять надо мной.

Мы приходим одни и одни покидаем
Дни надежд, ожиданий года,
И бывает, что сами себя мы пытаем:
– Кто же мы?.. И шагаем куда?..

Что ответишь, едва ль оставаясь беспечным
Пред лицом неизбежных скорбей, –
Что же смог изменить ты в движении вечном
За мгновение жизни своей?

Ты уйдёшь в никуда – как пришёл ниоткуда.
Плавно движется Вечности круг,
И твой свет в этом мире прольётся как чудо,
Бездну тьмы уменьшая вокруг.

И едва ли другие откроет законы
Наш скитальческий опыт земной.
Пусть не смолкнут в веках колокольные звоны,
Что сегодня плывут надо мной.

Заговор

Ведьмы ивовой веткою длинною
Рисовали на мутной воде,
И рисунки болотную тиною
Показали дорогу беде.

Укрывали несчастье под маскою,
Чтоб не ведал покоя нигде.
И судьбу мою взяли не ласкою –
В непокое и скрытой вражде.

Над водой колдовскою увиделось:
Месяц высветил тёмную даль.
Сколько б сердце моё ни противилось,
Ночь в него лишь добавит печаль.

Иву я надломаю липучую,
Что свисает над речкою ниц,
И закину беду неминуемую
Вместе с ивовой веткою вниз,

Чтобы с ней все несчастья выпали
На сырое глубокое дно,
Чтобы их никогда не увидели
Те, кто вместе со мной заодно.

...Ведьмы ивовой веткою длинною
Рисовали на мутной воде...
Чары сгнули с мутною тиною,
Утонули – и нет их нигде.

Сергею Украинцу

Дай Боже нам
Очиститься от знаков,
Которыми и нас пометил век,
Чтоб знать, что мир от века одинаков,
И то, что ты – хороший человек.

Лететь в просторе птицею свободы,
Одною речью с небом говорить,
Чтоб нежность бесконечную сквозь годы
Души вселенной для себя открыть.

И жизнь любить, и в ней найти такое,
Чтоб сердцем, породнившимся с зарёй,
Купаться в светлом утреннем покое
И в счастье окунуться с головой.

И день, омытый этою зарёю,
Надеждою лучистой освятить,
Чтоб мир увидеть, созданный Тобою.
Не верить, не бояться, не просить.

Сергей Карачаков

(родился в 1955 году)

с хакасского

* * *

Наступит зима, но не будет весны.
Покрыта моя голова сединой.
Ты видишь: осыпались листья сосны¹,
А я не успел повстречаться с тобой.

* * *

Правдивою дорогой человек
Восходит на высокий перевал:
Чуть совесть поскользнулась – и навек
Уже в грязи ты имя запятнал.

* * *

Не вечен мир: кто раньше, а кто позже –
Уходим мы, иной находим кров,
Но и земля от нас не знает порчи:
Мы наломать не успеваем дров.

* * *

Не отыщешь гор седых.
Вкуса нет в речной волне.
Волосы детей моих
Снятся мне.

* * *

Светел день со всех сторон.
Даль прозрачна и ясна.
Даже карканье ворон
По душе, когда весна.

¹ Фразеологический оборот «когда осыплются листья сосны» в хакасском языке имеет значение — никогда (прим. автора).

* * *

На тропе, по которой не ходят давно,
Можно скрыться в бурьян с головой.
Так и сердце, уставшее делать добро,
Зарастает травой-муравой.

* * *

Ты богатство копил, кошелёк набивал.
Зла не делал, но всё же в корысти увяз.
Он народную мудрость всю жизнь собирал.
Свет и мрак распознал. Кто богаче из вас?

с хакасского

* * *

Прольётся дождь на выжженном просторе,
Земля вокруг зазеленеет снова.
Вот так и душу в безутешном горе
Спасает человеческое слово.

* * *

– Что, бабушка, плачешь? Неужто виною
Тому разудалое пенье моё?
– Сыночек, корова издохла весной.
Твой голос похож на мычанье её.

* * *

Говорливый родник, я склонюсь пред тобою.
Всем ты радость даёшь, не жалея себя.
Навсегда ты бессмертен своей чистотою.
Есть, чему поучиться всем нам у тебя.

* * *

Сок бежал из надломанной ветки берёзы.
Заболела душа, не могла отогреться.
О несчастной любви были девичьи слёзы.
Точно угли прожгли мне холодное сердце.

* * *

Сколько ты камней ни разложи –
Кто их может с золотом сравнить?
Сколько б ни текли потоки лжи,
Им сиянья правды не залить.

* * *

Лишаясь корней, умирают вокруг,
Иссохнув, деревья-калеки.
Когда свой язык забываем, мой друг,
Позор нам с тобою навеки.

* * *

И каплей воды дорожишь ты в пустыне,
И пьёшь, но не можешь напиться.
Услышать родимую речь на чужбине,
Как будто бы снова родиться.

* * *

Не хвалят, мой друг, тебя? Что за обиды...
Неужто душа у тебя оскудела?
Ужели народную мудрость забыл ты:
Похвалит само себя доброе дело.

Дружбу с монетой сравнив золотой,
Ты это слово унизил отныне.
Дружбу сравни с материнской слезой:
Самые чистые – слёзы родные.

* * *

Чист Енисей, и замутишь нельзя
Его волны, его просторов синих.
И дружба наша такова, друзья,
Что замутишь её беда не в силах.

с хакасского

* * *

Не говори, что лес осенний пуст.
Не прав ты в этом и не спорь со мною.
Пустое сердце – как бесцельный путь,
Но не осенний лес тому виною.

* * *

Красивый цветок не заметил средь поля,
Шагая вперёд по дороге своей.
И сердце за то не даёт мне покоя,
Что в жизни прошёл мимо добрых людей.

* * *

По кладбищу бродил, листву колыша,
Осенний ветер – как по сердцу нож.
Так дом, что смеха детского не слышал,
На кладбище живых людей похож.

* * *

Изводит ревность душу, точно плеть.
Сомнения червь гнилое сердце гложет.
Едва ли древо жизни зеленеть,
Когда его подтачивают, сможет.

* * *

На землю чёрную с небес сошла пурга,
Всё укрывая утренней порою.
И с грустной радостью гляжу я на снега,
Что серебром и мне виски укроют.

* * *

Вечно по небу плывут облака.
Что ж так дорога судьбы коротка?

* * *

Осенние, поздние листья сродни
Словам и речениям умным.
Вот так же с ветвей облетают они –
Легко, осторожно, бесшумно.

* * *

Вчера говорил я тираду пустую,
И на смех подняли меня мудрецы.
Сегодня я умные речи толкую,
Но громко смеются в глаза мне глупцы.

* * *

Друг ругал, называя болваном меня, –
 За правдивое слово я с другом обнялся.
 Враг хвалил, но его похвала мне смешна:
 «Врёшь!» – ему я сказал и в лицо рассмеялся.

с хакасского

* * *

Корни рабства в природе с начала времён
 Сплетены неразрывно друг с другом веками:
 Властелин высоко над землёй вознесён,
 Раб золу из огня выгребает руками.

* * *

Был удачлив в любви, да и в драках я был всех сильней.
 Но сказала мне бабушка как-то такие слова:
 – Многих ли научил ты безудержной силой своей?
 Женщин сводишь с ума, а цела ли твоя голова?

* * *

Пусть лук мой изогнут, но в этом ли суть,
 Коль стрелы прямы и звонка тетива?
 Прямой попрошу я у Господа путь,
 Чтоб верными были дела и слова.

* * *

Сосны после долгой вьюги
 Все белы средь бела дня.
 – Эй, привет, друзья-подруги!
 Как вы жили без меня?

Те кивают мне, как брату, –
 Чистый снег летит с дерев...
 Как же вы, друзья, богаты,
 В серебро меня одев!

* * *

Пусть мой жеребёнок крылатым конём
Растёт среди трав, что под ветром не гнутся.
Пусть чёрные тени ни ночью, ни днём
К лицу моей дочери не прикоснутся.

Дорога сквозь трудные дни далека.
Поможет отец и дочурке, и сыну.
Немало пройдешь перевалов, пока,
О матери помня, взойдешь на вершину.

Пусть мой жеребёнок, рождённый в грозу,
Растёт скакуном и возносится в выси.
Пусть я малодушного сердца слезу
В сыновних глазах никогда не увижу.

Нелёгкими будут дела и пути,
Но воля дорогу найдет сквозь болота.
«Мужчина рождён испытанья пройти» –
Храните в душе эту мудрость народа.

* * *

Чисты луга и долги небеса.
Над лугом солнце зависает,
И разноцветье трав коса
Моя без устали срезает.

В жару такую нелегко
Брать в руки грабли или вилы,
Но дали хлеб и молоко
Мне, обессиленному, силы.

На солнце греются стога,
В ветвях не молкнет птичий голос.
Спасибо вам, мои луга...
Расти, трава, расти по пояс!

Как воеет ночью на цепи
Осиротевший пёс,
Рыдает ветер среди степи
На много-много вёрст.

Покоя рана не даёт,
И вихрь, как стон, в ушах.
Но, что бы ни было – вперёд
Мужчина держит шаг.

с хакасского

Ну а вокруг – густая мгла
Да звёздной ночи ширь.
Кой-как добрался до села
Измученный батыр.

В дом постучал, но звук во тьму
Прочь унесли ветра,
И не открыли дверь ему
У этого двора.

Уже не мог идти он в ночь,
Затравленный, как зверь.
Не поднялась рука, чтоб вновь
Ему ударить в дверь.

Лишь мысль мелькнула в смертный час:
«Откуда столько зла...
Как мало нужно сил подчас
на добрые дела...»

Мольба

Как глас вопиющего в пустыне...

На любовь не скупись,
Не скитайся во мгле
И за счастье борись –
Будь звездой на земле.

Будут мчаться года
Всё быстрее и быстрее.
Пусть людская беда
Станет болью твоей.

Где народ – там судьба,
Там твой жребий и прах.
Только имя тебя
Обессмертит в веках.

Люди через года
Скажут добрую речь:
«Очи звёзд навсегда
В нас сумел он зажечь».

* * *

Печальная птичка с крылом перебитым,
Мы в трудное время с тобой повстречались,
То солнышку радуясь в небе разлитом,
То над потемневшим простором печалюсь.

Уставшее сердце, забывшее слёзы,
Вновь счастья просило – хоть самую малость,
Но были пред нами всё те же вопросы,
И в жизни немного друзей оставалось...

Напомнят тебя мне таёжные дали,
И ветер тебя воскресит мне усталый,
Но в сердце твоём хоть немного печали
Я всё же оставил росинкою малой...

Охотничья избушка

Тайга её там и скрывает,
Где тропки все наперечёт.
То ветер её овевает,
То дождик по крыше сечёт.

Кто строил избушку? Не знаю
О нём я совсем ничего,

Но другом его называю
За доброе сердце его.

С ним здесь, как со старым знакомым,
Я встречусь, по свету вedom
Извечным таёжным законом:
Где пламя костра, там и дом.

* * *

Родной язык! Твоей живой водою
Мне жажды никогда не утолить,
И твой напев, как ветерок весной,
Я не устану слушать и любить.

Ты – боль, но от тебя мне не отречься.
Ты – счастье, что так просто не найдёшь.
Ты навсегда в моём мятежном сердце.
Пока я жив – и ты во мне живёшь.

Людмила Кебич

(родилась в 1951 году)

с белорусского

Альт

Бегу и каблучки сбиваю
о примороженный асфальт,
рукой счастливо обнимаю
свой одинокий старый альт.

С несовременною судьбою
он из былых пришёл эпох,
но всё ж несу его с собою
и слышу струн тревожный вздох.

Ты не печалься, мой хороший,
и, мне доверившись, поверь:
ни за какие, слышишь, гроши
я не продам тебя теперь.

И пусть весь мир в безумных ритмах,
переродившись, измельчал,
мы победили в стольких битвах,
чтоб снова голос твой звучал.

Пускай тебя не Страдивари
создал столетия назад,
но знаешь ты мои печали,
старинный, добрый дедов альт.

Как счастье, предвкушают пальцы
наканифоленный смычок.
И вновь по зимнему асфальту
Звучит в такт музыке – цок-чок!

Родной вкус

Вновь заварим чай духмяный
С чабрецом, ромашкой, мятой.
Перемен не ожидаем,
Пьём себе, не рассуждаем.

Пахнут мёдом наши травы,
и не кажется отравой
мир с изнанки и снаружи.
Жизнь как жизнь. Бывало хуже.

Лист малины, лист берёзы –
разум ясный и тверёзый,
даже в корешке аира
есть особенная сила...

Сохнут травы под стрехою –
запах льётся сам собою:
Луговой, лесной, болотный,
свой, особенный, природный.

Мы уже души не чаем,
наслаждаясь нашим чаем.
Несмотря на перемены,
не найти ему замены.

Я закончила б дебаты
Про «акбары» и «ахматы»
Верной истиной одной:
самый лучший вкус – родной!

Мой путь

Я не еду – я плыву
на маршрутке белой.
В полной мере я живу
Радостно и зрело.

Каждый взгляд со след мне – ах! –
как стрела Амура.
Но не сбить уже мой шаг
с ритма терренкура.

Шляпка, брошка, парасоль,
щёки, губы, брови...
Не попали в унисон? –
Будьте же здоровы!

Мчит маршрутка-колыбель
сквозь лесное море.
Может, сяду я на мель,
Разве ж это горе?

Впереди – опять просвет,
Льётся свет в оконце...
Я – прекрасна, я – поэт,
и мой путь – до Солнца.

Закат на море

Балтика, море, дюны,
сосны до солнца аж...
Берег, седой и юный, –
странной красоты мираж.

Чувства спешат, как вестники,
в душу опять и опять.
Как же здесь близко до вечности!
Может, сходить погулять?!

Облако розово-бледное –
пухлый, волнистый зефир,
отблески солнца последние
на предвечерний эфир.

Безднами вспыхнет развёрстными
и, повторясь точь-в-точь,
светлыми братьями-звёздами
скромно украсится ночь.

Последний тайм

Купалась долго-долго я в слезах,
теперь купаюсь в розах я невольно,
и в комплиментах, и в твоих глазах...
Быть сильной не хочу уже, довольно...

Былая жизнь совсем мне не мила –
по всем невольным знакам и приметам.

Тебе бы я ребёнка родила,
Но слишком поздно думать нам об этом.

А в том, что нам остался на двоих,
не будет ни одной минорной ноты,
один сплошной счастливый светлый миг,
согретый светом ласки и заботы.

Куда ж исчез томивший душу страх?
Я солнечных лучей рукой касаюсь!
Купалась долго-долго я в слезах,
теперь – дал Бог – в твоей любви купаюсь.

Лучший город

Перебираю в мыслях города,
куда бы я уехать захотела
от скуки, от унылого труда,
от изнурённости души моей и тела.

И хочется бежать, не чуя ног,
Туда, где горьким опытом научен,
Ты будешь вновь, как прежде, одинок
И никому, наверное, не нужен.

Венеция? – Но там одна вода.
Париж? – Обитель серого блаженства.
Рим – слишком вечный, мне зачем туда?
И Вене далеко до совершенства.

Себя на мысли снова я ловлю,
что уезжать едва ли соберусь я,
ведь только Гродно всей душой люблю –
частицу уникальной Беларуси.

Здесь буду я считать свои года,
жить радостно, светло, напевно, гордо...
Зачем нужны другие города,
Когда на карте мира есть мой Гродно.

Девять букетов

Девять букетов пылают в квартире
Светом любви и свободы.
Что же отыщешь прекраснее в мире
Этого чуда природы?..

Девять букетов – твой щедрый подарок,
Сердцу подсказанный точно, –
как поцелуй, как спасенье, и ярок
трепетный облик цветочный.

Девять букетов. И запах волною –
Радости, солнца и лета,
Светлой надежды, что будешь со мною
Ты до скончания света.

Я бы словам не поверила льстивым –
чутки сердца у поэтов! –
Благоухают цветочным мотивом
девять счастливых букетов.

Аксиомы

Отчизну и свой род – не выбирают.
Счастливые в дороге умирают.
И то, что против лома нет приёма,
Мы знаем с детства эти аксиомы.

Я с первою готова согласиться.
Но не хочу в конце концов забыться,
Упасть – в изнеможенье и тревоге
на испещрённой судьбами дороге.

Хочу я быть в свой час последний дома,
Уйти за край, не думая об этом,
Пусть снизойдёт улыбка, как истома,
Мне на лицо своим прощальным светом.

И против неуступчивого лома
Я находила нужные приёмы:

Мне доброты с терпением хватало. —
В итоге — лом мой поднимал забрало.

А Родина и родичи — святое.
Пусть вам наобещают золотое
жизнь и счастье где-то за границей,
но всё ж чужбиной нечего гордиться.

Живите, дорожа родимым краем,
а то, что мнится мёдом или раем,
обманчиво и мнимо, всем знакомо,
что счастлив только тот, кто счастлив дома. —
И, впрочем, это тоже аксиома.

Лина Костенко

(родилась в 1930 году)

с украинского

* * *

Не говори печальными глазами
то, что устам не высказать сполна.
Так возникает нежность между нами.
Так грозовая рвётся тишина.

Ты – сон мой, возносящийся крылато.
Ты – наважденья сумрачная мгла.
Там, где сияла радуга когда-то
теперь навеки пропасть пролегла.

Не повторю любимое мной имя.
Пусть память о тебе уходит ввысь.
Шли две судьбы дорогами своими.
На перепутье судьбы обнялись.

* * *

А жизнь идёт без всяких корректур,
Не умаляя своего галопа,
И нет давно маркизы Помпадур,
И мы живём уже после потопа.

Не знаю я, что будет после нас
И как ещё изменится природа.
Без устали летит за часом час,
А мы спешим, не ведая исхода.

Останутся поступки и слова,
Но неизбежно мы пройдем, как тени,
Лишь только б глаз небесных синева,
Как прежде, землю видела в цветенье.

Чтоб этот лес не вымер, словно тур,
Чтоб не угасло слово в гонке буден.

А жизнь идёт без всяких корректур,
И как напишешь, так оно и будет.

Не бойся, что строка утратит суть.
Прозреть не бойся, раскрывая веки.
Не бойся правды, пусть и горек путь,
Не бойся грусти, льющейся, как реки.

Но бойся чью-то душу обмануть –
Обман твой не испуится вовеки.

Осенние карнавалы

Красиво осень вышивает клёны
Пурпурным, красным, жёлтым,
золотым.
А листья просят:
– Вышей нас зелёным!
Ещё, быть может, мы не облетим.
А листья просят:
– Дай нам той утехи!
Сады прекрасны, росы – как вино.
Клюют вороны битые орехи.
А что им, чёрным? Чёрным всё равно.

Ноябрь

порозовели яблоки-цыганки
покой небес читая по складам
из ночи в ночь кострища как сигарки
неспешно дотлевают по садам
сады стоят обвитые ветрами
кружится листьев золото и желчь
и кто здесь я статист всей этой драмы
сгребаю их сгребаю чтобы сжечь
они горят и ничего не знают
полям умолкшим руку золотят
настала осень вот и облетают
а облетели вот и шелестят

Дмитро Креминь

(1953 – 2019)

с украинского

* * *

Жить! – взаправду. Недаром, теряясь в неделях,
Жизнь прошла и мерцает звездой из речной глубины.
Облетел календарь. Как весенний снежок на деревьях,
дни растают мои, молодые рассеются сны.
Так прощай, отчий дом, так пыли под ногами, дорога.
Постелю в изголовье траву с приближением тьмы.
Слишком много тоски. Слишком много беды. Слишком много
на веку, на недолгом веку перевидели мы,
уходя в чистый мир журавлиных надежд, голубиных.
Но – по звёздам наш путь. Я звездой отзовусь сквозь года,
Ибо светит она, потонув в неоглядных глубинах,
полыхая, пока не зажжётся другая звезда.

Воспоминание о пекторали¹

И вновь ко мне плывёт издалека
тревожная, поющая река,
сокрытая в прибрежные туманы.
И нам с тобой являются, как дым,
два контура, как будто мы стоим
на скифском, на раскопанном кургане.
Запомни этот миг.
Забудь тоску...
Непросто жить, за жизнь не беспокоясь.
Пусть археолог скифскому божку
в молчанье низко кланяется в пояс.
И сам я был царём и был рабом,
был сам себе погонщиком и мулом...
Так отчего ж ушедшую любовь
кромешной тьмою время затянуло?
Немею сам, богатый, точно Крѣз.
Сквозь жар огня и сквозь дыханье гроз

¹ Пектораль (от лат. *pectus* «грудь») – нагрудное украшение, могло быть частью защитной амуниции воина. Вероятно, происходит от боевого снаряжения, защищавшего верхнюю часть груди, горло и плечи.

и мы уйдём, как все, уйдём навечно.
Неужто там, в грядущем, будет час,
когда в останках откопают нас,
и будем мы, как скифы, бессловесны?
С кургана вижу алую зарю,
что скифскому светила кобзарю,
и вижу вас, сгорая от печали...
Батый и Порга, шляхта и война...
И где мы есть? И где те письма
на золотой, на скифской пекторали?
Как тяжело убранство из огня!
А за рекою вижу я коня
горячего, тревожного, степного...
И не пойму: то плещется волна,
иль это к нам зывают времена
в живой мембране голоса людского?
Не окроплю минувшего слезой.
Проходит всё – минуют и авралы...
Пройдут века. Мы встретимся с тобой
на золотой, на скифской пекторали!

Голоса

Во мне людская речь слышна.
– Да, были, были времена...
– Ну что ты! Ныне мы мудрее.
– Не те вели нас вожаки...
– Я вижу – новые божки
нам проповедуют идеи.
– За двадцать лет – из года в год
такой вырос на сердце лёд.
– То страха много, то – бедлама.
Да, были, были времена...

Слова всплывают, как со дна...
Но вновь и вновь я вижу маму...
Что ж нам невесело вдвоём?
Она проходит над жнивьем
с серпом – реальностью и снами.
А над безмолвием реки
исходят кровью рушники

в избе, покинутой сынами.
– Куда нас вёл усатый вождь?
– Куда нас вёл бровастый вождь?
– Но нет меж нами виноватых,
И знал любой из нас о том,
что все мы правильно идём,
раз так писали на плакатах.
– На тонну света столько ж мглы.
– Подняться в космос мы смогли.
– Да где мы только не бывали?..
Была беда. Была война.
Тюрьма за горсточку зерна.
В истории ж – одни провалы.

– Но оправдания будут вновь.
Есть у надежды плоть и кровь,
нам всем отпущено немало...
Жизнь нелегка, не утаю.
...А вы на пенсию свою
всё философствуете, мама?
Да, были, были времена...
И речь негромкая слышна,
и тихо музыка витает..
Уже от дома я отвык,
где кровью меченый рушник
моею кровью полыхает...

Скифская сага

Баба скифская с берега руки ломает
и глядит неотрывно на солнечный плёс.
Вдаль уносит лиман и водой оmyвает
вечность каменной тайны и каменных слёз.
Замолкают в груди её тихие звуки.
Речь моя для неё, как слова на песке.
Плачет женщина...
В песне. В кино. В переулке,
каменя в своей неизбывной тоске.
Осушить эти слёзы едва ль я сумею,
а над нами влюбленные звёзды блестят.
Вижу каменным скифом себя. Каменею!

Смута к самому сердцу крадётся, как тать!
 Как играло вино, что мы пили когда-то!
 А сегодня совсем я отвык от вина.
 Но поставьте меня над могилой горбатой,
 в камне я оживу, ибо плачет она.
 В постоянных заботах, в труде денно-нощном
 только звёзды над нами да их высота...
 Но всё горше себя ощущать одиноким,
 но всё дальше дорога в родные места.
 Наша блочная речь, монолитность масштаба,
 наша чёрствая, с каменным сердцем родня...
 Я вернусь из скитаний, чтоб скифская баба
 ключевую водой напоила коня.
 Как живу – доживу, камень сердца ломая,
 а иначе – застыну в бетоне и я...

Как прощально мне машут вдогонку с лимана
 и сестра, и подруга, и мама моя...

Скифское золото

А где же скифов золото?
 В земле
 течение золотоносных вод разлито?
 Неужто навсегда, пропав во мгле,
 ушли триремы ольвиополита?
 Где свет пластин, поблекших взаперти,
 где пекторали златоцветный парус?
 Иль штормы их забрали на пути,
 который морякам открыл Гипанис¹?
 Где войско скифов?
 Среди каких полей
 их семя перетлело до крупницы?
 Неужто поглотили их коней
 лихих столетий кованые птицы?..
 Где чудо-кузнецы?
 Где корабли?
 В ярме веков душа моя и выя.
 Беспмятство, разор родной земли
 от Дария до тёмных орд Батгя.

¹ Гипанис – греческое название Южного Буга (прим. автора).

Распаханный, распаханый курган...
За пекторалью возвращаюсь вновь я.
Неужто здесь посеял ураган
бессилье, безызвестность и безмолвье?
Жизнь как в железной клетке... Степь горчит,
трава сухая стелется белёсо,
и вся моя история стоит
передо мною, точно знак вопроса.
Где Скифия?
А говорят: была.
Где золото?
В космической прорухе.
Под сердце золотая бьёт стрела.
Звенит серёжка золотая в ухе...

* * *

От себя убегаю к себе же
из неспешных, медлительных дней.
Ухожу к обезвоженным межам,
среди поникших, сухих ковылей.
Цепь времён на планете
открыл я.
Предо мною встаёт, чуть жива,
ночь, лишённая света и крыльев,
и сожжённая солнцем трава.
И на этой
бескровной орбите
вьётся припятский ветер, шурша,
чёрно-белое слово графита,
чёрно-белые
тьнь и душа.
Запиши их язык на санскрите,
коль живём мы, подобно молве...
Вот и тело достигло зенита,
только тень остаётся в траве!

Пока ещё в кучу листву не сгребли,
упавшую с тополя, клёна, берёзы...

Греби,
мой Харон,
ближе к свету – из мглы,
из века пещерного к берегу бронзы.
Пусть степь бронзовеет с обрывистых круч
над солью волны на окатанном склоне.
А мне эта сень увядающих куш
как собственный сын в чужеземном полоне.
Я верю, что степи вовек не умрут.
Сравняют высокий курган тракторами,
и только верхушку его не сотрут,
иначе – где звёздам зажечься над нами?
О, сколько столетий сквозь нас пролетит,
и что эта звёздная ночь напроорочит?
И кто-то в ночи на кургане стоит,
а звёзды пылают, а трактор рокошет...

Пейзаж из окна экспресса

Внезапный пейзаж промелькнёт за окном.
Повеет полынью, дохнёт чабрецом.
Мир вспыхнет и заново переродится:
шныряют кузнечики, прячась в траве,
и степь под тяжёлой росой двоится,
как свет у Мамаю в хмельной голове.
Но загнанный конь не послушен Мамаю,
зря пальцы касаются ржавой струны,
где я из бензиновых недр поднимаю
степное дыхание родной стороны.
А там, под созвездьем увядших акаций
глаза скифской бабы глядят из земли,
да под неразменным небом казацким
вперёд
 без оглядки
 летят «Жигули».

* * *

Эти строчки припомнятся снова.
В зимней стуже не сыщешь тепла.
Но – молчи, что природа сурова.
Но – молчи, что природа слепа.
Вновь над нами заря-заряница,
но меж судьбами – снежная брешь!
Не от этого ль плачет криница
грозовыми слезами небес?

* * *

Светает. День. Едва найдёшь ли
ты где такую тишину.
Я заберу с собою вёсла
и лодку с берега столкну.
Легко шуршит по травам днище
и оставляет позади
след – как погасшее кострище
на родниковом дне воды.
А там, повыше, – не до Бога,
а лишь до звёзд, что так бледны,
и гаснет лунная дорога
на глади медленной воды.
И где плывём, и там, где есть мы,
рассвет нам будет путь стелить.
А где же вы, божки богемы,
эпикурейцы из столиц?
Цветы полейте на балконе
в своем далёком далеке,
пока мои степные кони
пьют воду в утренней реке.
Ещё нас жизнь оберегает,
ещё в душе струна звенит,
доколе лето не сгорит,
доколе лето не сгорит.
Доколе молод вольный ветер,
живите, зная наперёд,
что и над нами вечный вечер
своими крыльями взмахнёт.

Люблю тебя всегда.
 Как ты меня любила.
 Слова стареют, но любви не постареть.
 Пусть время нашу даль давно посеребрило,
 чтоб к нам она могла из прошлого лететь.

Люблю тебя всегда.
 Светло и непреклонно.
 Среди коротких лет и медленных недель.
 Люблю тебя всегда.
 Твоё святое лоно.
 Сыновнюю твою святую колыбель.

Я – стебельком лозы, барвинком из могилы,
 я – камнем из ручья, где высохла вода,
 взойду, пройду, упав
 туда, где мы любили
 и отлюбили всё ж...
 Навеки.
 Навсегда.

Голос из глубины

Снова эту я землю целую,
 с ней оставшись на все времена.
 Ну а ты, славословящий всеу,
 где отчизна твоя? Где она?
 Пассажиров планетных вокзалов
 ожидает иная река.
 Не одна ль пуповина вязала
 нас с родною землей на века?
 Кто герой здесь, кто – самоубийца?
 Всем открыта небес вышина.
 Я разбился, а ты – оступился...
 В этом правда, но вся ли она?..
 Я люблю эту твердь всеземную,
 чтоб провидеть её высоту.
 Вот и снова я землю целую
 и барвинком – сквозь землю – расту.
 Много всюду дорог и тропинок,
 но никак не понять: что и как...

Всходят рядом – сорняк и барвинок.
Так извечно – барвинок, сорняк...

* * *

Отлетал, растворился в росе
самолётчик, упав на травинку,
лишь оставил над влажным шоссе
золотую свою паутинку.
Тихо песню выводит сверчок
в переливчатом утреннем свете,
и под солнцем малыш-паучок
сушит за ночь намокшие сети.
Мой сынок! Сон ночной, как наркоз,
мы забудем сквозь яркие блики.
Вот лохматый паук-бомбовоз
чёрным шлейфом окутал былинки.
Мы – живые, сынок! Так живи,
по земной суете не печалься...
Зарыдаю в объятьях травы:
отлетался и я, отлетался.
Гулко бьется сердечко твоё...
Но – прости мне, родная кровинка,
и над нами паук наснуёт
золотую свою паутинку.

* * *

На слиянии рифмы и прозы
нас минуют рассветные грозы.

Но опять простаки-виртуозы
канифолью ласкают смычки.
Музыканты, пусть кружат метели,
заколдуйте меня от беды,
как в матросской слободке умели
наши прадеды, наши деды.
Я лечу, как весенняя птица,
и душа отошла от зимы...
Брат мой, милый скрипач, что стыдиться?
В руки скрипочку, скрипку возьми.

Смолкнет птица в уснувшем гнездовье,
вспыхнут звёзды в прохладной дали...
Станут ласковой волны на взморье,
и замолкнут в порту корабли.
Так играй – негасимо и зыбко,
пой негромкую песню добру.
...Я хотел бы, чтоб дедова скрипка
Мне играла, когда я умру.

Утренний эскиз

Баклан над прибоем кричит,
и кажется небо солёным.
А память горчит и горчит,
как чай с недозревшим лимоном.
Ты горького хочешь? Бери
всю боль уходящего лета.
О, сладость вечерней поры!
О, горькая горечь рассвета!
Я прошлое тщетно таю,
себя, точно в танце, сжигая,
лишь милую руку твою
пожму на прощанье в трамвае.
А перстень изменой блестит.
А взор твой подернут туманом.
И чайка над морем кричит,
кричит и кричит над лиманом...

Баллада 22 июня

Предфронтовое поколение...
Беда и боль военных дней...
В крови солёной по колено
все дети памяти моей.
А совесть в прошлое не канет...
Неужто сон объял меня?..
Мой сын ко мне безмолвно тянет,
Сгорая, руки из огня...

* * *

Пухом снег опускается книзу
среди девственно чистой зимы...
Пролистать бы ту звёздную книгу,
что любовью заполнили мы.
Ты взлетаешь, как белая лебедь,
над водой, надо льдом берегов.
Но с собой ничего не поделатъ
в царстве вьюги и долгих снегов.
Как в себя ни гляди – безответно;
как ни жди – но упустишь свой миг.
Засыпает снежок предрассветный
белизну ненаписанных книг.

* * *

Твои волосы – точно свет,
твоё августовское тело
из границ суеты сует
в предрассветный зенит взлетело.
Вербы в дымке сошли во тьму
и колышутся чуть тревожно.
Почему тебе – не пойму –
так безвыходно, так беззвёздно
в том зените, где мы – ничьи...
Для кого ты взметнёшь, как крылья,
в отгоревшей своей ночи
тело, голос, имя – Мария?..

Чумацкий ужин

Ужинают в поле чумаки,
чечевицу сыплют в котелки.
Высохшую рыбу достают,
на сухой траве волов пасут.
Хлеб из сумок достают возницы.
...Смотрит вдаль мальчишка и не ест:
как же косят зайчики пшеницу,
Если волки рыскают окрест?
Я – мальчишка, и во мне нет злости.
Доварю в большом котле кулеш.

Вот бы заглянул зайчишка в гости.
Я сказал бы зайчику: «Поешь!
Ты не накосил ещё пшеницы,
хоть и поднялся с началом дня». –
...Но свистит аркан голодной птицей
над седлом татарского коня!

Степи, степи... Ворон глаз таращит...
В небесах скрипит Чумацкий Воз.
Долго-долго серый зайчик плачет,
что мальчишке хлеба не принёс.

Амфора царя Скила

Амфора лежит, давно разбита
На ольвийском выжженном песке.
Всё ещё стучат, стучат копыта,
Тихо замирая вдалеке.

Гипанис-река течет к обрыву,
В бездну.
Слёзы падают в золу.
Боже, из себя никак не вырву
Ядом напоённую стрелу.

Украинский, скифский, край мой отчий
Мне нигде покоя не даёт.
Я ещё не знаю этой ночью
То, что брат родной меня убьёт.

Сколько нас – ушедших и незрячих...
Мы живём песчинками в песке.
Гнали мы коней своих горячих
К Конной, обжигающей реке.

Рокотали волны в белой пене,
Из Эллады я спешил домой,
О твоей не ведая измене
Под покровом дымки золотой.

В Аттике я видел много юбок,
Только ты в душе моей одна...

Греческий везу тебе я кубок
Для лихого скифского вина.

Я плыву. Дыханием прохлады
Развевает ветер мой хитон,
Для тебя везу я из Эллады
Золотом украшенный ритон.

Был я царь. Не думал, что так рано
Этой жизни оборвётся нить.
А тебя убьют, чтоб под курганом
С молодым царём похоронить.

Белая птица с чёрною отметиной киновариация

Ивану Миколайчуку – вечному

Предлагает баба на базаре:
– Возьмите аиста.
Не продаю – отдаю.
Я стара, да и хата сгорела.

Мы знать хотим, что знает только Бог,
И вновь идёт дорогой неизведанной...
Стоишь, Иван, на рубеже эпох
Ты – белой птицей с черною отметиной.

Кружится аист. Лепет лип летит
За окоём, назад взглянуть не смея.
А наша доля чёрной птицей спит,
В чужом гнезде высиживая змея.

Страдай, корись, рассветное село!
Подмена не видна в небесной сини,
И ящиком Пандоры зацвело
И зашипело небо Украины.

«Иду на вы», – сказал великий князь.
«Иду на ты», – выходит брат на брата.

А птица-мать с гнезда не поднялась –
Раздавлена, распластана, распята.

Закат молчит. Нет слов и у зари.
Безмолвны мы, безгубы, и в насмешку
Мы предали, как горе-звонари,
Свою судьбу, свою скупую метку.

За каждой гранью есть добро и зло,
Но жизнь одна в гнезде души и тела,
Где белой птицы светится крыло,
Где живы мы, где хата не сгорела.

* * *

Запахло смородиной чёрной
Меж сизых стеблей лебеды.
Ещё есть и свет наречённый,
Ещё есть и цвет, и плоды.
Сиянье комет запоздалых.
Кружение звёзд в вышине.
Как мёд, как смородины запах
Останется юность во мне, –
Светясь из обители горней,
Мерцающая опять о своём...
И пахнет смородиной чёрной,
Как нашим пропащим житьём.

Возвращение буй-тура

Теперь не те года,
Теперь не та река.
И лес не так шумит, разлапившись понуро.
У заповедных рощ мелодия горька.
Иерихонский плач.
Дыхание буй-тура!
И, миновав ряды озлобленных собак,
Прирученных волков, что с пылу одурели,
Вот он идёт, буй-тур!
Но не как мёртвый знак, –

Знак дикой воли сам идёт на самострелы.
Ломай же и круши гнилые пни засад,
Иди, где сень темна, где свод листвою вышит,
А сатанинский лес – не предрассветный сад,
Тут пуля соловьём и цокает, и свищет.
Есть у свободы путь один: на смерть идти,
Когда такой удел открыт для нас с рожденья,
И противостоят дубовые кресты
Зловонию хлевов и хлебу прирученья.
Вернись назад, буй-тур!
Как гордой силы знак,
Как вечный знак живой во все века свободы.
Всем воскресать нам – так,
Нам возвращаться – так,
Туда, где свет звезды, где тихо плачут воды.
И троекратно пасть, чтоб обожгла роса,
Чтоб оборвался след кровавый за тобою...

Вы слышите? И нас позвал на небеса
Буй-тур иерихонскою трубою!

Кочубеевна

У Кочубеевны, у Мотри
Никак не сладится житьё.
К утру от слёз бессонных мокры
Подушки жаркие её.

Как пирамиды – встали склепы,
Скелет гарцует на коне,
И месяц, как лицо Мазепы,
Застыл недвижимо в окне.

Крадётся ночь дурною славой.
Родная печь малым-мала.
Чужие кони под Полтавой
Грызут стальные удила.

Нет сил с виденьями бороться:
Бесплотен и мертвецки сер,

Скакун под гетманом смеётся
Здесь, на окраине Бендер.

А вдруг грядущее бедово
Грядёт неволей и бедой?
И над тобою, Мотря, снова
Смеётся месяц молодой.

Любовь. Интриги. Контрибуции.
Теперь другие на коне.
Ещё напишут конституции
Они у Мотри на спине.

* * *

Запишут в старый свиток это
Когда-нибудь...
Всеми свой срок...
Сухая ветка к солнцу, к свету
Прольёт молоденький листок.
Не сладок мир, скорей – напротив.
Дороги гения горьки –
Не в позолоте переплетов,
А в откровении строки.

Анатолий Крымский

(1938 – 2016)

с украинского

Грохочет гром

Гляжу на свет глазами чёрными.
И пуст, и одиноко мой дом,
А в небе звуками мажорными
Грохочет гром, грохочет гром.

Пылает ночь огнями поздними,
Взмывают тучи на дыбы.
Грохочет гром над всеми вёснами
Моей судьбы, моей судьбы.

Как долго мир почил в безмолвии,
Пока ты не вошла в мой дом,
Но на пороге в блеске молнии –
Ударил гром, ударил гром!

Твой след растаял в снежной замяти,
Меж нами дни и города,
Но снова над покровом памяти
Гремит гроза, гремит гроза.

* * *

Стих ветер на склоне погожего дня,
И кажутся в скверике астры светлей...
Родная, ты плачешь? Иль капля дождя
Случайно с ресницы скатилась твоей?

Вот и всё, моя родная, вот и всё.
Нам ответ, быть может, ветер принесёт.
Снова тучи, снова дождик на село...
Видит Бог, что нам вдвоём не повезло.

Словно не было рассветов и лугов,
Словно не было ни ягод, ни грибов,
Не мели снега, и вьюги не мели,
Словно не было ни неба, ни земли.

Точно не было ни грусти, ни тепла,
Точно юность отшумела и прошла,
Оборвавшись чёрным громом в летний зной,
И любовь нас миновала стороной.

Только минул безвозвратно серый час.
Что же дочка смотрит пристально на нас?

Тамара Крюченко

(родилась в 1955 году)

с белорусского

В Новгород-Северском

С высокой башни монастырской
Для глаз открыт простор Десны,
Живой воды святые брызги,
Шум осокоря и сосны.
Почувствуешь, как ангел, крылья,
Что дарит Спасский монастырь,
И вспомнишь Туров и Кирилла,
Славянства нашего мосты.
И Игоря поход с дружиной
Вольнолюбивых северян,
Что головы за Русь сложили,
Погибли от смертельных ран...

Ветеранам

Осыплет лепестки цветущих вишен
Весенний сад – земля белым-бела.
И да хранит вас всех Господь Всевышний!
Я в этой жизни все свои дела
Сверяю с вашей огненной дорогой,
С раскатистым «ура» победным днём...
Родные, вас осталось так немного,
Но знайте – с вами в ногу мы идём!

Дмитро Куровский

(1922 – 1988)

с украинского

147

с украинского

Крещение

Меня на Брянщине впервые
Бомбили немцы... И под свист
Снарядов в рытвины сырые
Вжимался я, как тонкий лист.

Аэродром горел и рвался,
Но, некрещёный, на войне
Поднять я голову боялся,
И – помню – страшно было мне.

И всё же видел краем ока,
Как на меня пятой своей
Тень опускалась однобоко,
И тёмный крест чернел на ней...

На те кресты в небесной сини
Я посмотрелся на войне,
Но страха не было в помине,
Лишь голос мести жил во мне...

Нет, не они меня крестили
В тот день, что видится из мглы,
В меня вдохнул святые силы
Огонь отеческой земли.

9 мая 1945 года

Этот май я не забуду,
Каждый раз припомня сызнава
Цвет победного салюта
Бело-розового-синего!

Нет его светлей и горше...
Как свои я чувства выскажу?..

Я в тот день на Буге, в Польше,
Самолёт готовил к вылету.

Он уже готов... Лететь бы!
Но команды отменяются.
Авиаторы, как дети,
По траве, смеясь, катаются. —

К чёрту бомбы, где за вспышкой
Каждой — пекло, кровь, страдание...
И опять стоишь мальчишкой,
Вспоминая счастье давнее.

Петро Куценко

(родился в 1948 году)

с украинского

149

с украинского

* * *

Шоссе через гору уходит вперёд,
Шуршит исчезающим бегом.
За садом Гафийка индюшек пасёт,
А сад замело уже снегом.

– Гафийка! Боса ты, а нынче мороз... –
Молчит. Ни платка, ни понятия.
Лишь что-то бессвязное шепчет под нос,
Лишь мутные бельма подняты.

Сказала: под бешеный посвист судьбы,
Связующей смерть и начало,
Железные в небе промчатся гробы
С детьми... И сбылось, как сказала.

Про ложь, про карающий гнев и разлад,
И мор, и сиротство, и милость,
Про зверя, что матерью будет зачат...
Как молвила, так и случилась.

– Гафийка! Там речка под снегом. Очнись!
Не видит... Опущены веки,
Но смотрят глаза в недоступную высь,
И речка смолкает навеки.

– Постой же! Там бездна незримая спит,
Не ведая дна под собою!..
Не слышит... На краешке самом стоит,
И бездна тверда под стопую.

И так – бесконечно... Как в небо идёт
Шоссе, укрываясь от взгляда.
... У шляха Гафийка индюшек пасёт –
И вряд ли ей что-нибудь надо.

Речь

*Родная речь – дарованное благо...
Л. Васильева*

Слывешь ли даром ты, водой живую?
Творящим – глиной, страждущим – росой?
Иль данностью, чья суть всегда проста?
Всё в мире станет прахом, пустотою,
Лишь вечно ты из уст течёшь в уста.

В речах и песнях, в каждом полутоне,
Светло, как будто в материнском лоне,
Таится свято материнства суть.
Не потому ль извечно мы в полоне
Тех мук и счастья, что слова несут?

С небес Господних – мощь и кротость ветра,
Из музыки – простор, пронзённый светом,
Из живописи – таинство цветов, –
Ты всё вобрала в соты, и при этом
Всё осветила откровеньем слов.

Когда ж в недолге плоть покроют струпы,
Когда недуг мой взгляд и слух притупит,
Отнимет голос – в наихудший миг,
Тогда, тобой даровано, проступит
То слово, что в устах горит моих.

То слово, что не выговоришь всеу,
Что дух возносит, глухо боль врачуя,
Целящим солнцем из закрытых глаз,
И пусть никто его уже не чует –
Оно живёт, а с ним и я в тот час.

Вот потому ты есть – водой живую,
И глиной для творящих рук, росой
И данностью, чья суть всегда проста.
Всё в мире станет прахом, пустотою,
Лишь вечно ты из уст течёшь в уста.

Сколько счастья в белом свете!
Сколько радости и сил!
За тем чудом и за снами мой отец босым ходил,
А за счастьем – мать седая:
Год за годом, день за днём.
Усмехалась – не отыщешь это счастье днём с огнём.
Я же в вышитой рубашке
Да за радостью – на шлях.
Боль в груди моей доньне, жар и пепел – на руках.
Где ты, батька? Где ж ты, мама?
Кони чёрные стучат.
Счастье, доля, жар и пепел сквозь года мои летят.

* * *

Свет и туман. Вечерний иней.
Патриархальной меди звон.
И отзвуки со всех сторон,
И крик ворон – багряный, синий.
В оттенках красок и в звучанье слов
Ещё темны весенние приметы,
Всплывая, как скупые силуэты
Домов, ворот, ветвей и куполов.
И тают... Окружают всё и всех
Тумана и снегов дыхание и лепет.
И как же мне постигнуть властный трепет,
Когда услышу женский голос, смех
Как отголоски юности былые?
И как понять: чего я так горю,
Целуя уходящую зарю –
Холодную – в уста живые?..

* * *

Что за зарево ночное
В небе вспыхнуло, лучась?
Круговое, неземное,
Словно кто-то в этот час

Для любви родился, словно
Снизойшла на землю высь,
И в невымолвленном слове
Дол и горы обнялись.

Встало светом над землёю,
Душам явлено людским
Вифлеемскою звездою,
Благовестом золотым,

И горячею слезою,
Что прогонит смерти страх,
И загадкою святою
В полуночных небесах.

* * *

За потоками света на небе затихла вода,
Солнце замерло, словно бы время уже не продлится,
А внизу тает в лозах река – молода-молода;
Полдень сходит жарою на землю, на травы и листья.

Набегая, плывя, чуть пульсируя, дышит, живёт
Не виденье, не сон – иллюзорно манит, будоражит.
Скоро, скоро уже свет сетчатку очей разорвёт
И уже никогда света белого им не покажет.

То не просто мираж, то томленье земли и небес,
Это плоть и твой дух изнывают в высоком томленье,
И всё кажется, что этот мир потеряется весь,
И навеки исчезнут в просторе любые виденья,

Где на мостике, что прошлым летом спалила гроза,
Пляшет юная молния, и – ничего нет другого...
Лишь стоит старый-старый цыган, точно призрак,
Различая далекое ржанье коня молодого. в слезах,

Под Спасском – на первое лето тяжёлой войны –
То ль всадник, то ль призрак явился с ночной стороны.

Не стёжкой, а так – через ямы, окопы, стволы –
Входил и глядел, как из бездны, сквозь стены в углы
Домов уцелевших, и молча сползал, как туман,
На выгон, где кто-то, казалось, поставил экран.

И шея светилась колодезного журавля,
Крутилась под небом пустым кинолента «Земля»,
Цвет яблонь с экрана струился и в горле горчил,
И пили его с полдесятка безруких мужчин,
И жёны, и дети, да очи седых стариков,
Да кто-то ещё... Кто-то с неба, сквозь мглу облаков.

Хрипел репродуктор, сухие глуша голоса,
Девчатам под ноги по капле сбегала роса.
Но разом внезапно экран встрепенулся в огне:
То всадник иль призрак на чёрном поднялся коне.
Заплакал младенец, и крик оборвался вдали,
И стоны и взрывы тяжёлую твердь сотрясли.

Согнулся механик – с рассудком своим не в ладу:
Неужто... неужто я ленту заправил не ту?..
И смолк репродуктор. И призрак рассыпался ввось,
И все, как один, не спеша по домам разошлись.

И гул уходил далеко-далеко за поля,
И тихо дрожала и вновь оседала земля,
И кто-то всю ночь напролёт видел чёрные сны –
Под Спасском – на первое лето тяжёлой войны.

* * *

Я не всё о них знаю. Их ночи и дни нелегко
Уместить на бумаге, сквозь горе, войну и потери.
Я не всё о них знаю, поэтому там, далеко,
Рвут затишье сирены. И наглухо – окна и двери.

Я не всё о них знаю. Отец мой, ты снова спешишь
На смертельный рубеж, и идёт по тебе переправа.
И над самую бездной, как прежде, ты, мама, стоишь,
Почернела косынка, а чёрная – стала кровавой.

Я не всё о них знаю. Витает надломленный звон.
– Я не всё о них знаю, – шепчу я ночами и днями.
Припаду до земли, и доносятся с разных сторон
Только стоны... Спрошу: «Что же это горит над полями?..»

О, молчи. Не пытай. Всё навеки смешалось в одно –
И кровавый платок, и огонь, и святые знамена...

* * *

Отцы нам часто снятся молодыми,
Счастливыми... И тихо, без забот
Идут себе по глади чистых вод
Меж берегов рассветных, над какими

Светло блестит небесная роса,
И стелятся вокруг как можно тише
Туманы, и подслушивают птицы
Свои и все иные голоса.

Такими их за мглой прошедших лет
Нам не увидеть среди полей и весей.
Идут в одежде – ветхой и истлевшей,
И солнечно-прозрачной, точно свет.

А ближе глянешь – небо и вода
То ль жаром, то ли холодом в их лица
Вошли, чтоб стать единым целым, слиться,
Как марево, в каком ещё видна

Печаль их глаз и отголоски слов, –
И позовёшь, но нет уже ответа,
Лишь ласточки кружат на склоне лета
Над светлыми руинами годов.

Стрижи исчезли в сумерках. И голос
Средь сумрака исчез – и на террасе
Вдруг разом пусто сделалось и голо,
И немота разлилась в одночасье.

Вернулось стадо. Звуком молчаливым
Таился вечер, прячась за берёзы,
И колыхались за речным обрывом
Лишь отсветы на неподвижном плёсе.

И зримое – исчезло, и стеною
Вокруг легли, отшатываясь, тени,
И в краткий миг – из дней, прожитых мною,
Из мглы немой – в душе моей и в теле

Боль вспыхнула, но отступила сразу,
Увидел я, как обжигает, ищет
И сквозь рогожу чёрную, как сажа,
Ночь вокруг меня безмолвствует и дышит,

И знает то, чего ни я не знаю,
Ни тот, кому за вечностью поныне
Опять уста – холодные, немые –
Дыханьем я своим отогреваю...

Около старой мельницы

Чернеют брёвна мельницы убого,
Что простояла мёртвой столько лет.
Мукой пропахли небо и дорога,
И ночь, и день, и весь наш добрый свет.

Тяжёлые, разбитые колеса
Ещё скрипят, и лунная вода,
Бессонницей отмеренная, с плёса
Ещё течёт на лопасти сюда.

Скорее! Полон нижний ковш до края,
Зерном забиты верхние ковши,
И жернова, друг друга истирая,
Скрипят, но рядом нету ни души.

Неужто чёрт решил отведать хлеба?..
Стучит о ковш пустое решето...

Нет, всё не так. Из времени ничто
Не исчезает, но уходит немо.
И пропускают стены звёздный свет,
И видишь эту землю, это небо
Сквозь теплоту муки минувших лет.

Над глубинами

Сметет ночь тревожный сон на белый порох,
И проявится бывшее: дни, века,
И во всех старочерниговских соборах
Отзовутся голоса издалика.

И разверзнутся вокруг земные тверди,
И смешается с остывшей кровью мгла.
Перед смертью все равны – и князь, и смерды. –
Встаньте все! Поганым татям нет числа.

Княжий двор и град окольный стопчут, спалят,
Лягут русичи в полях – за рядом ряд.
Но стократ страшней, что память обезглавят,
И ветра в дырявых душах засвистят.

И поэтому, покуда дым клубится,
На пергаменте появится строка:
Слово в слово ляжет правда летописца,
Обрекая на погибель чужака.

...Голоса шумят. И в темноте – до срока –
Теплится свеча, зажжённая людьми,
И кричат над нею лебеди высоко,
И плывут из глубины веков ладьи.

I. Зима – весна

Как будто тени прячутся в углы,
И вьются чары полночи дремотной,
Но точно небо вырвалось из мглы
И выпало на снег – ещё холодный.

И тут же дождь пролился, засмеясь,
Сумев во всём и всюду заискриться,
И жухлые снега исчезли враз,
И чёрная запрочитала птица.

А сквозь проём ворот – себе вослед –
Открылся путь, изрезанный потоком,
До солнца, что из тьмы на белый свет
Едва-едва своим взглянуло оком.

И в том дожде, как будто в чутком сне,
И с удивленьем – этим зримым шляхом
Я зашагал, и всё, что есть во мне
Наполнилось и радостью, и страхом.

И вдруг – полмира светом занялось,
Сроднилась тишина с тревожным гулом...
Зачем же то, что тайною насквозь
Пропитано, в глаза мне заглянуло?

Зачем же красота, что и сейчас
Ещё летит, слепя, как пламя в чаше,
Мне в душу – в тот давно ушедший час –
Пахнуло чем-то вещим и пропащим?

II. Весна – лето

Вишнёвый цвет заполонил сады,
Всё: жизнь и прах – превознося до неба.
Предчувствует полуденная нега
Весенние, протяжные дожди.

На солнце разогревшийся ручей
Течёт за окоём, в иные дали,
И ни забот не знает, ни печали,
Смывая с уст сухой, горячий глей.

А в глубине потока – тусклый круг
Колеблется, плывёт меж верб и кручи.
Дотронусь до него – и яркий, жгучий,
Слепящий свет в глаза ударит вдруг.

И все свои непрожитые дни,
Те, что пройду однажды торопливо,
Я угадаю – остро и тоскливо,
Как бы смешав обыденность и сны.

Как будто тайну сквозь густой туман
В тех днях мне жизнь приотворить сумела,
Соединя страсть души и тела, –
Но не узнать – до зримого предела:
Что там сокрыто – счастье иль обман.

III. Лето – осень

Слепящий день и бредящая ночь,
Палящий свет и реющие тени
Ведут меня и вновь уводят прочь,
Пока в глазах, в неведомом волненье,

Сжигая, трепет огненный живёт,
И всё живое нас связует вместе.
По кругу солнце чистое плывёт,
Как и всегда – в привычном равновесье.

Покинуты: поля, луга, сады,
Меняя цвет с зелёного на жёлтый,
Где тяжкий груз печали и беды
Сокрыт в себе – и горький, и тяжёлый.

На всех путях, протоптанных сквозь боль,
Проходишь без отчаянья и страха,
и меж провалов, долгих, как юдоль,
Ступаешь – и уже не видно шляха,

Лишь тянется холодный белый дым,
Лишь небеса скупой просвет открыли,
И сколько б ни гадали: что за ним? –
А повернуть назад – не хватит силы.

IV. Осень – зима

Всё глубже, глубже ночи. В пелене
Сокрыты сны, и тьма, сползая с неба,
Гулка в своем безмежии и немо
Над ними тяжело дышит в тишине.

И медленно пробьётся бледный свет
С высот – напевен и исповедален,
Как будто солнце смотрит мне вослед
И на весь мир, что им сейчас оставлен,

Так, словно нет ему назад пути
Сквозь снеговые долгие завалы,
Сквозь те снега, что будут впереди,
Но в сердце, как предчувствие, устало,

Мучительно прозренья отзовется,
Взлетит пичугой малой, что вокруг
Смеётся сквозь шальную пену вьюг, –
И кровь застыла, а она – смеётся.

И льётся, льётся из-под хладных крыл
Манящий свет мгновений не минувших,
И проступает посреди уснувших
Морозных сфер – весенний ход светил.

Историческая фреска

Ветра летели, точно кони с Луга
Великого, почуявшие плеть.
Затихнув, Днепр ледовую кольчугу
Устало сбросил с онемевших плеч.

И под волной в мерцании плывущем,
Сквозь мглу веков, положенных под спуд,

Я вдруг увидел: ратники с оружием
По дну реки усталые идут.

Сквозь толщу вод сияют в шрамах лица,
Сквозь толщу лет качаются щиты,
Те, на каких народу поклялися
Победу из Царьграда принести.

И постарели все: и князь, и гридни,
Строй поредел, но войско держит путь.
Блестят шеломы, славою увиты,
И моет кровь израненную грудь.

Гудят ветра. В полуночную пору,
Как табуны в кромешной тьме летят,
Несут ветра поток весенний в гору,
Вспять – против ночи, сна и забытья...

Фольклорный мотив

Прилечу я из лета, да в холод,
Привечая знакомую крышу.
– Почему же босой ты и голый? –
Я с родного порога услышу.

– Потому, что босой я и голый, –
Объяснить поспешу виновато,
Но пойму, что меня и мой голос
Станным гулом относит от хаты.

– Это где тебя столько носило?
– Там, где носит, – отвечу я тихо, –
Где пропащая, буйная сила
Ошалела от счастья и лиха.

И закрутит слова мои ветер,
Сам себя обхвачу я руками,
И рванусь лёгким вихрем над светом,
Лишь туманы за мною клубками.

В ночи гроза прольётся, и в окне
Засветится лицо её шальное,
Чуть осветив дорогу в пелене,
И ты вернёшься, чтоб побыть со мною.

В горящих блёстках распахнётся свет
Тяжёлою водой над миром утлым,
И шёпот наплывёт листве вослед
Дыханием – дрожащим, белорудым.

И нас поглотит жгучий воздух тьмы
В тревоге горькой, в головокруженье,
Так, словно целый век боролись мы
И лишь на миг слились в изнеможенье.

А утром – через двери и окно
Рассеется пустой остаток ночи,
Сиренью растворясь над нашим сном,
Безмолвно открывая наши очи.

И ты воскликнешь: «Это же не ты!»
И я воскликну: «Я тебя не знаю!»
И разлучат нас пламя высоты
Да ветра свист – от края и до края.

Весна

Перегремело – и поднялись травы.
Коровы с поля тянутся гуртом.
Беззвучно у далекой переправы
Сам по себе качается паром.

Ошеломлённый гулкой красотой,
Над плёсом свет обрушился с высот.
Плывут и под водой, и над водою
Дома на вёслах солнечных ворот.

И в глубине, сквозь буйное цветенье
Сирени, месяц вынесет вода,
И всё вокруг в обманчивом свеченье

И запахи изменит, и цвета.
И тишина нисходит, точно росы.
Дрожат на небе звёздные рои,
И, заманив девчат под сумрак рощи,
Им о любви гадают соловьи.

II

Уже весна сама с собой в ладу
Отходит сквозь мельканье свежих ливней.
Весна такая, что и дед в саду
Вздыхает, слыша щебет соловьиный.

Но никому нет дел до старика,
Как до всего того, что отшумело.
В ладони юной юная рука,
И непокой разлит в душе и в теле.

И дед, как тень, ступает по земле.
Его целует лишь роса сырая,
И слышит он, как голоса во мгле
На шёпот переходят, затихая.

И видит, точно сон, как меж ветвей
Над поймой ветер кучерявит лозы,
И девушку, и лодочника с ней,
Ломая вёсла, в камыши заносит...

* * *

Закрой своё лицо и мимо
Иди, как стон из забытья.
Свершилось всё неотвратимо:
И есть житьё, и нет житья.

И горек грех, и руки сводит,
И снова – слёзы после слёз,
И тяжесть наших тел уходит
Сквозь дни, пронзая их насквозь.

(Какие там текут ключи
Из глубины небес... И если

Они когда-нибудь воскресли,
То нас очистили б в ночи...)

Иди ж... Вокруг бесплотно, немощно
Тьма затаилась по углам,
И терпко пахнут хризантемы,
Про тлен нашёптывая нам.

На лад песни

Отшумели все ненастья
Над весенней степью разом.
Не искал в тебе я счастья,
Почему ж померк мой разум?

Ты сверкнула предо мною,
Как комета, пролетела.
Ночи марево шальное
В это лето закипело:

Кудри – лёгкие, как крылья,
Встрепенуло, разметало,
И глаза мои открыло,
И сбылось, да сбылось мало.

И в ознобе неиспитом,
Сквозь горящую истому
Конь в груди стучал копытом
По туману золотому.

А когда, испив обмана,
Свет пролился спозаранку,
Я окликнул из тумана:
– Осчастливь меня, цыганка!

И отпрянул я от звука
Речи, что не умолкает:
– Пусть тебя тоска и мука
Ублажит и обласкает!

* * *

Не сбылось. Не слюбилось. Но путь наш не пройден.
Ты не сможешь исчезнуть изменчивым сном –
Из сторожки своей, что открыта на полдень,
Из печали моей, что на запад окном.

И погаснут в оконце пустом и незрячем
Отголоски вечерней земной высоты,
Поплывём мы безмолвно с тобой в настоящем,
За собою лишая дыханья следы.

А когда стихнут мысли под тяжестью ноши,
Нам привидится поле и птица в кустах,
И замёрзнет вода с приближением ночи,
Как оборванный звук на раскрытых устах.

* * *

Ветвиста крона дерева. Под ним
Прозрачна тень ненарушимой мглою.
Их благодный покой для сердца зрим,
Переходя туда, где меж землею

И небесами – солнечный мираж
Сквозь запахи и испаренья зноя
Колеблется, играя так, что аж
Своя душа покажется чужою, –

Уподобляясь дождику, когда
Не в облаках, а в нас чиста вода,
Собой смывая ложные приметы.

Слышна кукушки тихая печаль
Издалека, и так похожа даль
На двери, отверженные в бессмертье.

Заснули грозы в сумеречных далях,
Сокрыв в сердцах багряный жар листвы.
Кричат, кричат в просветах тёмно-алых
То ль журавли, то ль тени с высоты.

И смотришь в глубь небесную с тоскою,
Года былые вспомнив невпопад,
И день за днём идут перед тобою,
Как брата на большак выводит брат.

А путь такой – и яркий свет, и морок,
А час такой – и тиф, и недород,
Но между войн, разрух и голодовок
Всё ж не пресёкся наш казацкий род.

Нет, не пресёкся, злу не потакая,
Не соблазнясь на чёрные дела.
Земля отцов – от крови их святая,
Как крик души светилась и плыла.

Сквозь пламя битв, сквозь огненные годы
Пронёсся наш неугасимый стяг.
Вперёд – за солнце братства и свободы –
Мы устремлялись с кровью на бинтах.

Умолкли те, кто чад и горечь дыма
Пророчили для нас, как прах и тлен.
Мы знали то, что мы непобедимы,
Когда Европу подняли с колен.

...Идут, идут солдаты сквозь туманы,
На землю глядя с горней высоты,
С горящей кровью, стынувшей на ранах,
Вобрав в сердца багряный жар листвы.

Микола Лелюк

(родился в 1942 году)

с украинского

* * *

Так и живём – мы и надежды наши,
Увы, мы – смертны, а надежды – нет,
Стары, как мир, они кочуют дальше
От сердца к сердцу, словно тьма и свет.
Одни из них, манящие веками,
Как звёзды светят с горней высоты,
Но и они кому-то словно камень,
Поросший мхом безверья и тщеты.
Одни стремятся к звёздам небосвода,
Другие – в мрак, где камень, как тюрьма.
Одним милей полынный вдох свободы,
Удел других – седая соль ярма.

* * *

Так надо – твердим... Заблужденья веков
Уже проросли в наших душах осотом,
И страсти толпы – вместе с кровью и потом –
Корёжат сознание сильнее оков.
Уже христиане мы тысячу лет,
А дух наш языческий – целую вечность
Никак не усвоит, что лишь человечность
Спасёт от попрапия жизнь на Земле.

* * *

Как вёрсты Чумацкого шляха,
Сквозь вечность легенд и былин,
Надежды, что взвевались прахом,
Про сладкую волю – полынь,
Сквозь тернии нёс он без страха,
Всходил вместе с ними на плаху
В ярме, что навек суждено...
Но воля – трепещется птахой
В руках и стремится в окно...
Надежды ж развеяны прахом –
Теперь, как на пашне зерно.

* * *

Ещё моё не вымолвлено слово,
Ещё в душевной дремлет глубине
Оно, таясь; но суть его, основа
Всё явственнее слышится во мне.
И нет его, но точно знаю – будет,
Весенним восходом выйдет из земли
И зазвучит в ознобе серых будней,
Спеша все чувства высказать мои.

с украинского

* * *

Когда овладевает бунт толпою
И закипают страсти вместе с ним,
Тогда душа становится слепюю,
Тогда рассудок нем и уязвим.
Лишь мудрые и сильные смогли бы
Враждой и отчуждением пренебречь,
Чтоб расколоть непониманья глыбы
И человечность в сердце уберечь.

* * *

На сердце – то солнце, то отблеск пожара –
Всего до краёв в нём с избытком полно –
То крылья надежды взлетают к Стожарам,
То камень печали уходит на дно,
То гнётся спина под порывами ветра,
То нежно льняные цветут лепестки...
Не будет конца до скончания века
То светлым, то грустным заботам людским.

* * *

Снег тает, тает в лужах стылых,
И за ночь – как бы ни хотел,

Их застеклить мороз не в силах –
Так ослабел и постарел.

Ручьи песок смывают волглый,
Им рамки снежные тесны,
Они спешат в свой срок недолгий
Сыграть прелюдию весны.

* * *

Из родников ночных заря
Зачёрпывает вёдра света,
На небосклон их ставит в ряд,
Румянцем солнечным согрета.
Сияет золотом парчи
И, не спеша, под птичьи трели
Свои рассветные лучи
Прядёт из сказочной кудели.

* * *

Осенний день румянощёкий,
Устав, как будто за века,
Прилёт на берегу высоком;
И синеокая река,
Его усталость взяв на плечи,
С журчаньем выйдет на простор,
В седую мглу, где тёмный вечер
Уже из звёзд соткал ковёр.

* * *

Был и удачи миг, и кривды жало,
И уносилось счастье в высоту,
И снова – труд...
Чего б душа желала?
Упасть подбитой птицей на лету.

Ну что там слово...
 Буквы, да и только.
 Какое тут величье может быть?
 А вслушайтесь: в его просторах столько
 Значения сумеем мы открыть.
 В смысл слова «мама» можно ли проникнуть? –
 Там столько света!..
 И кому-нибудь
 Не хватит целой жизни, чтоб постигнуть
 Его глубин обыденную суть.

* * *

О, как мы ищем лёгкой славы,
 Бежим за ней – туда-сюда,
 Она ж – подпустит для забавы
 И вновь исчезнет без следа.
 Она серьёзно, с пиететом
 Готовит каждый раз обман –
 Известным мнишь себя поэтом,
 А ты всего лишь графоман.
 И жаль, что всем нам не хватает
 Порой и такта, и ума
 Понять: с кем быть на «ты» – решает
 Всегда, увы, она сама.

Купальские венки

Владимиру Сапону

*Доплывают Купалы венки
 До рассветов грядущего века.
 Владимир Сапон*

Переплыли Купалы венки
 Рубежи двадцать первого века –
 Невесомо почти, напрямки
 Перешли, не убавив разбега.

В них минувшее ветром свистит,
Рубежи указуя и вехи.
И скифянка – вся в белом – стоит,
И слезами наполнены веки.
...От языческих капищ спешат
По пути к вековечному Слову,
В них славянская наша душа
Устремляется к свету Христову.

* * *

Людского сердца доброта
Границ не знает и кордонов –
И бескорыстна, и свята,
Как твердь небесная – бездонна,
Она сама себя творит,
Оберегая жизнь от тленья,
И солнцем праведным горит
Во имя нашего спасенья.
Она подскажет путь из тьмы,
Представ во всей смиренной силе,
Она – залог того, что мы
Не зря на этом свете жили.

В моём саду

В. Струтинскому

Проходят годы... Осень распластала
Над нами крылья. Убрано жнивье.
В моём саду докошена отава,
И выпал первый иней на неё.
Ушли с годами многие надежды,
Но свет души не знает забытья...
Ещё есть время, чтоб любить, как прежде,
И радоваться краскам бытия.

Ст. Репяху

Сплетенье букв. В них – чистота криницы,
И шум лесов, и рокот громовой,
И сила животворная пшеницы,
И запах земляники луговой...
Пройдут года – пусть их надолго хватит,
Хоть есть предел у жизненной реки,
Но никогда свеченья не утратит
Сияющая солнечность строки.

В «Диком поле...»*Михасю Ткачу*

В «Диком поле» жизнь подобна плети –
Тяжела. Повсюду страх и ложь.
Сколько ж зла ещё на белом свете,
А в отчизне – вовсе не сочтёшь...
Сделай, Боже, чтоб душа стремилась
Разгрести в себе завалы зла,
Чтоб любовь из каждого струилась
Щедрую криницею тепла.

* * *

На выгоне, почти что у дороги
Белеет куст, укрытый снежной дланью.
В нём нет ни беспокойства, ни тревоги –
Лишь терпеливость сна и ожиданье.
Чего ж он ждёт среди седой метели?
Что чует в сонме шорохов и вздохов,
Прислушиваясь в выстуженном теле
К биению животворящих соков?..

* * *

Покой небес уже достиг предела.
Спят вербы. Пуст большак. И наяву
Ещё дыханье ночи не успело
Рассыпать звёзды в тёплую траву.
Вот-вот и зорька выглянет румяно,
Ещё чуть-чуть – и встанет во весь рост
Рассвет в своих сапожках из сафьяна –
Скорей собрать густую россыпь звёзд.

* * *

Как много света в пóру листопада,
О, скольким краскам радуется глаз...
Пройду немного предвечерним садом,
Пока закат короткий не угас.
Пока листвою в воздухе уснувшим,
Играют золотые холода.
Здесь сходятся грядущее с минувшим
И ткут на кроснах вечности года.

* * *

Подкрашен снег закатом алым,
И лёд тенями запестрел,
А кто-то там, за красноталом,
Как дед, топтался и кряхтел.
Кого же сталкивали лбами
Там, над застывшею водой?
...Мороз трещал над речкой льдами,
Тряся седою бородой.

*У девочки из вражьего стана
Блестит под ресницей слеза.*

С. Рыбалкин

Кони ржут, и вся степь превращается в слух,
Сталь повсюду звенит, угрожая бедою,
И разлита полынная горечь вокруг,
Наполняя криницы с живою водою.
Мчись, мой конь, затеряйся в густом ковыле,
Подчиняясь простору, погоне, порыву,
Мчись, как ветер, беззвучно скользя по земле,
Я сумею ещё удержаться за гриву.
Там, под сводом тяжёлой сгустившейся мглы,
Проросли ковылями мои побратимы,
И над ними веками курганы легли,
И кружит вороньё, словно тучи, над ними.
Отогнать я его не смогу – в мир иной
Взгляд, застывший навеки, душа устремила,
И не знаю – то ль дождик прошёл надо мной,
То ль по мне половчанка слезу уронила.
Нам бы, конь мой, скорей доскакать до воды,
Чтобы жажду унять, чтобы в вечность не кануть.
...Ковылями веков мчится белый, как дым,
Неразлучный мой конь – моя память.

* * *

Не знаю я такого слова,
Не знаю – где его найти,
Чтоб были счастливы мы снова
И вновь могли бы быть на «ты»,
Чтоб в отчужденье нашем мнимом –
О, Боже, что же мы творим! –
Боль не кружила горьким дымом
Над светлым образом твоим.

Александр Лужиков

(1964 – 2006)

с Коми

* * *

Сторона родная,
словно храм, светла.
Ей молюсь, как Богу,
кланяюсь земле.
Знаю, на чужбине
силы даст она
одолеть дорогу
сыну своему,
Бога позабывшему
и Господень храм.

От имени Ивана Куратова

В край чужой из дома
Выйду на дорогу.
Что со мною будет –
Ведомо лишь Богу.
Может, там придётся
Мне ходить с сумою,
И печали тронут
Волос сединою.
Может быть, как сына
Вдруг к себе поманит
Та земля, что – думал –
Мачехой мне станет.
И, когда состарюсь,
Там, в земле соседней,
Может быть, проводят
В путь меня последний.
Но душа вернётся,
Вырвавшись из комы,
С журавлиным клином
Вновь на землю Коми.
Пусть услышат люди

Птичий крик печали –
 Так во мне напевы
 Сигудка¹ звучали.
 Тёплый южный ветер,
 Трепетный и быстрый,
 Воскресит сквозь годы
 Голос мой забытый.
 На родные пашни,
 Горки и долины
 Принесёт в объятьях
 Песнь мою с чужбины.
 Землю добрым словом
 Обогреет ветер,
 Ласково целуя
 Всех, кого б ни встретил.

* * *

Суть стихов моих, страдая,
 Старость тронула седая,
 А совсем недавно смело
 Юность в них ещё кипела.

В них вчера ещё, бывало,
 Вдохновенье бушевало.
 А сегодня строк аккорды
 Разрывают мне аорту.

* * *

Завершая поиск,
 Долгий и бесплодный,
 Счастья на чужбине,
 В дом вернусь холодный.
 Может, одиноко,
 Грустно, но исконно?
 Бог забытый глянет
 Мне в глаза с иконы.

¹ Сигудок – национальный струнный музыкальный инструмент народа коми.

Может случиться, в доме,
Не уйдя на небо,
Всё ещё остался
Дух ржаного хлеба.
Из смолистых сосен
Стены в эту стужу
Пусть хотя б немного
Мне согреют душу.

* * *

Поднимаюсь тропкой
В гору понемногу.
В рай, сказали, эта
Доведёт дорога.
До меня поднялся
Далеко-далече
Кто-то и по склону
Мне идёт навстречу.

Падая, встаёт он,
Отыскав опору,
И опять с усилием
Вниз идёт под гору.
Вверх, ему навстречу
Медленно шагаю.
Повезло ж счастливцу –
Прикоснулся к раю.

По моей тропинке
Меж камней голых
Он нисходит в бездну
Из чертогов горних.
Мы шагаем вместе,
Ноги стирая,
По дороге к аду,
По дороге к раю.

Мы идём по тропке
Под гору и в гору,
Чтоб друг с другом снова

Повстречаться скоро.
И узнать друг друга,
Опуская веки,
И уже чужими
Разойтись навеки.

В час один родившись,
Мы неразличимы –
Ростом, статью схожи,
И не только ими.
Всё у нас едино,
Если приглядеться,
На двоих даны нам
И душа, и сердце.

с
ко
ми

Узенькую тропку
В гору не теряю –
По дороге к аду
Поднимаюсь к раю.
Он же в это время
И со мною кряду
Вниз идёт из рая
По дороге к аду.

* * *

Не спешило небо,
Тихий снег роняя.
Поседела за ночь
Сторона родная.

Грязная дорога
Пролегла по полю,
Как обледеневший
Путь моей юдоли.

Я в тот день уехал
Из родного края,
Над белёсым снегом
Тенью проплывая.

Вспоминая Питирима Сорокина

Здесь мне слишком грустно –
Что земля мне эта?
Что земля мне эта?
Здесь мне мало света.

Что земля мне эта?
В горести и плаче,
Пусть и вырос здесь я –
Нету мне удачи.
Что земля мне эта?
Улечу, как ветер.
Хорошо, что много
Есть дорог на свете.

Путь мой под ногами
Обозначен чётко,
Хоть ведут дороги
К Богу или чёрту.

Что земля мне эта?
Я расстанусь с нею.
Как-нибудь без Коми
Я прожить сумею.

Следом за кибиткой –
Белой, словно парус,
Как цыган безродный,
В дальний путь отправлюсь.

* * *

В осень, отдохнув от зноя,
Оживёт село родное.
Полетит за журавлями
Ввысь – над Эжвой¹, над полями.

Церковь, люди, кони, хаты
Станут вольны и крылаты.

Неужели вместе вскоре
Улетят они за море?

Но село, кружа, как птица,
Вновь на место возвратится.
И затихнет эхом песня
Журавлей из поднебесья.

с коми

Кони

Тучи в небе разгоня
Криком истым,
Прадеда ищу коня я
В поле чистом.

Затянуло дымкой дали.
Взгляд свой щуря,
Дедова коня едва ли
Отыщу я.

И коня отца под солнцем
Нет в помине.
Только мой скакун пасётся
В луговине.

Тщетно пусть в дороге беды
Ставят сети –
Поскачу полями деда
На рассвете.

Вспухнут зори! Прочь из дома!
Мрак, рассейся!
Вольно сердцу молодому!
Бьётся сердце!

* * *

Царство Божие проспали:
Как лжеца, Христа распяли.
Он вознёсся к горним высям –
Как предрёк Он, так и вышло.
И теперь куда мы денем
Ужас перед пробуждением?

* * *

Авель жив. Братишка Каин – рядом.
Жизнь течёт своим привычным ладом.
Злоба в сердце Авеля клокочет.
Скоро Авель с Каином покончит.
Не дрожит рука, душа не ноет.
Кто ж резню меж ними остановит?

* * *

В эту ночь враги меня поймали –
В сердце удалой стрелой попали.
То сбылось, чего я опасался:
Отлюбил! Отпелся! Отплясался!
Что ж – такой мне, видно, жребий выпал.
Я до дна хмельную чашу выпил.
Расплатиться золотом с лихвою
Мне пришлось за прошлое лихое.
Но – проснулся! Не могу согреться...
Лишь стучит простреленное сердце.

* * *

Сердце мне тоскою надломило.
Истомило.
И растёт всечасно боль немая,
Всё пространство сердца занимая.

День за днём старухою с сумою
Бок о бок шагает боль со мною –
Рядом – как ненастье, как несчастье,
В цепких пальцах сжав моё запястье.

* * *

Я прошусь без сожалений
С грустью в этот день осенний.
Пусть войдёт в мой мир печальный
Свет его необычайный.

Верю – он меня услышит,
 Жизнь и время перепишет...
 Неужели, словно камень,
 Он во тьму забвенья канет?..

* * *

Водицы чистой из ручья зачёрпываю снова.
 Малиной пахнет здесь вода – прозрачнее слюды.
 Горчит брусникою вода из озера лесного,
 В которое бежит ручей, теряя вкус воды.

с коми

* * *

Дождь прошёл. Лазоревой зарёю
 Бабочка взлетела над землёю.
 Мёд берёт пчела с соцветий пенных.
 Воробей резвится на поленьях.
 Жизнь шумит, едва успев проснуться.
 Разве можно ей не улыбнуться?
 Даже сердце радужное снова
 Бабочкой само взлететь готово.

Души старых охотников

Словно звук шагов и шёпот веток,
 Ночью шелестит чуть слышно ветер.
 Души здесь оставили, как вехи,
 Старые охотники навеки.
 Здесь, в лесу, где буйно по полянам
 Разметался хвощ в чаду духмяном,
 Осторожны души, как зверушки,
 Чтоб случайно не попасть на мушку.

* * *

Хочешь знать, как жил я прежде,
 Про печали и надежды?

Положи на сердце руку,
Внемля трепетному звуку.

Только сердце не обманет –
Сердце каждого помянет.
Не гневливо, не лениво, –
Лишь одно оно – правдиво.
Положи на сердце руку...

* * *

Поздней осени мотивы
И грустны, и сиротливы.
Душу обожжёт прохлада
Леса после листопада.

И проходит сырый, бледный
День осенний, день последний.
Словно путник на дороге,
Он едва волочит ноги.

И ему, вот так скитаясь,
Жить до вечера осталось.
Слышно – весело и бойко
Мчится зимушка на тройке.

Евген Маланюк

(1897 – 1968)

с украинского

183

с украинского

* * *

Стилет иль стилос? – не постичь. Двойко
Качаются трагичные весы.
Не бросив в глубину надежды якорь,
Плыву, плыву вдоль берегов весны.

Там лес вздыхает терпким ароматом
И весь звенит от гимнов пьяных птиц,
Поёт трава, никем ещё не смята,
Скрывая сны туманов и криниц.

Там манят кобры мёртвыми устами,
Влекут забавы златотелых дев...
А небо надо мной гудит ветрами:
Прельстит, изменит и предаст воде.

Но только тут весёлый голос боя –
С безумьем бурь, с крушением земель.
Безмежье! Зачарованный тобою,
Плыву в тебя! В твой пьяный синий хмель.

Биография

1.

Всегда – наперекор, судьбе подставив плечи,
Всегда один, вокруг – музыка и простор.
Так, без отца, без вех, без стёжки, без предтечи,
Так – напрямик – туда, где твой зажжён костер.

Всё слышать. Всем пылать. Быть всеединой болью,
Тем криком, что горит в кровавом спазме уст,
И знать, что предстоит – забвение, безволие,
И памятью веков – костей народных хруст.

2.

Так, позабыв про степь хмельную,
Что пахнет горькою травой,
Перепишу судьбу иную
На дикий камень вековой.

Запечатлею вечный образ
На сером цоколе времён,
И мудрость выгянет, как кобра,
Сквозь грани слов и пыль имён.

Она всё слышит, чувствует, знает,
Она предвидит каждый шаг,
И сноп огня глаза сжигает,
И не смолкает шум в ушах.

Под этот взгляд забуду сроки
И не найду свои следы,
И только вижу – камни, строки,
И только слышу – шум беды.

...Боюсь, что даже не замечу,
Как жизнь окончится моя,
И поплыву один навстречу
Потёмкам сгинувшего дня.

3.

Жажду чашу испить до края.
Горше горького мёда беды.
Так нещадно, так ярко сгораю, –
Только видишь ли это Ты?

Ветер всё, что давно забыто,
Прорыдает, как зверь, в простор.
(Там надолго поникло жито,
Там поветрием чёрным – мор).

Ты одна так легко и просто
Заставляешь гореть меня.
Я – кровавых дорог апостол
В вечеряющей сини дня.

1.

Опять на родине Богдана
Свистят истории ветра.
Неповторимо и багряно
Грядёт железная пора.

Веков грядущих не отринешь –
Они вокруг текут огнём,
И будет сниться бедный Тимош¹,
И неумолчной славы гром...

Всё повторится в стоне, в плаче,
Восстав из будущего сна.
И в третий раз придёт удача,
И в третий раз придёт весна.

2.

Ветра эпох со всею силой
Совьют связующую нить.
И жажду встретиться с Мессией
Водою дней не утолить.

В пучину бездны с выси горней
Низвержен Богом шестикрыл.
Мой горький плач, мой смех недобрый –
Лишь корчи дьявольской игры.

Расчёт продажный и лукавый
И страсть холодную – Тебе!
Не ради зла, не ради славы
Тот горький дар отдай судьбе.

Нет. Факел огненный поэта,
В котором сны мои горят,
Несу туда, где омут света,
Где на крови встаёт заря,

¹ Тимош – старший сын гетмана Богдана Хмельницкого, погибший в 1653 году.

Где небо бледно, как в мертвецкой,
И гарь пред ним упала ниц,
Где воля – степью половецкой,
Где дикой дали – нет границ.

Чингиз и ныне атаман там,
И ночь темнее – день за днём.
Пусть будет щит мой адамантом,
А меч – архангела огнём!

* * *

Навеки мы разжали руки.
Пустыня далью пролегла.
Ветрами вечными разлуки,
Степиями морока и зла.

То стылый день, то сумрак вешний.
Сады успели отцвести.
И с каждым разом крик «Воскресни!»
Труднее мне произнести.

Не возродить теперь словами
Пустую и слепую твердь.
И перед нами, и за нами
Лежат молчание и смерть.

* * *

Нет ничего здесь – на земле,
И постигается без гнева,
Что мы стоим в слепящей мгле,
А там, над нами – звёзды неба.

Кто их достиг и кто постиг...
Боль неотступная – расколом.
И только мой голодный крик
Сорвётся перекаати-полем.

Идти в глухонемой туман
Нам доля-ведьма потекает.

Вокруг – людской, земной обман –
Какая пустошь! Боль какая!

Убогий, бедный день пройдёт,
Сгибаясь под тяжёлой ношей,
Мы забываем, что ведёт
Он, как и все, к воротам ночи.

Есть только смерть и только тьма,
И страстный голос вечной муки.
Приди ж, чтоб не сойти с ума,
Сложить на мёртвом теле руки.

* * *

Перегорела синева полудня,
Закат кровавый поглощает тьма,
И на пустыню – тихо, беспробудно –
Нисходит мёртвым саваном зима.

Где ж тот октябрь, что нас сводил с ума?
Дни, что грядут – суровы и безлюдны.
Там, где сияли солнечные будни –
Сверкает лёд ноябрьского ярма.

Костлявый холод. Пепелища хмель.
В тебе одной – хворобы всех земель.
Проклятье на твоё наслали лоно.

Так будь же снова проклята, моя
Эллада скифская, Эллада ковыля,
Сарматских Афродит, курносых Аполлонов!

А. D. MCMXXXIII

И ни сабли, и ни ножа
Не скрестить в завершающей сече!
Точно камень, мертва душа,
Стало чёрным пустое сердце.

Нет уже хуторов и держав,
Только трупы во ржи, только трупы,
Да от хрипа кровавая ржа
Покрывает сведённые губы.

Может, скажешь: взойдёт? прорастёт?
Между рёбрами хат, по дорогам
Диким зелием степь восстаёт
И хохочет над небом и Богом.

Диким древним монгольским вытьём
Огласился простор небосвода,
И рассеялось пеплом житьё
Под степными огнями свободы.

Только солнце из-за облаков
Полыхает – пустое, чумное,
Освещая бессилье немое
Беспробудных веков.

* * *

Степь личину покажет вражью.
Вьётся чёрное вороньё.
Под монгольскую смуглою грязью –
Прокажённое тело твоё.

Не подняться из круговерти,
Эти не одолеть места,
И напрасно зывают к смерти
Обожжённые болью уста.

Не умрешь ты... И Марком Проклятым
Будешь мукою течь, как пески,
Да в потёмках холодной хаты
Тихо стискивать кулаки.

И, как загнанный в чёрные стены,
Где болит гайдамака душа,
Ты почувствуешь сладость измены
Затупившегося ножа.

Но и нож не спасёт, не поможет...
 Дикий ветер гудит из пустот,
 И в степи лишь осот – Боже, Боже! –
 Мёртвым чёртовым зельем растёт.

Из «Ночей»

Цветущий сад, луна и полумгла.
 Блестит луна тяжёлою монетой.
 ...И полночь мая пьяно поплыла,
 И рядом грех – невинный, неприметный.

Нет, трижды нет, о Фауст молодой,
 И ты, о Маргарита, так невинна,
 А на траве следы горят бедой,
 Но только Мефистофеля не видно.

В цветах пьянящих дышат тьма и грех.
 Всё отравила страсть поблекшей ночи.
 Из темноты шипит зажатый смех:
 Лишь миг – и он взлетит и захохочет.

Из «Варяжской весны»

Пусть мне римский орёл поможет –
 Моих каторжных предков тавро!
 Мне вина снова душу гложет,
 На руках моих – чёрная кровь.
 К бездне вышли мои дороги
 Сквозь багряный туман и прах,
 Только ветра сухие вздохи
 Догорают на диких полях.

Неужели история пала,
 На могилах твоих полегла?
 Для чего же нам звон металла
 И крыло вороного орла?
 Для чего же катился чугунный
 Гул неистовых наших дней,

Что в погоне степной фортуны
Призывали нежадно: добей!

Нет, не верю. Не верю. Не верю.
Хватит сил, и воспрянем мы,
Победим, поражая зверя,
Разрушая логово тьмы.
И вернется дыханье просторов –
Черноморского ветра гуд,
И глубоким плугом история
Перепахает наш тщетный труд.

Потому, что так тёмен и дымен
Тот немерено долгий час,
Час железный – варягов и римлян,
И стальной час – огня и меча!

Доля

Стареет заповедный сад.
Не вижу ни сестры, ни брата.
Ты возвращаешься назад
Опять, как перстень Поликрата,

Который снова при тебе –
Он был, и есть, и снова будет.
Так всё минувшее в судьбе
Огнём перетирает будни.

Ты не безмолвный сфинкс пустынь,
Не призрак, не пустое место:
Во взгляде – кованая синь,
В объятьях трепетных – возмездье.

Была ты музой, но уста
Медузой кровь мою алкали,
И славою, что так пуста,
Хула и похвала не стали.

Была владыкой, что в пыли
Дарует гибель в час расплаты,

И слали вестнику хулу
Апостолы и супостаты.

И только изредка чела
Едва касалось дуновенье
Благоуханного тепла
Любви, расцветшей на мгновенье.

Карпаты

Катре Гриневичевой

Тут поздние черешни. Дикой розы
Витают аромат едва-едва.
Земля родная, снова ты нова,
И я здесь, точно гость из Запорожья.

Густая и росистая трава,
И Прут шумит – его не растревожат
Ни заросли, ни камни бездорожья,
Ни призрачные тени, ни слова.

Прохладой веет с пастбища у брода.
Чем выше, тем неспешней звук шагов.
Откуда же такая здесь свобода –
В изгибах гор, в журчанье ручейков?..

Ещё чуть-чуть – и, может, из долины
Мне в грудь ударит ветер Украины.

* * *

Мы поворачиваем вспять –
К охоте, шкурам и секире.
Меча стального рукоять
Не перевесит старой лиры.

И свежий запах ледника,
Забытый от начала века,
Плывёт дыханьем ветерка,
Как первый выдох человека.

И что ж? Теперь умрут сады,
Скуёт морозом полдень вешний,
И тонким саваном воды
Простор покроем многогрешный

Былой земли лихую плоть.
И лес пойдёт неспешно к югу,
Бессилье степи побороть,
Заполонить собой округу.

Мы поворачиваем вновь
К земле, к истокам чистым, к корню,
Чтоб разбудить живую плоть,
Чтоб к высоте подняться горней.

Посвящённые строфы

1.

Грохочет время, не смолкая,
Сквозь прах, горение и гром.
Лишь ты волынской Навсикаей –
На Икве, в свете золотом,
Лишь ты опять приходишь тенью,
Как мрамор Аттики ясна,
И всё вокруг тебя – цветенье –
Эллада, солнце и весна.

2.

Так Одиссею, что испил до дна
Чужбины горечь пополам с бедою,
Открылся остров сладкою мечтою,
Чтоб стать мгновеньем призрачного сна,

Где разливалась светом вышина,
И ветер доносил игру прибора.
Он был разбужен шумною толпою –
В кругу подруг к нему пришла она.

Как ослеплённый, взгляд мгновенно замер.
Всё было так, как будто мёртвый мрамор
Вдруг ожил, чтоб пред ним упали ниц!

И жилки жизнью в нём зарозовели,
И запылали щёки, и зардели
Горячие уста и дым ресниц.

3.

Вы замужем уже, я это знаю.
Уже лежат морщинки на челе.
Я снова слишком часто вспоминаю
День на волынской солнечной земле.

Потоки Иквы в шуме водопада,
И смуглость тел, и зыбкие следы
На берегу, и Вас – полунаяду,
Что, плавая, вздымает пыль воды.

Из вагона

Разлука рядом непреклонно.
Горчит чужой земли вино.
Минуй за стёклами вагона,
Чужбина, буйно и хмельно!

И погасить тоску едва ли
Ты сможешь росами полей.
Ни сожаленья, ни печали
Не добавляй душе моей.

Она голодным волком воеет,
И ей пустыня – вся земля...
Мутнеет небо голубое,
И светят нивы и поля.

Осознание

Жизнь не проста. Мудрей и горестней с годами
Приемлешь стыд греха и зла тугую плеть,
Чтоб нерифмованными трудными стихами
Раскрыть их естество и выразить суметь.

Всё устоялось: нет ни дрязг, ни сора.
Звенит прозрачный миг привычного вина.
Сквозь шум и злобу дня, сквозь ненависть и ссоры
Мечом архангела сияет тишина.

Всё постигает взор. Печальная утеха –
Всё узнавать и знать: и в людях, и в речах,
Идти сквозь голос дня, сквозь хаос слёз и смеха,
И знать, что ты один в безрадостных ночах.

Вечер

Приходит вечер вновь. И закрывает веки
Бессильный день. И вновь молчанье стен пустых.
Необходима мне лишь нежность, чтоб вовеки
Вечерним небесам молиться за двоих.

Уже рисует ночь теней переплетенья,
И звёзды смотрят вниз. И светит, светит тьма.
И знаю, что ты здесь в таком, как я, волненье,
Вздыхаешь, и молчишь, и молишься сама.

Не совладать никак нам с нежностью такою,
Не побороть её в разрозненности нам,
Не сможем мы её теперь отдать покою,
Коль тянется земля к безбрежным небесам.

Минуты эти жизнь дарует мне, как тайну.
То – время вечности. И знаю: ты – одна.
Другой уже не быть. И медлю, и взлетаю
В смирении своём, в той тишине без дна.

Возводит жизнь свой купол островерхий.
 Для всех поступков очередь своя.
 Как вихрь, как грань, как вечный вир энергий,
 Продлятся мгновенья бытия.

Сквозь готику сияет небо снова,
 Цемент скрепляет силу камня вновь.
 И всё-таки вначале было – Слово!
 И всё-таки начальный дух – Любовь!

И в сердце, и в коллекторах моторов
 Пульсирует, искрится вечный мост –
 От хаоса до солнечных просторов,
 От атома до самых синих звёзд.

Фаустовская ночь

Ночь готики. Темны на небе ризы.
 Механика выводит свой закон.
 Холодный месяц – лысый метафизик
 Считает: этот умер, тот рождён.

Прислушайся: какой ночной Элизий
 Вздыхает глубиною тёмных лон –
 Симфония, а не прозрачный сон,
 Замёрзший в фиолетовом капризе.

Ударами приливов и отливов
 Вздымает грудь великий океан
 И в скалы бьёт. И космос, как таран,

Направлен в бездну. Нет, никто не вывел
 Той формулы. И тщетно в дали сфер
 Летит на крыльях чёрных Люцифер.

Воины

Памяти Василя Тютюнника

Пусть нерушимо мы стоим
В преддверье рокового знака,
И сотня сквозь крошечный дым
Готова броситься в атаку,
Просверливая взглядом даль
И настораживая ухо,
Вот-вот и загрохочет сталь,
Вот-вот начнется заваруха.

И губы сжатые горят,
Скрежещут зубы, словно черти.
Рука в мгновенья близкий смерти
Крушить готова всё подряд.
И кажется, что мир притих,
Но в пулемёте – недвижима,
Ждёт свой последний страшный миг
Замком зажатая пружина.

Последняя весна

Хмельная ночь – тверёзые рассветы.
Так дни идут. Февраль – и снова март.
Отчётливее с каждым днем пометы
На гладкой пестроте военных карт.

Нет в пальцах дрожи, и не тот азарт,
Чтоб находить вопросы без ответа.
Тачанка вместо танка в зное лета
Наметит пусть себе крылатый старт.

Подполья – нет. Фронты – кольцом пред нами.
Не разглядеть ослепшими глазами,
Где в чёрных ямах притаилась смерть.

То – лишь мгновенье. Не моргнёшь и оком –
Завеса разорвётся, и потоком
Даль поплывет сквозь реющую твердь.

Сын ждёт ответа: как идти? где путь?
И просит рисовать всё то, что с нами
Всегда: поля и хаты, старый пруд,
И мельницу над белыми садами,

И речку, что струится, как напев,
Туда стремясь, где только даль и ветры...
Как объяснить, что это путь – сквозь гнев,
И неизвестен он до самой смерти.

А сердце рассыпается, как мак,
А нервы – гулки, чутки, как бандура.
Кто б ни был ты – варяг или казак,
Смелей иди, тугая шея тура.
И всё ж из сердца нужно вылить мёд
И пламенем его налить железным.
Тьма – как стена. И чёрный вихрь идёт,
Летит дорогой той к минувшим безднам.

Власть

Она вырастает, как буря, как шквал,
Приходит мечом и пожаром,
Слепит нестерпимостью чар, наповал
Сбивая единым ударом.

Она, словно сила объятий, терпка,
Как страсти мгновение – жгуча.
От стали державная крепнет рука:
Под самой вершиною – круча.

Неверный лишь шаг – всё вверх дном полетит,
Минута с минутой сольются,
И сердце такой пустотой загремит,
Что нервы, как нити, порвутся.

Волна на волну, и удар на удар, –
Едино – светила иль хмари.
И власть эта – сердце. В ней доля и дар,
И жгучее счастье, и кара.

Март

Миколу Хвѣлѣвому

1.

Снова март, и Мария, и вечер –
Даже слышно, как дышит весна,
От дыханья дрожали плечи,
И звенела от звѣзд тишина.

Ты пришла молодою и вешней.
Высь дышала ветрами. Внизу ж
Чѣрный город казался бездной,
Котлованом для тел и душ.

И поверил навек, что воскреснешь.
Вяло падал посмертный снег,
И казалось, то – цвет черешни,
То – цветение песен во сне.

2.

Мария. Март. За городом – покой.
Пылая, небо в вечность провалилось.
Простор и даль открылись над рекой,
И сердце задрожало и забилося.

Как домик, что построен был из карт,
Границы рухнули. Сплелись друг с другом руки.
И всё смешалось: ночь, Мария, март –
В один порыв неудержимой муки.

3.

Твоя весна уже подходит к лету,
Прошедших лет рассеивая дым.
И тело, золотым огнѣм согрето,
Дрожит, как плод под ветром молодым.

Как нежен он и ласков в этот миг,
То ль снег, то ль лепестки летят на крыши.
Всѣ тело – дрожь. И в каждой жилке дышит
Предчувствие горячих губ моих.

Как же протоптать к тебе мне тропы?
В сизой мгле чего ещё я жду?
Как прожечь мне синий жар Европы,
Азии несметную орду?

Ты молчишь – неузнанна, желанна,
Как октябрь прозрачный – нежива.
Что тебе проклятья и осанна? –
Пепел звуков, мёртвые слова.

Даль в разводах золота. Над нею
В небеса глядят среди полей
Готикой единственной твоею
Жертвенники строгих тополей,

Путь-дорогу преградив ненастью,
Вехами расчерчивая край,
Что, открыв себя, как двери, – настезь,
Верит в свой пригрезившийся рай.

Постскриптум

О, да. Я знаю. Раньше ж прозревал
Мой горький дар в годину зла и гнева:
И кровь величья, и смертельный шквал,
И смеркшееся, вздыбленное небо,

И плач Афин, и крик летящей в бой
Неумолимой, разъяренной Спарты,
И гром эскадр, и бомб безумный вой,
И беспощадный жест руки на карте.

...Но словно пьяный, заповедный сон,
Что, не доснившись, ждёт у изголовья, –
Светясь в вечернем солнце, Парфенон
Плывёт в готичный мрак средневековья.

* * *

Акации цветут хмельным мадьярским цветом.
О, запахи страстей, дурманящих, как месть!
Акации цветут. И вместе с пьяным ветром
Их аромат летит, летит из этих мест.

Акации шумят под маревом лазури.
Вся улица в цвету. Вся улица – как сад.
Роскошно умирать в такой цветочной буре,
Пить смерти и страстей горячий аромат.

Эпоха

Жизнь – точно чёлн: волне покорен,
Он вдаль плывёт на бурунах.
С высот своих глухой Бетховен
Корысть, восторг, стенанье, страх

Соединил в едином взмахе.
Потоки искр со всех сторон,
И буря, как огонь во мраке
Безумных волн...
Лишь миг – твой стон,

И жизнь твоя – смотри – что атом.
Черпай водицу. Затыкай
Плотнее щели, ставь заплаты.
Молись. Усердствуй. Не стеной.

Открыт путь Одиссея всем нам,
Столетий вежи канут прочь:
День одноглазым Полифемом
Заманит всех в пещеру-ночь.

И ты, что пламенем был полон,
Замрёшь в безмолвии теперь:
Эпоха – и глухой Бетховен,
Эпоха – и слепой Гомер.

Оксане Лятуринской¹

Взгляни на камень: он молчит
Молчаньем мудрости и веры.
Гремит война, звенят мечи,
Шалееет кровь и рвутся вены.

Лишь он холодный и нагой
Лежит.

Как будто так и надо,
Пройдут, и даже пнут ногой.
Проходит всё.

Лишь он, как правда
Наибезумная, – у всех
Застыл перед глазами гордо.
И не услышат камня смех
Над ним кочующие орды.

* * *

Даже снится ты мне не хочешь –
Неприветлива, нелегка...

Только бы посмотрели очи,
Прикоснуться смогла б рука –
И весна эта с ветром сонным,
И над парком зелёный дым
Зазвенели бы синим звоном,
Заиграли б теплом золотым.

И вернулось бы всё, что минуло:
Тонкий месяц, дыханье рек,
Что в железном протяжном гуле
потонуло навек.

¹ Лятуринская Оксана (1902 – 1970) – украинская поэтесса и скульптор, родом с Волыни.

* * *

Щербатый месяц как разбитый щит
Над тишиной кладбищенского леса,
И полночь бездыханная молчит,
От стужи застывая, как железо.

А в голове тяжёлый гул огней,
За ними ничего уже не видишь,
И в полумраке рухнувших идей
Чернеет морок выдохом: *vae victis!*¹

Печален у бессонницы улов.
Рассвет придёт, свои расставив сети,
Но лишь чернее пламя этих слов
При солнечном, при нестерпимом свете.

* * *

Чист ветер в августовский полдень –
Почти херсонский и степной.
Свободный ветер, ты напой мне
Про даль и молодость! Напой,

Напой о чёрной Украине,
Где звёзды скрадывает мгла,
Где ночи все и дни отныне
Взяла бездонная тюрьма.

Напой про голос, данный свыше,
Про жар, что скрыт в себе самом.
...О, всё печальнее и тише
Молюсь о часе огнемом!

*...Имя библейское – Анна –
Жаром пустыни сжигает уста.
1923*

Помните, Ганна Рёдер,
Сердце Вас не забудет.
Кубок горького мёда
Нам отпустили люди.
Дольние дни и лица
Опередили нас –
Что же всё время длится
Краткая наша весна?

с украинского

Цветенье Иерихона,
Серна в степном распадке,
Земная моя мадонна –
И горько теперь, и сладко.
И трудно анахорету
Искать путевую нить...
Ганна Рёдер, о Ганна Рёдер,
Как же свыкнуться, как забыть?

Станислав Виспянский

1.

Nad jakas rzeka, w jakims kraju...

Над Вавелем¹ – ветра и гром,
А он пылает, не сгорая,
И стал чужим родимый дом
Над речкою в таком-то крае.

Напрасно сетует в века
Сурьма старинного костёла –
К себе зовёт его рука
Не то, что умерло и голо,

¹ Вавель – холм в Кракове, к югу от старого города (прим. переводчика).

А то – что свет и вышина...
И сердце видит, замирая,
Лишь призрак, что встаёт из сна
Бог весть уже какого края.

2.

*Niech nad mogila nikt placze
Procz jedej mojej zjme, -
Na nic mi wasze lzy sobacze...*

Над мёртвыми домами никнут зори,
Похожи переулки на кошмар,
И Краков – как заклятый лепрозорий,
Где тело – Лазарь, и душа – пожар.

Наступит день – осенний дождь заплачет
Над волнами привычной суеты.
Там есть и смех, и ложь, и лай собачий,
А в комнате лишь двое: он и ты.

3.

*Nad jakas rzeka, w jakims miescie,
Gdzie slubowalem slub niewescie...*

Гроб комнаты. В окно видна могила
Костюшки. А за нею – даль и день.
И тлеет тело, что давно остыло,
Переходя в невидимую тень.

Поэма не закончена. Рисунок
Не завершён. Не сдюжила рука.
Какая мощь нужна, чтоб в беге суток
Горящий след оставить на века...

А тут скелет годам, как жертва, брошен,
И край какой-то брезжит сквозь окно...
И чтоб Она жила, уйти ты должен,
Истлеть и возродиться, как зерно.

1.

*Пришедше на западь солнца,
Видѣше свѣтъ вечерний.
Из молитвы Вечери*

На запад солнца выйдя к чёрным травам,
Вечерний свет увидевший – ослеп.
Тироль иль Шлесск, Мазовия, Морава –
Тяжёл там труд и так же горек хлеб.

И сердце там давно подобно жертве,
И смех давно забылся и угас,
И даже под крылом незримой смерти
Не ведаешь про свой последний час.

В слезах глаза я закрываю, сникнув,
И пламя, что светило по весне
Зову... И обезглавленная Ника,
Как фурия, проносится во мне.

2.

Нельзя промедлить ни мгновенья.
Поднялся ветер пустоты.
Апокалипсиса виденья
На нас взирают с высоты.

Открыт простор, где светят звёзды
Для смертоносных летунов.
Блуждай, блуждай в земной коросте,
Гнев превращая в горечь слов.

Вникай в слепой остаток доли,
Что неприступна, как стена.
А в слепоте зловещей воли
Свободно веет сатана.

Отягощённый злом блуждает
В державе зла. И меж руин

Добро бессильно умирает,
И гибнет мать, и гибнет сын.

3.

Он иль не он? Не угадаешь. Часто
Меняет он обличия. Как спич,
Его понятна речь, а то – цветаста,
И вслед за пряником привычно щёлкнет бич.

Без остановки может этот хрыч
Трепать вам нервы в качестве лекарства,
В конце концов поймёт, что хватит, баста,
И вот он снова – добродушный сынч.

И всё начнёт сначала. Сменит тон,
И очи заведёт – такой лощёный,
И даст понять, что деятель, масон,
К тому ж – всезнайка, меценат, учёный...

И речь уже про доллары и кроны,
И всё доступно – визы и кордоны.

4.

Казалось – в гору тропы нележки,
Спускаться легче...
Страшная минута:
Не радость, а мучение – стихи,
И подвиги за нас творит Иуда.

...Чиста земных страданий глубина,
Прозрачность родниковая купели –
Как Родина чужбина нам дана,
Пустынная от самой колыбели.

Чадит огонь – то вспыхнет, то замрёт –
В шатре по окончании работы,
Акриды на вечерю, дикий мёд...
Вот и вся радость скудная Субботы.

5.

Даже розы цвести не хотели,
И не пели тогда соловьи,
И на небе комет метели
Не чертили знаменья свои.

Да и вряд ли б мы их прочитали –
Время страха пришло:
В переулках выли шакалы,
Поджидало слепое зло.

И тарашилось хищно веко,
Прогрызая покой в тоске,
И взрывалось смертельное эхо
В ослепительно-адском венке.

6.

Опустилось небо на дорогу,
Задержало страшный свой полёт.
Эту беззащитную тревогу
Не постигнуть веку, что придёт.

Той тревоги сладкую отраву –
Приближенье смутного конца –
Не узнают те, кто примет славу
В позднем свете смертного венца.

Лишь библейским словом можно высечь
На пустынном камне, словно бред:
Те пустые, выпитые выси,
Тот безбожный, умерщвлённый свет.

7.

О, современники, где взять отваги,
Где слов найти из желчи и огня
И на какой в сердцах излить бумаге
Потомкам этот ад слепого дня?

Тогда весна познала тьму рассвета
Под плач дождей, под судороги бурь,
Как в судный день, звучали трубы лета,
И голым страхом щерилась лазурь.

Июль вздымался в отблесках багряных,
И душно гас, и загорался вновь,
На алых розах, как на свежих ранах,
Под диким солнцем запекалась кровь.

И выли гунны, и текли татары,
И содрогалась сникшая земля,
И небеса сосуд безбожной кары
Излили на жилища и поля.

О, современники мои немые,
Как разбудить глухих? Где ж я возьму
Старозаветный жар Иеремии,
Чтоб осветить пролившуюся тьму?

8.

*И если сатана сатану изгоняет,
то он разделился сам с собою: как
же устоит царствие его?*

Матф. 12.26

Призываю помощь Господню
(Пусть убого моё ремесло) –
Бездна бездну кличет сегодня,
И зло порождает зло.

И зло бушует, как ливни,
И зло пожирает свет...
Помоги остриём любви мне
Выполнить твой завет.

Не слышен шёпот слов, как за стеклом. И звуки
Едва ли различишь. Зачем в пустыню зла,
За череду границ, за рубежи разлуки –
Ты сердце, как огонь, напрасно принесла?

Ещё искрится глаз вишнёвых позолота,
И есть в тебе ещё покой и тишина,
Но ты уже не та, как будто сглазил кто-то,
Измучил, иссушил... И так дрожат уста,

Что – кажется – сейчас взорвётся болью стона
Тот трепет тишины, та мука полноты...
И снова – камень ты. И снова ты – икона.
И снова ты – одна. И снова – ты есть ты.

Ранняя весна

Памяти Эдварда Грига

Ты начинаешься. Ты – тут.
Ещё январь, и стынут ветки,
Но вещей свет подспудно ткут
Лучи сквозь вьюгу, снег и ветер.

И входит робкое тепло
В тела уставшие и в жилы,
Чтоб кровь сиянием прожгло,
Чтоб сердце пламенем прошло.

Ты начинаешься. Ясны
Закаты, выжегшие запад.
Наполнен силою весны
И каждый шаг, и каждый запах.

И облака летят, плывут
В простор – сумятицей бесплотной,
Но за лучиною холодной
Я узнаю тебя: ты тут!

* * *

И покажется – это не Григ, а эхо:
Пароход, и оркестр, гладь залива и глетчер,
Тихий город норвежский, мерцанье снега,
Как страница «Виктории» – синий вечер.

Иоганнес, смотри, помудрел с годами,
И Виктории чужды Амуры и стрелы.
Он живёт по уму, не грешит стихами,
А она замечает, что постарела.

Как банально всё кончилось... И во взоре
Тишина, где уже ни любви, ни гнева.
...Что же так горячо догорают зори
Перед бездной ночного неба?..

Время

I

Видишь, дни как летят: в окна осень стучится.
Вот и август – твой срок. В умирающей сини
Нагадают пророческим карканьем птицы
Про сиротскую юность, про старость без сына.

Год за годом – всё та же скупая дорога.
Редко – бедный оазис, иссушенный страхом.
...Сколько стадий минуешь ещё до порога,
Пред которым всё зло рассыпается прахом?

II

*И грех мой предъ Тобою азъ выну
Пс. L*

Грехи сжигают сердце человека,
И мой грех тяжелеет сквозь года.
Но миг придёт – и прожитого эхо
Отнимет силы, карой снисходя.

И ниц падут: чабрец, каменья, травы,
Родное небо с ними – как и там.

И всё ты сверху видишь, Боже правый,
И ветром посылаешь в солнце славы
Скупую каплю спекшимся губам.

* * *

День осторожным шёпотом бормочет,
Почти гипнотизируя: усни.
И непонятно мне – чего же хочет
Последний свет начавшейся весны.

Заснуть и перейти – уже над страхом
Привычно и легко в иной покой?
Где силы взять в борьбе с железным шагом
Истории?

Бессильный и нагой –

Вот ты один стоишь. А по наклонной
Всё устремляется невольно вниз...
И только океан шумит солёный
У берега. И вет лёгкий бриз.

В осеннем саду

1.

Ты расцветала, пахла, выростала
И превратилась в терпкий виноград
И яблоки. Заворожённый сад
Уже уснул, и молкнет шум устало.

Нисходит тишиной покой и лад,
Святится память, как любовь блистала
В апрельских бурях, в ворожке Купалы.
То – дни плодов. А завтра – листопад.

2.

Безбрежность поля брани, где мечи
Собрали дань. Всё вытоптано, голо.
Широкогрудый ветер степью мчит
Расхристанное перекасти-поле.

Зацепится? Пробьётся? Прорастёт?
Молчит, молчит окрест слепое небо.
Иль степь его бескрайняя пожрёт,
Иль дикий шаг тот переймёт Мазепа?

* * *

N. N.

Мы чужие стоим пред веками,
И про разное оба горим:
Вы – в нарцисс влюблены, а я – в камень,
Вам – Эллада, а мне – только Рим.

Здесь просторы, моря, океаны,
Ветер свищет, подобно стерне, –
Только я, только я, окаянный,
Остаюсь на одном острие.

Вам – весь свет, что лазурью сияет,
Мне ж – вулкана гудящий вертеп,
Где так чутко дрожит и пылает
Иступленьем горящая степь.

Ars poetica

Юлиану Тувиму

I.

Всё начинается от рифмы:
Сначала – смех, потом – игра.
И – вспыхнуть, без оглядки, зримо,
Чтоб знать: пришла твоя пора!

Всегда мы помнили о малом,
Что жизнь ножами рифм жива.
Язвили смысл лиричным жалом,
И каждый стих пылал пожаром,

А ныне – прахом все слова.
С юдолью проклятою вместе

Взгляд смерти будущность настиг.
Пришло кровавое возмездье
За каждый день, за каждый стих.

II.

...Март, и тучи проходят отарою туров.
Пламень солнца и мокрый норд-вест...
Как мучительна пытка литературы,
И слово – всё тот же крест.

Целовал, и звучало в тебе: *поце-луи*.
Сад зацвёл, и ты бредил: *весна – ясна*.
Боль текла по тебе, как небесные струи,
И слагались стихи непослушные в снах.

Как теперь разливается горечь певуче –
Как пророк, как наркоз: назовёшь и убьёшь.
...Так мы всё превращать научились в созвучья:
И века, и мгновенья, и правду, и ложь...

III.

Снова скованный, сызнава хмурый,
А усмешка мгновения – грим,
Morituri литературы,
Гладиатор нещадных рифм.

Снова – чернь и арена – позором,
Снова – падаю и встаю,
И гнетут унижительным взором
Обагрённую душу мою.

Так горю непрерывно, незримо,
И живут во мне кровью веков
Каторжане жестокого Рима,
И Варягов, и Казаков.

IV.

Ты слово нынешнее с жаром
Старозаветным окликал,

Чтоб каждый день был – гнев и кара,
Чтоб стих пожаром полыхал.

Всё ловишь миг, намёк, секунду
В непостижимой высоте,
И кровь кричит проклятьем бунта
И не забыла о кресте.

В морщинах рта, в прищурах глаза,
В библейском свете на челе
Скорбь проступает, как проказа –
Тавро твоих веков и лет.

V.

Вновь Древняя Греция и Иудея,
Два вечных врага, два сознанья земли,
Крестом и железом, отравой идеи
Разводят и рушат – и Рим, и Кремли.

От близких провинций до дальних колоний
Гремели столетья меча и огня,
И к Богу бессильно тянулись ладони,
И тщетно просили великого дня.

Шипело отмщение холодом ада,
И кровь разливалась, как пламя костра.
Два лютых врага – Иудея, Эллада –
От Тибра и Рена и аж до Днепра.

И я на чужбине – с терзаннями в торбе,
И ты на чужбине (повсюду – она!) –
Всю боль нашу выплеснем *urbi et orbi*.
И кличет простор, и молчит тишина.

VI.

Мы знаем больше, чем они –
Те, кто руками ткут основы.
Мы носим сладкий груз весны,
И мускулисто наше слово,
На свет пришедшее из мук.

Ему простор бумажный – тесен.
И крик рожденья – вечный звук
Нерукотворных наших песен.

Думы

Поломалось. Уже не срастить и не склеить.
Дни проходят, как рыбы по тёмному дну.
Отблеск чистого неба в провале Бродвея.
Время камня и стали дробит тишину.

с украинского

Механический бог со скрежещущим смехом
Слил в единое силу машины и зла.
Как почувствовать снова себя человеком?
Как суметь разрубить пуповину узла?

Костыляют года – стала скользкой дорога.
Оглушает дыханьем проклятый век.
Ты узришь ещё, как – без Природы и Бога –
Обращается в прах Человек.

Антистрофы

Анне Ахматовой – Ганне Горенко

1.

*Всё отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу...*

1916

Слова пустые канули во мгле,
Рассыпались неискренние речи.
И вот пришла расплата на земле,
И не расправить согнутые плечи.

И слёзы – не актёрский глицерин,
Страданья показали лик свой грозный –
За лицедейство, за тот смех бесслёзный,
За всё богатство преданных годин.

2.

*А мы живём торжественно и трудно...
...Но ни за что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды.*
1918

Страшна твоя судьба, как житиё.
Душа уже прошла все круги ада,
И тело в них обуглилось твоё
Не раз, и нет к минувшему возврата.

За зимний жар, за лживые крыла,
За игры в грех, за мысли, жесты, слово –
Ты бездну неземную обрела
Мук и страданий. И с тобою снова

Груз дней былых, уже подобных сну.
...Так мстящий призрак, словно бы на тризну,

Летит на тех, кто сжёг свою весну,
Кто предал землю предков и отчизну.

3.

*взбесившаяся барынька.
Жданов – 1945*

Дождь отрыдает свой каприз.
Сегодня – то же, что и завтра.
Где ж петербургский парадиз,
Невы печальной Клеопатра?

Где жгучей славы дым пустой?
Где взгляд отточенный и томный?
Безмолвен ныне дом чужой.
Повержен Цезарь. Мёртв Антоний.

И даже сына... Нет, молчи:
Нельзя о том, да и не нужно
(Тень Медным всадником в ночи
По небу движется натужно).

Из-под земли едва-едва
Взывает к мести стон казачий...
Не всё смогла растлить Нева,
Когда слепое сердце плачет.

*И тяжёлый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.
1921*

Коль имело б крылья тело,
То оно бы улетело
В даль, где колокол поёт.
Да Мазепа
Едет степью...
...Горенько моё!

с украинского

*Над рекой своей Владимир
Поднял чёрный крест.
1919*

Там, где крест простёр Владимир,
Воссияв в огне и дыме
Над простором
Юных лет,
Над простором-косогором,
Над простором, над единым,
Над единым
На земле.

Замер, точно над могилой,
Сник полёт твой легкокрылый.
Мрак пролился беспросветный
На сердце твоё.
Что же сломленной, бессильной
Ты умолкла в час заветный,
Друг мой милый,
Друг мой бедный,
Горенько моё!

* * *

Так долго был двуликим и двояким...
Попутный ветер в солнце золотом,
И ловят ноздри дым родной Эллады,
И видит око свой родимый дом.

Калипсо подарить сулила юность,
А Навсикая – та несла, как дар,
Рай бесконечный, сердца многострунность,
И чистоту, и молодости жар.

Ты всё отверг – прах отряхнули стопы,
Чтоб различить себя сквозь тихий свет
В глазах любимой, верной Пенелопы,
Как поздний плод невысказанных лет.

* * *

Вот первый снег. И сникла вышина.
Там, где вчера лазурь текла, горела
Теперь холодным светом запестрела
Больничная, глухая тишина.

Она согнулась под наркозом зла.
Её почти безжизненное тело
В себя вобрала, ею завладела
Полярная нирвана. Там весна

Цветёт белёсым кружевом на стёклах
Замёрзших окон: бледные листы
Полыни сизой, ежевики блёклой,
Седой осоки стебли, как хлысты.

Тот мёртвый май без музыки и солнца –
Как лик давно умершего японца.

Зима

Ты, как сестра, приходишь вновь и вновь
В наркозе запоздалого тумана,

И засыпает стынущая кровь,
И снег ложится марлею на раны.

Белеет мир вокруг, как лазарет,
Для воина, что выжил после битвы
И чувствует судьбы посмертный свет,
И отпускает выдох свой в молитве.

В горах

Огромен глаз луны. Клубится мгла
И пеленой проносится над долом.
И ночь вокруг себя в молчанье долгом
Иссиня-чёрный контур провела.

Космическим движением крыла
Взгляд восстаёт над бездной и расколом —
Над океаном, над простором голым,
Над миром, что заснул в объятьях зла.

И видишь клокотание страстей,
И узнаёшь вне времени и сроков
Дела вождей и речи скоморохов,
Огрехи и грехи былых путей.

Ты сам с собою на погосте битвы.
И только ночь. И готика молитвы.

* * *

Уже листвы кровавой раны
Зияют в красках сентября.
Сквозь мглу, сквозь ранние туманы
Уходит день, от солнца пьяный,
На солнцепёке догоря.

Играют блики на фаянсе,
И паутинкой смертный сон
Снуёт покой в блаженстве транса,
И о «ночах железных» Гамсун
Диктует солнцу в унисон.

* * *

Не нужно мудрости – она сжигает свет,
Туманит горизонт минута за минутой,
Она, как кислота, съедает вешний цвет
И аромат крадёт у красоты минувшей.
Ещё идёт тепло от солнца дней пустых.
И осень – как весна. И далеко-далече
Взмывает прочь огнём и окрыляет плечи,
Чтоб ввысь взлететь – хотя б на час, на миг.

Час поэзии

Над белою бумагой вьются сны,
Тоска течёт бездонною рекою,
И строчки восстают из тишины,
И ночь пылает чёрною свечою,
И чернокнижником ты замер в пустоте...

О злая память, ты, как Ариадна,
Свиваешь нить бессонно и нещадно –
И кровоточат строки на листе.

* * *

От жизни ты бежал, как тать,
Подвластный неизвестным узам.
...Не выдумать, не угадать
Того, что нашептала Муза
В те баснословные лета,
Когда был день с весной повенчан,
И пламенем любви извечной
Плыла в сиянье высота.

Мазовия

I

Ни стрибожие ветры, ни туч кучевых корабли
Не коснутся уже обречённой навеки земли,

Только мёрзлая мгла перейдёт от заката к восходу
На песок, на поляны, на стылую серую воду,

И шипит листопад, ветки змеями вторят в ответ,
Проливается дождь в пустоту несвершившихся лет,

И лишь каркает ворон над голым крестом раздорожья:
Никогда, никогда не сияла здесь воля даждьбожья.

И не пела тут мать, и из кедра отец не рубил
Колыбель или гроб. Только осени мертвенный пыл

Припадает к стерне, где топорщилось чахлое жито,
Где куражится мгла, дождевыми иголками сшита.

II

Да, только тут родиться мог Шопен...
Мазурских нар хрипящая чахотка,
Где небо простирается, как тлен,
И труд тяжёл, как рабская колодка.

Где топи торфяные пролегли,
Где гниль болот пути-дороги режет,
Где дождь сечёт печальный лик земли,
Но никогда его не перекрестит.

Дыханье малярийное тоски
Мозг превратило в огненную рану,
И вместо силы, сдавленной в тиски, —
Отрава мессианского обмана.

III

Вот так начинаются призраки, грёзы и сны,
Угары злодейских молитв и гримасы Иуды,
И раннее утро цветущей и гулкой весны
Придёт листопадом. И осенью мёртвой повсюду

Печатами злобы в листве набухают грехи
И снова сочатся сквозь ненависть, лень, укоризну.
И вот из земли продираются когти руки
Ожившего трупа, чтоб чёрную выполнить тризну.

И всё возвращается, чтобы откликнулись вновь
Коварство, измена, предательство, зло и расплата.
И с губ вурдалака тяжёлая капает кровь
И крапом багряным вгрызается в желчь листопада.

IV

Холод мороси, колкий туман, ощущение вины.
Как же можно так жить – без улыбки и – вновь –
без весны?

Отречься от солнца и зябнуть, его не смущая,
Вместо сердца болотную жабу в груди помещая...

Злое племя, увязнув в гниенье и смраде веков,
Хорохорилось, тужилось в поисках новых врагов,

И взбешённое солнце неистовым вспыхнуло гневом –
И сошло на жилища и нивы пылающим небом.

* * *

Зима. Февраль. Ангина и простуда,
И кое-что ещё. Тяжёл морозный гнёт.
Но вспыхнет день, придя из ниоткуда,
И солнцем, словно саблей, рубанёт.

И грянет полдень, золотом увитый,
И всё перевернётся кверху дном.
Воскреснет март – забытый и забитый,
И стены туч разрушит первый гром.

Элегия

...мыслящий тростник...
Б. Паскаль

Ещё не осень. Листопад – зелёный,
И тускловато солнце светит. Лишь
Сухая дымка мглы легла на клёны,
На даль, на запорошенный камыш,

На городок чужой. Покоем дышит
Уставшая природа. И душа
Вот-вот уснёт. И ветер не колыхнет
Послушные тростинки камыша.

Что можешь ты, согбенная тростинка?
Здесь бури спят за окоёмом мглы.
Там Альпы, за Дунаем – домик сына.
Там ходит внук, вникая в плоть земли.

День для него – как чистая страница.
Он ищет к миру новые ключи...
Ты ж вновь один. Закат пришёл проститься
С тобой. И ночь близка. Молчи... Молчи...

* * *

Загадка жизни – точно каверза,
И Вавилон возводят снова.
Стихотворенья – та же каторга –
Нещадно душит жёрнов-слово.

Всё реже взлёт – душой ли, разумом,
Трепещут нервы, словно тросы,
И если сердце стихнет разом –
Обманут крылья альбатроса.

И не узнать, на что растрочена
Жизнь, что от творчества кровава,
Что нам дарована двузначная,
Как поцелуй Иуды, – слава.

Из «Войны»

*А что такое война?
Смерть и бессилие разом.
1920*

Купил я время ложною ценою:
Исходом, бегством и годами зла.

А нужно было рухнуть среди боя
На той земле, где молодость цвела.
Вцепиться нужно было бы когтями
Проклятых рук в родной, кровавый грунт,
И стать зерном – хотя бы в волчьей яме,
Чтоб из него взошли и гнев, и бунт.

Евген Маланюк

Нина Матяш

(1943 – 2008)

с белорусского

225

с белорусского

* * *

Мой суженый!
Забудется вина.
Не мучайся – нет за тобой вины.
Лишь солнцем наша жизнь освещена:
Все камешки на дне её видны.

* * *

Озёра, что ночи, полные
Покоят тишину мою.
Всё, что люблю, и всё, что помню я,
На сердце свято сохраню.

Уже бывшее тоньше волоса.
За всё заплачено сполна.
Молчат дубы Якуба Коласа.
Какая даль для них видна
За этим озером, за лозами?..

Подснежниковая пора!
Не дай остаться безголосою
У сокровенного костра!..

Счастью

Туда, где юность отзвучала,
Не в силах дверь я отворить. –
Ты слишком много лет молчало,
Чтоб мне про чудо говорить.

Твои подарки – неизменно –
Проходят тенью по судьбе.
Настолько ложь твоя заметна,
Чтоб я поверила тебе.

* * *

Новый смысл ни слева и ни справа
Жизнь моя едва ль найти сумеет.
Так зачем же воскресают травы
Там, где поле не зазеленеет?

Слеповато щурясь, смотрит вечер,
Как проходит наше счастье-мука,
Где одна – уже навеки – встреча
И одна – уже навек – разлука.

* * *

Снег упал на листья золотые...
Лишь вчера, как солнце, падал лист,
А сегодня под метельный свист
Снег упал на листья золотые.

И болит загубленно душа,
Словно не берёзка, а сама я –
Молча, беззащитно отгораю,
И болит загубленно душа.

* * *

И нас стережёт судьба,
Разлитая в вешней сини.
Надеюсь лишь на себя
Отныне.

Тебе же моих путей
Неведомы вехи.
Чужие мы в снах друзей
Навеки.

Не спрашивай: зачем молчу.
Я не хочу
Хотя б на миг
Возможность упустить – быть рядом,
Услышать –
Что же там за взглядом,
За небесами глаз твоих.

Заговорю – и не уловит
Слух то,
Что время нам готовит.

Диалог

Душа моя, дай отдохнуть и мне:
Довольно песен, сложенных с тоскою!
Хочу я в безмятежной стороне
Утешиться мелодией другою.

И виноватый слышится отказ:
– Ты ждёшь мгновений счастья торопливых,
Но не минуют боль и слёзы нас,
Пока на свете столько несчастливых.

Любовь

Лишь только в час, наполненный тобою,
Бываю я воистину живою.

Одно тогда напевно знаю я:
Не зря мне жизнь дарована моя.

И пусть порой судьба ко мне сурова:
Ты в ней – зерно.
Что сверх того – полова.

Таиса Мельченко

(родилась в 1947 году)

с белорусского

* * *

Платье лета выцвело от солнца.
Август все снопы обмолотил,
И уже сентябрь на веретёнце
Нити паутинок накрутил.

Бабье лето словно бы смеётся,
Проходя увядшею стернёй,
И теплом последним разольётся
Над моей родною стороной.

Всюду блики золота и меди,
Всюду крик прощальный птичьих стай...
Осень, не спеши, ещё помедли,
И печаль мне в косы не вплетай.

Детство вечности

Проснусь и вспомню: я в отцовской хате,
И сон мой оборвётся, точно нить.
Тихонько ходит мама у полатей,
Чтоб – не дай Бог – меня не разбудить.

Она такая ж, как и все в округе,
Её душа – созвездие добра.
Мозолями её покрыты руки,
Она в заботах с раннего утра.

Мне так легко под этим близким взглядом,
Как будто вспять былое потекло...
Побудь ещё со мной, родная, рядом.
Хочу вернуть тебе твоё тепло.

Здесь моё сердце – ласточка в бездонных
Просторах поднебесной высоты.
Укрою счастье я в твоих ладонях.
Как много в них любви и доброты!..

Мы на родной порог опять вернёмся.
 Дороги наши все сюда ведут.
 И мы детьми седыми остаёмся,
 Покуда наши матери живут.

Ностальгия

Вновь ностальгия о себе напомнит:
 Хочу к родным хотя бы на денёк.
 Меня природа радостью наполнит,
 Увижу, как в берёзах бродит сок.

Привечу лес, весёлый и кудрявый,
 Пойму его затерянную суть.
 На шёлковую зелень разнотравья
 Прилягу, чтоб немного отдохнуть.

Земли услышу тёплое дыханье
 Счастливая, что снова рядом с ней,
 И повторю опять, как заклинанье,
 Безмолвный шёпот листьев и корней.

Родное поле просится под ноги.
 Оно моей судьбою пролегло,
 И гонит сердце прочь свои тревоги,
 Когда свиданьем светится село.

Лето счастья

Наше лето прошло и раскатистым эхом
 Отозвалось в сердцах. Наше лето прошло.
 Осень падает в ноги созревшим орехом,
 Каждой птице даря золотое перо.

Что мне те чудеса, если им я не рада?
 Мной утрачен оставленный радостью путь.
 Но упрямится осень, наводит порядок,
 Не даёт снова в прошлое мне заглянуть.

Осень нас отдаляет, в разлучницы метя,
 Ты из лета ко мне не придёшь напрямки.

Всю дорогу она нам засыпала медью,
И хоть рвётся душа – не протянет руки.

Так не будем спешить! Вновь дождёмся мы лета,
Чтобы каждый цветок был нам искренне рад.
Я сквозь все расстоянья любовью согрета.
Переждём мы и этот с тобой листопад.

Таиса Мельченко

Анатолий Мироненко

(родился в 1962 году)

с украинского

231

с украинского

Иконостасы

И горько... Потому что счастья нет.
Никто не вышьет счастья на сорочке.
И застилает болью белый свет.
В душе грохочет, словно гвозди в бочке.

И горько, что на свете счастья нет,
Хоть в вышиванки души обряжаем.
На дне колодца счастья скрыт секрет.
А как достать – мы этого не знаем.

Душа стихи слагает и сквозь тьму
Глядит вперёд – до рокового часа.
Всем не везёт, наверно, потому,
Что вышиванки – не иконостасы.

К слову от сердца

Рассвета прохлада.
Сиянье – как чудо.
И знать мне не надо –
Зачем и откуда.

Свет и вдохновенье –
Две радости Божьи.
Откуда ж презренье,
Что ненависть множит?

К сердцам – из-за края,
К добру – из-за леса...
Но я ощущаю
Под сердцем железо.

Кукушкино пенье
Умолкло незримо,
Но мира движенье
Неостановимо.

Ледяная муть

Суть с бытиём различны, как всегда,
Мы будто бы согласья не давали.
Все праздники уже мы отгуляли,
А в памяти – и счастье, и беда.

Жизнь замыкает нас в круговорот
Огня, пока колёса не разбиты.
У каждого живущего – свой род,
Есть ось своя и есть своя орбита.

Как оценить прошедшие года?
На это мы согласья не давали.
Все праздники уже мы отгуляли,
А в памяти – и счастье, и беда.

Сорвался с небосвода

Сорвался журавль с небосвода.
Упал. И лежит. И молчит.
Вставай, пред тобою – свобода.
А он то ль не слышит, то ль спит.

Сошлись вихревые потоки.
Устал он от них и упал.
И что ему наши упрёки
За то, что лишь миг он летал.

Никто – ни журавль и ни сокол
Не могут лететь и лететь,
А небо, что светит высоко,
Едва ли кому одолеть.

Почувствовать

Чужая боль подспудно ждёт ответа,
А будущая вечность – наш причал.
К чему-то придираться – важно ль это? –
Душевный мусор – горькая печаль.

Кто солнца колесо по небу катит,
А после чёрный кочет звёзды пьёт,
Клюёт, клюёт – покуда ночь не канет,
И коромыслом радуга встаёт.

Лишь человек – неистово, упрямо
Над лестницей корпит весь срок земной,
Мечтая к звёздам выбраться из ямы,
Ну а мечты несбыточны порой.

* * *

А украинка пела о войне...
О, Боже, сколько ж в голосе печали,
То ль обратилась взглядом к старине,
То ль родники в туманах измельчали.

А украинка пела про любовь...
О, Боже, никогда любить не поздно...
Но словно кто-то камень в душу вновь
Ей бросил так безжалостно и подло.

А украинка пела про своё...
О, Боже, сколько ливней в это лето!
И будущее как небытие,
Но как-то ж надо дальше жить на свете.

А украинка пела в тишине...
О, Боже, сколько ж в этом пенье дрожи,
Оно стихами вызрело во мне,
Но многое ещё понять я должен.

Точка

Вот на этом и ставлю точку.
Прячу в схроне свои доспехи,
Чуб под шлемом, я шурюсь, точно
Пыль веков застилает веки.

Воевать-то судьбе доколе?
Отдохнуть хоть немного просит,
Но – глядите-ка – варвар в поле
Саблю, что я припрятал, носит.

На моей лошадёнке скачет,
В роднике моём воду травит...
Вот оно как выходит, значит?
Вот как может судьба подставить...

Пепел

Задыхаюсь то и дело.
Паутину сплёл паук.
Не иначе – в кучу пепла
Счастье выпало из рук.

Нет на лёгкие надежды.
Жабры тоже не спасут.
То ль безбожные невежды
Мы, то ль спорна Божья суть.

Рядом с планами – руины,
Рядом с верою – беда.
Одиночка-Украина
Мельтешит туда-сюда.

Ветер спит. Мелеет море.
А в Европу путь лежит.
Говорит наш Бог, что вскоре
Хорошо мы будем жить.

Иглы стрел

*Земля кричит. Сочатся кровью войны,
И падают занозы от ярма,
И лишь часы считают дни спокойно,
Растраченные нами задарма.*
Василь Симоненко

Растраченные нами задарма,
Считаем дни безумной этой сечи,
И падают занозы от ярма,
Как иглы стрел, что нам летят навстречу.
Наступит миг – часы омоет кровь...

Настанет мирный день – уже навеки...
 Уже вот-вот и приоткроет веки
 Угасший дух, чтоб возродиться вновь!
 Мы можем много вспомнить – Бога ради! –
 Но, чтоб не повториться никогда,
 Чудовищную ложь должна от правды
 Отсеять украинская беда.

Слушай или убей

Как больно... И уже разверзлась бездна.
 Распаханы границы – посмотри.
 Погибло сколько тысяч? Неизвестно.
 О чём поют сегодня кобзари?
 Я плакать не умею, ненавижу.
 Как душно, власть, под тяжестью твоей!
 Я помню всё и говорю – что вижу.
 Так слушай! А не нравится – убей!
 Мне не простит молчания Всевышний.
 Вам по душе Европа? – вот она!
 Война людей глотает, словно вишни.
 Зачем она? И с кем идёт война?

А смерть...

На фоне солнца – чёрный рай.
 Молчанье – воля иль неволя?
 Кобзарь молчит, и это – край,
 Уже молчанью учат в школе.

Молчанье – это ль не азарт? –
 Немой костёр разъял объяття –
 Ни отголосков, ни Стожар...
 Душа и сердце гибнут, братья.

Добро поставлено на кон,
 Гнев на него глядит с укором.
 Час пробил, пройден Рубикон,
 А смерть блуждает за забором.

Нгуен Динь Тиен

с вьетнамского

Константиново

(Вспоминая Сергея Есенина)

С тех пор, как ты ушёл, промчалось столько лет,
Ты не вернулся в сад знакомый, что порою
Тоскует о тебе. Там клёна больше нет,
Лишь золото берёз шумит над головою.

Здесь птицы гнёзда вьют в укрытии стропил,
Из года в год сюда спешат вернуться снова.
Здесь у речных мостков ты отроком бродил.
Великое твоё тут остаётся слово.

Табун идёт домой, но кони не спешат,
Ещё разок взглянуть на дальний луг пытаюсь.
И женщина глядит печально на закат.
И вечер настаёт, и вместе с ним усталость.

И поздней ночью я гляжу на сеновал,
Где спал когда-то ты, и кров заветный вижу,
Что твой лелеял сон и в дали уплывал,
Когда, обняв луну, ты ночь впускал под крышу,

Чтоб поутру, когда прервётся краткий сон,
Услышать, как ячмень шумит неподалёку,
Как девушка поёт, лугам отдав поклон,
Вплетая в свой венок ромашек поволоку.

Прошу: позволь и мне любить твоё село,
Что подарило жизнь великому поэту,
Откуда эхо лет минувших не ушло,
Где светом долгих звёзд ночная тьма согрета.

Да разве может быть, чтоб жизни пыл угас,
Чтоб честь и чистота навек забылись нами,
Когда мальчишки вновь резвятся в ранний час,
Цветения земли не чуя под ногами,

Когда так высоко, что взглядом не достать,
Клин журавлей летит в последний час заката,
А на речных мостках твоя стирает мать
Рубашку, что носил младенцем ты когда-то.

Я слышу шелест крыл, что движутся, искрясь,
И вижу глубину безбрежной, лёгкой сини –
Мир точно вновь рождён. И хочется сейчас
Часть жизни и души мне посвятить России.

...Как хорошо, что здесь остаться я могу,
На сене, что ещё твоими пахнет снами,
Где некогда хотел ты, лёжа на боку,
Соломинку сдавить небесными губами.

Дождь в Орле

Те лебеди, что плыли по воде,
Теперь с тоской укрылись под ветлюю.
Льёт вечером сегодня дождь в Орле:
В лесу – зелёный, белый – над водою.

Не так звучат по улочкам шаги,
Как под густой бамбуковой сенью.
На лужах разбегаются круги
От листьев, что смывает дождь осенний.

И стали ярче золотом сиять
Кресты церквей, омытые водою.
И чудится, что время мчится вспять,
Что Русь былая встала предо мною.

Я вижу древних русичей глаза,
И пыль полей, что их покрыла лица,
И пахнет конским потом борозда,
Застыв под сводом благостного ливня.

Страданьем дождь поил, не отпускал
Тургенева, привыкшего к чужбине,
И слёзы Лики Бунин отыскал
Среди дождя, что плачет и поныне.

Нетленна память, что, себя храня,
Живёт, дождём над пажитями рея.
Пусть этот дождь придёт в мои края,
Прошелестев над матерью моею.

Он русскою печалью напоён,
Впитав любовь и канувшие годы.
Смотрю с моста, связуя нить времён,
Как подо мной плывут речные воды.

Конец осени

(Вспоминая Левитана)

Жёлтый лист на деревьях пылает, как будто
Силу красок вечерней заре отдаёт.

Скоро поздняя осень совсем отойдёт,
Ветра нет. Поднебесье безмолвствует мудро.

Кто-то спит, кто-то бодрствует ночь напролёт,
Чтобы в память вобрать это раннее утро.

Древняя Россия

То была Россия сказок. Что сравниться может с ней?
В поднебесье уходила степь, не знающая края,
И легенды стлались следом за копытами коней.
Звёзды падали на землю. И земля была святая.

И царило милосердьё. И парили облака
Над крестьянской бороздою, как спасительные крылья.
И народ, слагая песни, проносил их сквозь века,
И голодный год сменялся новым годом изобилья.

Белокаменные церкви зорко вглядывались в даль,
И текло неспешно время под золотыми куполами.
Сколько ж крови здесь пролилось... Потому-то и печаль
Тень бросает на победы – те, что добыты мечами.

Шла история неровно: разрушали, били, жги.
Власть веками попирала всё и вся вокруг по праву
Вероломства, но рождало время гениев, чтоб шли
В мир они, неся народу ими найденную правду.

Я иду Россией новой, беспокойной, как всегда.
Ныне взгляд её на запад обращён в слепом запале.
И мне жаль детей, рождённых в эти смутные года, –
Тех, что прежнюю Россию безвозвратно потеряли.

С Гоголем

Небеса с землёй сошлись вместе в чистом поле.
Скачет тройка – ни огня рядом, ни подворья.
И куда ж ты мчишься, Русь?.. Близко ль, далеко ли?
Старый твой ямщик совсем отпустил поводья.

Тучи времени плывут низко над Россией.
Крест Спасителя молчит пред лицом народа.
Люди молятся, но всё ж их слова бессильны.
Помертвевшая Нева мельче год от года.

Судьбы множества людей канули в болоте –
Точно с пылью вековой, распрощались с ними...
Поклоняются ещё древней позолоте,
Навевая тихий сон песнями былыми.

Но ещё остались те, кто откроет снова
Книгу, как источник сил, скованных печалью.
В тишине её страниц затрепещет слово,
Раздаваясь, как набат над российской далью.

Души мёртвые во тьме непроглядной ночи
Оживут и поплывут по страницам белым.
Жернова былых времён правды не источат,
И народу суждено стать единым целым.

Мчится тройка по степи, сотрясая вечер.
Гривы конские парят, и стучат копыта.
Впереди простор путей открывает ветер.
О, Россия! Даль твоя пред тобой открыта.

Владимир Некляев

(родился в 1946 году)

с белорусского

241

с белорусского

Строка

Отыскивать движенье строчки снова –
Как шить туман, как облако свивать...

И всё ж начать, и с болью понимать:
На облаке написанное слово
Едва ли кто сумеет прочитать.

Дым

Как дым –
земное на земле:
Для всех, кто канули во мгле
И будут жить потом.

Водюю станет и песком
Боль наша, высохнув осотом,
Тоска развеется, как прах,
Стираясь в звёздных жерновах.

И то же будет год за годом,
Переходя к векам иным:
Тоска и боль с кровавым потом –
как дым.

Огонь

Обжигая былое былым,
Став тенями,
виденьями,
снами,
Мы себе вспоминаемся сами,
Как огню вспоминается дым.

Камень

Суметь войти бы в камень, чтобы в нём
Костёр зажечь, склонившись над огнём,
И после, к дыму прислонясь спиной,
Зажить там, как за каменной стеной.

Настежь

Впрочем, житьё как житьё.
Стоило всё же родиться.
Пахнет соломой жнивьё.
Тихо криница струится.

Лодки теряется след,
Ветер гладь озера морщит, –
Кто не родился на свет,
Это увидеть не сможет.

Радуйся! День открывает
Двери – тебе одному.
Впрочем, и смерть не пугает.
Только вот – почему...

Бритва

Подавленность жизнью, смятение, растерянность, страх
Смертельный и в дружеских,
и во враждебных глазах.

У зеркала бреюсь. Боюсь. Замирая, стою.
Смятение вижу,
подавленность вижу свою.

А время шалает.
Над битвой проносится битва.
В руке тяжелеет
Отцовская острая бритва.

Терзаюсь от боли. Не трещина в жизни – разлом.
Кровь рвётся на волю...
И бритва на горле – ребром.

Позабудь обо всех – и всех помни.
На край света иди.
Только ты, проходящий по полю,
Засеваешь следы.

Ведай всё обо всём – и не ведай.
Уходя наугад,
Только ты, проходящий бесследно,
Не вернёшься назад.

Посреди суеты и неверья,
Меж разора всего,
Ты один усмехаешься зверю
За него самого.

Воля

Нашёл я всё же волю на земле.
Я дружбу знал.
Любовь жила во мне.
Но одиночество всё более и боле.
И это всё, пожалуй, что я взял от воли.

Лебедь

В домах, что сплошь повиты проводами,
Когда и сумрак вечера слепит,
Одна тоска другую ждёт часами
И проволочным голосом хрипит.

Она кричит, как лебедь из металла!..
«Давай, – звоню товарищу устало, –
Увидимся...»
Ответит он: «Звони», –
Тоской свои изматывая дни.

И пусто, точно вихрь летит трубою...
Себя я от напасти огражу
И сам себя спрошу: «Да что с тобою?»
Пожму плечами.
Трубку положу.

Брошу всё, что до сих пор не бросил,
И склонюсь уставшей головой
Под калиной с алою листвою,
На дурманящие росы.
В поднебесье – в вольное безбрежье –
Сквозь пожар калиновый взгляну
И под ним усну
С грёзою о том, о чём не грезил.

Падающая звезда

По самой кромке света
Скользнёт и пропадёт,
Безмолвно и бесследно
Прорезав небосвод.

А свет гудит и ждёт
То ль праздника, то ль чуда.
Скользнёт и пропадёт.
Куда? Зачем? Откуда?

Сквозь ночь и сквозь себя –
Тропинка в вольном поле.
Оно и есть – судьба.
...А что бывает боле?..

Змеи

Жизнь как жизнь: с двух сторон – пустота.
Век от века – мостком до моста,
И читается книга с листа,
Не добрей наша жизнь и не злее...

Счастье, точно малина с куста.
А в малиннике водятся змеи.

Твои очи, как окна больницы.
 Сколько боли за ними, мой Бог!
 Нас от воли никто не стерёт –
 На распутьях всех наших дорог,
 Обжигая, пылают зарницы.

Гром по следу уходит во тьму,
 И немотствует, словно в дыму,
 Этот мир, где ослепла надежда.
 Даже голос я твой не пойму!
 О, темница любви!..
 Каждый день я
 Покидал тебя, точно тюрьму.

И с осторожным клеймом на челе
 Я искал своё счастье в гульбе,
 И в объятиях цепких истомы –
 Я, чужой, сам себе не знакомый,
 Что ни ночь возвращался к тебе,
 Как вливается магма в разломы.

Но найти не сумел... Видит Бог –
 Это всё, что осилить я смог.
 Как больница, глядишь ты ночами.
 На распутьях всех наших дорог
 Блески молний молотят цепами
 Розы терпкие – те, что снопами
 У твоих были брошены ног.

* * *

Заплакать мне по той весне?..
 Уставшая от бега,
 Там скачет – что ни ночь – во сне
 Огнём по золотой сосне
 Пылающая белка.

Один одну зову весну –
 Ни голоса... ни эха...
 Проснусь, чтоб плакать, вновь усну
 И вижу белку и сосну
 Всю в золотых орехах.

* * *

Снова я помню про то, что тобою забылось,
Что создавалось из пыли, а встало стеной.
Как истомилась ты, милая, как истомилась
Рядом со мной!

Птица, которая в окна озябшие билась,
Тоже устала, собой согревая стекло.
Сколько всего было, милая!..
Перелюбилось –
Мимо прошло.

Даже травинка, что мне ненароком приснилась,
Тоже устала вплетённую быть в хоровод,
Где всё смешалось, связалось, перекрутилось –
Бог разорвёт.

* * *

В горечи дней и ночей
Рядышком, около –
Близкая спит на плече –
Снится далёкая.
Сон свой ещё и ещё
Из забытья извлеку...
Как ему горячо –
Возле огня мотыльку.

* * *

Есть в наших снах ещё кому присниться.
Перед твоим портретом на столе
Горячий кофе нехотя дымится
И тлеет сигарета в полумгле.

Сто снов ещё осталось до разлуки,
Но не вернуть того, что не сбылось,
Короткий жест, бокал, чужие руки,
Движение, касание волос.

Идол

«На, – он сказал. – Поверь – и не умрёшь.
Меня и род мой ты переживёшь».

Поверил я рассудку вопреки
И яд, как зверь, слизал с его руки.

«Не бойся, – он шептал, – не бойся, не...»
Дал умереть – и дал воскреснуть мне.

Не раз потом спросил он: почему
Поверил не себе я, а ему?

И день и ночь, сужая тесный круг,
Терзал меня: а что, когда бы вдруг...

«Нет! – я кричал. – Ты Богом был моим!»
И всё страшней мне было рядом с ним.

И ужас встал меж нами, как стена.
Тогда он вновь сказал однажды: «На...»

* * *

Каждый как-то наречён:
Не упрячешь слов под крышку.
Не добывшие имён
Отзываются на кличку.

Рот кормили – род свели.
Жизнь в работе да в заботе.
Не добывшие земли
Прозябают на болоте.

Но неназванных
на нас нет.
Мы – как птицы над Отчизной.
Лишь один есть выбор в жизни –
Или морок, или свет.

Но всё тот же бунт в крови,
И стоишь, как перед ямой.
Назовись. И назови.
Безымянным. Безымянной.

* * *

Мольбы.
Законы.
Клятвы и печали.
И Слово было сказано вначале,
Чтоб смог продлиться выморочный род.
Читаются всегда наоборот
Небесные заветные скрижали
На стылой глади равнодушных вод.

с белорусского

Проклятья.
Ссоры.
Вероломство.
Битвы.
Пусть Страшный суд, пускай – по горлу бритва –
Быстрее поймёшь,
что будет на Суде...

Господь идёт по водной высоте,
А все законы, клятвы и молитвы
На быстротечной пишутся воде.

Напротив

I

У той и у этой горы
И цапли живут, и бобры.
Озёра шумят и боры
У той и у этой горы.

У той и у этой горы
Народы и поводыри.
Шатры крепостные остры
У той и у этой горы.

Стучится в ворота герой
Под той и под этой горой.
И зыркает страх до поры
У той и у этой горы.

II

На той и на этой горе
Звонят звонари на заре.
Не спят на заре звонари
У той и у этой горы.

У той и у этой горы
Данайцы приносят дары,
И пушки молчат до поры
У той и у этой горы.

И не заслониться горой –
Как крикнет звонарь звонарю!
Как свергнет героя герой!
Как рухнет гора на гору!

* * *

Внимают дурню. Верят супостату.
Считают жертвы и возводят храм.
Не доверяют мне. Соседу. Брату.

За все те сны, какие снятся нам.
За сказки, становящиеся явью –
Той, что страшней, чем сказки и чем сны.

Сосед и брат не ведают вины.
Как будто и не мы, и не они –
Народ, что промолчал свою державу.

* * *

Над промёрзшей могилой Малюты
Окровавлены гроздья калин.
Колеей своей движутся люди
По дорогам жестоких годин.

Это значит: дороги не будет,
Кроме этой – назад и вперёд,
Это речек вздымаются груди
И ломают заснеженный лёд.

Это лютого стона и хрипа
От уставшей не слышно земли,
Это митрополита Филиппа
Щёки стали темнее золы.

Это плачу и каюсь – под песни,
Под молитвы, под стоны и смех...
Это кровь вековую неспешно
Засыпает истерзанный снег.

* * *

Точит истлевшее моль –
Копит труху про запас.
Перетерпеть – эту боль.
Перемолчать – этот час.

Пальцы рванёшь из узлов –
Локти не дать бы связать.
Скоро ли выпадет вновь
Голосу голосом стать.

Ну а не выпадет – что ж:
Сменою знаков и вех
Пусть себе капает дождь,
Пусть себе падает снег.

* * *

В сферичных зеркалах на небосводе
Обвалы звёзд и ровный свет снегов.
Текут луной расцвеченные воды,
На волю выходя из берегов.

И свет скользит, пронзая расстоянья,
Есть даже в пустоте его следы,

Что молниями ширятся среди
Саморожденья и самосгоранья.

Из века в век извечное плетётся:
То обвивает нитью веретёнце,
То рвётся, изогнувшись, как дуга,

Как эта высь, холодная, немая,
Как эти воды, что, границ не зная,
Вширь растекаясь, ищут берега.

* * *

Кто о чём тоскует, коль в судьбе
К жатве нива жизни подошла.
Я печалюсь о самом себе,
Взвешивая прежние дела.

Обо всём, чем я не дорожил
И косил, как вдоль дорог траву,
Я тоскую, точно и не жил,
Только видел сон, что я живу.

Вновь меня он не заморозит,
Незабудкой он уснёт со мной,
Но спокойно мне, когда шумит
Неусыпный ветер за спиной.

Мне печаль докашивать, сушить,
Спелую кручину собирать.
Боже мой, какая мука – жить
И до самой смерти умирать.

* * *

Покинув застолье некстати,
Я вышел, почуяв спиной,
Что как-то вольготней за мной
И весело сделалось в хате.

И тьма обозначилась резче,
Свет лился в окошко, лучась,
Оттуда, где только сейчас
Я смех свой оставил и речи.

И долго на близких, знакомых
С которыми вместе сидел,
Глядел я, глядел и глядел
Сквозь изморозь стёкол оконных.

И плакал, дрожа от огня.
На празднике жизнь сатанела:
Пила, целовалась и ела.
И только хозяйка меня

Одна разглядела среди ночи,
Заметила тень на окне
И взгляд устремила ко мне,
Так очи устawiла в очи,

Как будто она распознала
То ль выродка, то ль ведьмака –
И в страхе застыла рука,
Какой на меня показала.

* * *

Вышел летом.
Вернулся зимой.
«Где ты был?»
Он молчал, как с портрета.
«Где ты был?»
Прошептал:
– Боже мой,
Не давайте мне плакать про это.

Привели на могилы: «Тут брат.
Тут сестра. Иль за это не платят?
Где ты был?!»
А он вновь невпопад:
– Не давайте про это мне плакать.

«Хоть притворные слезы сотри,
Хоть одну
 о сестре иль о брате,
А потом – хоть живи, хоть умри,
Где ты был?!»
А он вновь:
– Не давайте...

Отреклись от него. Он продал
Что имел на подворье и в хате,
И пропил, и ушёл, и пропал,
И никто не жалел об утрате.

Летом плакал туман о сестре,
А зимой завируха о брате,
Захлебнулись ветра на заре:
«Не дава... не дава... не давайте».

* * *

Не с теми пошёл и дорогой не той.
Напрасно дорога просила:
«Останься.
Одумайся.
Выжди.
Постой».
Вела непонятная сила.

Дороге сказал: «Ты – не ты. Замолчи».
Ни чёрту не верил, ни Богу –
Шагал и шагал он
и днём, и в ночи,
Пока не осилил дорогу.

И дальше пошёл – целиной, не туда,
Где стёжку уже протоптали.
А те, кто оставил его,
кто куда
Рассеялись и заплутали.

Глядели они – кто в дупле, кто в норе,
 Обросшие мхом и корою –
 Вот он под горою,
 вот он на горе,
 вот он и пропал за горою.

Игра

Утром небо потемнело, а днём
 На дорогу пало чёрным огнём.

Наклонился я и поднял огонь,
 И с ладони вновь поймал на ладонь.

И на правой кожу сжечь он успел,
 И на левой, как клеймо, заалел.

И спросила у ладони ладонь:
 – Для чего же мы кидаем огонь?

И ответила сестрице сестра:
 – Да забава есть такая. Игра.

* * *

Ветер взывает из мрака,
 Точно доносится стон.
 Ночь набирается страха.
 Тени врываются в сон.

Что ж так душе одиноко,
 Тяжко – хоть криком кричи...
 Днем она – чёртово око.
 Божее ухо – в ночи.

Мотылёк

Ему сдавил я горло, точно пёс,
 Другой рукою нож над ним занёс.

Как он боялся, глядя в небеса,
И гасли предо мной его глаза.

Он был ничто, познав смертельный страх, –
Мой враг, мой ненавистник... Но из трав,

Из детства, над лужайкой у реки
Прозрачные взлетели мотыльки.

И мотылёк на лбу его застыл.
Я бросил нож и горло отпустил.

Один

Чужой чужим – они ждут своего,
Не свой своим – они пошли с чужими,
Не путайся ни с теми, ни с другими,
Когда один – ты больше одного.

Друг другу высь и глубина сродни.
Скиталец по придуманному краю,
Когда один – ты не растратишь дни
На то, чтоб узнавать законы стаи.

Когда один – безмолвной ночью ты
След различишь промчавшей кометы
И разгадаешь тайну пустоты –
Той, из которой сотканы планеты.

Когда один – ты сможешь Божью нить
Поймать в ушко иголки и, быть может,
Пустое станешь ткать, пустое шить,
Когда один.
И Бог тебе поможет.

* * *

По жилам пробегает холодок,
И оплывает синь небес остывших.
Завершено. Последний сказан слог.
Плачу долги и плачу на могилах.

Уже не убедит рассветный луч
Меня в своих надеждах легкокрылых.
Завершено. Бог смотрит из-за туч.
Плачу долги и плачу на могилах.

Объять, как реку, устье и исток
Своей судьбы я более не в силах.
Завершено. Я сел на бережок.
Плачу долги и плачу на могилах.

Как эхо, голос прошлого далёк,
И память посреди небес остывших
То вскинет крылья, точно мотылёк,
То извернётся, как змея на вилах.

Спасательная станция

1

Уносит тучи ветер западный.
Боры над Неманом молчат.
На тихой станции спасательной
Матросы спят.

Матросы спят могуче, весело,
Пол-литра выпив на троих,
Матросы спят, как ходят с песнями
Среди своих.

Матросы спят. Им сны не снятся.
Не переплыть по речке снам.
Кому приспичило спастись –
Спасайся сам.

2

Историй острых и солёных
Припомню в жизни я немало.
Порой хватался за соломинку –
Держала.

...Судьба идет по плёсу с ломиком.
Матросы спят – а как иначе...
И крутится в волнах соломинка
Моей удачи.

3

Как крепко наши руки сцеплены!
Почти замки.
В воде чешуйки наши зелены
И плавники.

От всех и от всего свободные,
Игриво, косо
Уходим, сну реки подобные,
Мы в сны матросов.
Швырнут нас волны по касательной,
Как рыб, на берег...
На тихой станции спасательной
Не скрипнут двери.

* * *

М. Сидоровичу

На перепутьях дней,
Что гаснут, точно звуки,
Люблю встречать друзей
И пожимать им руки.

Я счастлив тем, что в час
Дум светлых и тревожных,
Их находил не раз –
И верных, и надёжных.

За это жизнью всей
Не расплачусь с судьбою.
Тоскую без друзей
Бессильною слезою.

Целебна боль порою,
Как корешки травы...
Коснись меня стрелою,
Слетевшей с тетивы.

То вправо путь, то влево.
Судьба глядит в глаза.
Коснись меня, как неба
Касается гроза.

Считаю за удачу,
Что ночью болевой
Сгорел я – и горячий
Хотя бы пепел мой.

Усилие

Взлететь из тьмы туда, где высь светла,
Как мотыльку, на пламя, как водице
Протиснуться из недр и стать криницей,
Что неманским истокам кровь дала,

Пробиться, словно корни, сквозь камень,
Как травы, сквозь упавшую листву, –
От неизвестности
До разуменья
И выдохнуть счастливое:
«Живу!»

Чужая станция

Эта станция чужая,
Этот город мне чужой.
Кто ж кричит мне, окликая:
«Милый... Милый, будь со мной!
Помоги мне...» И крылато
Над притихшею землёй
Голос плыл – родной когда-то,

Но теперь забытый мной.
«Милый...» Памяти провалы.
«Милый...» Встреченные зря
То случайные вокзалы,
То случайные друзья.
Так откуда ж он – далёкий,
Близкий, но забытый мной,
Над судьбою одинокой –
Голос станции чужой?
«Милый мой...»
Вот-вот сорвётся,
Смолкнет отзвуком в ушах,
И ему не отзовется
Ни единая душа!
Ни единая из сотен
Человечьих, близких душ!..
Обескровлен и бесплотен
Замер голос... Так разрушь
Быт привычный и печальный –
Как стихия, как война,
Голос станции случайной,
Где кричит моя вина.

Роца

1

Шумит листва, как жизнь, –
Сентябрьская, сухая,
День прошлый окликаю.
Дождись меня. Дождись.

Живые мы с тобой.
Уходят прочь недели.
А следом за листвой
Закружатся метели.

Весною зацветёшь,
Шурша над головами.
Девчонку позовёшь
Заветными словами.

Не стерпит, прибежит
Травинкой в лёгком платье...
Ах, жить да не тужить,
Не разжимать объятъя!

Не ослаблять узлы,
Что пальцы завязали!..
Тяжелые возы
На ток прогрохотали.

2

За рошей вновь начнётся лес.
Не вспомню – что же там, до роши.
Смотреть вперёд как будто проще,
Хотя какой в том интерес...
Пусть... Мне не жаль ушедших дней.
Бывает и пора такая,
Когда проходит жизнь, стекая
Водой с напоенных полей.

Как знать – куда она течёт,
Гадать – куда бежит дорога!..
Никто на свете не уйдёт
От самого себя и Бога.

И это время, что летит,
Делить с собой мне остаётся...
Жить, как счастливое смеётся,
Жить, как болящее болит.

Голубиная почта

Покой голубиных полётов.
Прозрачность застывшей воды.
Распахнуты в осень ворота.
Засыпаны в лето следы.

Стернёю, по колкому житу
Босая бежит детвора...
И всё же: кто знает – скажите,
Какая на свете пора?

Куда так привычно и просто
Над скошенным полем пустым
Годов голубиная почта
Несёт разметавшийся дым?..

* * *

Безмолвье.
Тихо с вышины
Спустились тучи снеговые.
Что мы с тобой?.. Как ни взгляни –
Две линии береговые.

Обрывы над рекой в снегах,
И мнится: берега едины.
К чему ж – без видимой причины –
Раскола трещинка в глазах?

Так что ж, ноябрь, греми трубой!
Не дай на свет взглянуть тверёзо.
Чуть смолкнет – и видней угроза
Желанной общности людской.

Узнал я, путь усеяв свой
Тщетой надежд, блуждая чашей:
Добро – обнять рукой слепой,
А зло – карать рукою зрячей.

Лелею на плечах в ночи
Твои ладони дорогие,
Чтоб хоть на миг (молчи... молчи...)
Раскола трещинка (молчи...)
Упала мостиком (молчи...)
На линии береговые.

* * *

Не всё напрасно, что напрасно...
Не всё то бред, что в ум взбредёт.
По тверди
и по глади вод
Незримо, тайно,

Кто – неясно –
Бог весть куда меня ведёт.

Моя дорога до острога,
В клубок скрутившись, пролегла,
И каждый шаг в него вплела...

Мой поводырь – слуга ли Бога
Он
или дьявола слуга?

* * *

Чья путь-дорога?.. Да ничья.
А кто на ней?.. Пуста дорога.
И ощутил я ласку Бога,
Как будто в жаркий полдень я
Дошёл до ручейка лесного.

И, видя на дороге тень,
На ней стоящую без тени,
Я не подумал о подмене,
И в той тени проспал весь день,
Клубком свернувшись в Божьей жмене.

* * *

А чем заполнена душа?
Кто знает, если ни шиша
С души не взять, а только с тела.

Вон тело за сохой идёт,
И что от тела отлетело –
Никто не скажет, коль умрёт.

Банально?
А ты как хотела?

* * *

Как ни гони коней, спеша усердно
Жить до забвенья, гордый человек,
Для жизни слишком короток твой век —
Остаток будешь доживать посмертно.

* * *

Подошёл я к озеру и лёг
На волну, на воду голову,
Чтоб уснуть, и свил во сне мне Бог
То, что и во мне, и подо мною,
То, что и во мне, и надо мной,
Там, где облака плывут водою,
И на них склонился головой
Тот, кто мною был и станет мною,
Тот, кто небеса связал с землёй
Пряденою нитью золотою.

* * *

Переступив через порог
И осознав, что за порогом
Нет ничего, я уберёг
Всё то, о чём с печальным Богом
Делился я в тоске, а Бог
За это всё
Меня сберёт.

* * *

И есть друзья — и нет... Такая правда.
В себе мы замыкаемся самих.
Ты даже тех вернуть хотел на миг,
Кого вернуть едва ль имеешь право.

Как листья увядающей дубравы,
Развеивает память лица их,
Былых любимых и друзей былых,
С кем ты делил весенние забавы,
С кем грустным был и с кем весёлым был...

Теперь уже не вспомнишь: как любил,
Кого любил? – они невольно мимо,
Через судьбу твою, как пилигримы,
Прошли и не оглянутся назад...

И в том они совсем не виноваты,
Что все мы и предчувствуем утраты,
Но нам никак не избежать утрат.

* * *

Когда собьются снова волки в стаю
И гулко воют, давятся тоской,
С ума сходить я тихо начинаю,
Как будто узнаю, припоминаю
Знакомый голос в этом хоре.
Мой.

Мне жутко.
И я чувствую: зверею
И жду рассвета, чтобы поскорее
Ночь уняла безумие своё...
Я всё забуду, лишь заря зардеет,
Хотя под языком и холодеет
Протяжное звериное вытьё.

Новый снег

Столько снега, даже ветви ломаются.
Белый снег вокруг и белый свет.
Чистота. На чистоте и ловятся.
Следом в след
Ты шагай за мной тропой глубокою,
Здесь чужих следов мы не найдём.
Больше ты не будешь одинокою –
Мы вдвоём
На опушке леса полусонного,
Где позёмка замедляет бег...
Ничего у нас с тобою нового –
Только снег.

* * *

Перелётная птица о провод сломала крыло
Над родительской хатой.
И кричит, словно режет металлом стекло:
«Это ты виноватый!»
И на крик её
Стаю
Вожак возвращает с пути:
Чем бы ей пособить?..

Вёдра в хате пустые...
Так страшно по воду идти,
Словно
Будут
Бомбить.

Попутная

...И ненароком, плотью к плоти
Нас занесло на повороте.
Дороги пыльная шлея
Исчезла в кущах непролазных.
Зеленоглазая моя!
Я не люблю зеленоглазых.
Так ослепила эта сила,
Что сквозняками в нас гудит.
На миг один она сроднила –
Она ж навек разъединит.
Никто не будет виноватым!..
И –
до потери, до расплаты,
до расставанья за версту –
Ты смотришь,
как сестра на брата.
Как сирота на сироту.

...С судьбой
Я дрался на ножах,
Пока меня ты не любила.
Ты мне открыла смерти страх...
Нет,
Жизни страх ты мне открыла.

Любовь
Пришла потоком света
На перепутьях
Наших дней.
Я не прошу любить за это...
Я милости прошу
Твоей.

* * *

Где голову склоню,
Там и найду ночлег.
Снег первый –
На стерню,
А дальше – снег на снег.
На рану
Первой – боль,
А дальше – тенью тьмы –
На шрамы, стынь, юдоль,
На первый след зимы,
Что только начала
По декабрю свой бег.

Ворвалась. Обняла.
С плеч отрясает снег.

Скарышевский парк

На Скарышевский парк за лето не упало
Ни капельки дождя, а всё равно роса
На сжавшейся листве кристально высыпала,
И брезжила её пропадающая краса.

Ты в старом парке том ни разу не бывала –
Ни летом, ни зимой, но только всё равно
Дрожащую росу, гуляя, ты сбивала
Со свадебных цветов, что высохли давно.

Любимая, прощай!.. Ещё не всё пропало,
Пока я помню всё... Пока я плачу так...

Как ни было б мне жаль, но прошлого не стало!..
Промчалось по росе сквозь Скарышевский парк.

Ласточка

1

Отчизна. Почему?..
Вослед ты смотришь тайно –
Как ласточкиному
Полёту, щебетанью...

2

Дорогое и есть дорогое.
И во мне –
там, где сердце тугое
От тоски,
что не
уберегла,
Бьётся ласточкой береговою
Беларусь о свои берега.

Вновь иглою сердце метят!
– Кто убийца?.. Где живёт?..

Никого...
Лишь острый месяц,
Проплывая,
Тучи шьёт.

– Где убийца?.. Что за лихо!..

Все молчат. Не продохнуть.
Так с ума и сходят. Тихо.
Как и нужно. По чуть-чуть.

* * *

Господи, в твоих руках
Не громы и не зарницы:
Бело-красно-белый флаг –
Кровь Христа на плащанице.

Евангелие

Пылает день над Юрьевой горой.
Чист небосвод – весенний и высокий.
С небес слетает ангел синеокий
На яблоню, что набирает соки, –
Пульсируют прожилки под корой.

Мне грезится, как молится, встречая
Дед ангела... и приглашает в дом.
Колышет в доме свечку сквозняком,
Раскрытое лежит под образком
Евангелие, и, псалом читая,
Кружит над книгой пчёлка золотая.

Я помню Тарту... И Наталью Татур
На даче у Самойлова, и тату-
Ировку на плече Татьяны Бек
Фломастером, как крест:

В
XX
Е
К

И у калитки некий человек
Спросил: «А где живёт поэт Самойлов?..»
И август пах смолоченной соломой,
Просыпанной комбайном вдоль межи...

«Ну кто-нибудь, – молил я, – напиши
Об этом: как соломой пахло лето,
Как человек, спросив про дом поэта,
Ответа не дождался и ушёл...»

Ни у кого потом я не нашёл,
Как ни старался, ни строки про это...

* * *

Прогоркло, сжалось, поредело
Всё то, что я найти хотел.
То ль жизнь меня не доглядела,
То ль я её не доглядел.

Ток

И слава, и деньги – водою в песок.
И горы в низины, и устье в исток.
И всё-таки жизнь – как на праздник цветок.
Гудение мышц.
Напряжение.
Ток.

Божий подарок

Большой мешок
по-праздничному ярок –
Пришёл Господь, как Дед Мороз:
«Давай
Читай стихи,
Я дам тебе подарок».
«А что читать?..»
«Не знаю я. Читай,
Что написал...»
Детей у Бога много...
Зачем ко мне пришёл Он? Почему?
За что же мне такой подарок Бога?..
Я не нашёл,
что прочитать
Ему.

* * *

Давно забыли роши про осанну,
Зато мелькает на слуху Гайд-парк.
И что нам наша Анна Ярославна,
Когда мы больше знаем Жанну д'Арк?

Плывём сквозь мрак, не ведая дороги,
Хотя земля обильна – до поры.
И нет пророка... Правда, есть уроки,
Да мы, увы, плохие школяры...

Тревога раннего цветения

Светло отшумела неделя,
Как звук золотой – на лету.
Ещё середина апреля,
А все абрикосы в цвету.

Весне бело-розовый роздых
Не радость, но боли печать,
Как будто дочурка-подросток
Надумала свадьбу гулять.

И тёплая эта погода
Томит, как нечаянный грех:
Любая ошибка природы
Горька и обидна для всех.

А вдруг – всё не так, и, не зная
Ошибок, к исходу пути
Под солнцем последнего мая
Деревья спешат отцвести?..

Прадедовский порог

Стоит уже в избе не дом, а память
С тропинкою, ведущей в тихий сад,
И нет волшебной прялки, чтоб поправить,
Чтоб отмотать нить времени назад.

И чтобы понапрасну не виниться,
И чтоб душа не мучилась моя,
Я собираюсь ехать за границу
И посмотреть заморские края.

Не счесть чудес там, точно рыбы в сети.
Про дом родной не тужит голова.
А хата – та, что нет уже на свете, –
Как мать, прощает всё, пока жива...

Но, если, из-за дали прорываясь,
В чужой земле мой дом стучится в сны,
Я о порог ребёнком спотыкаюсь,
И падаю, лечу – и просыпаюсь
В слезах от боли, счастья и вины.

* * *

Сквозь прах и пепел прочь ушло бывшее.
Не год, не век – тысячелетий былъ
Прошла землёй, рассыпалась золою,
Безмолвьем стала. И осела пыль.

Промчались революции и войны.
Славутич в море смыл их дымный след.
Но, даже высь небесную освоив
И со времён недавних сняв запрет,

Венки пускаем, чтоб судьбу настигли,
Что светит солнцем над простором сёл,
Чтоб огоньки язычества светили,
Чтоб папоротник в рощах не отцвёл.

И щедро всходит поле, зреет колос,
Перебирает ветер шорох струн,
И ночью на Купалу во весь голос
Смеётся над Владимиром Перун.

О, каменные стены, полусводы,
Иконостасы, фресок колорит.
Недремлющая память и сквозь годы
Величие минувшего хранит...

А городу и радостно, и больно.
Сияют купола из синевы.
Средь них двадцатый век небогомольно
Идёт, снимая шапку с головы...

Строится мост

Скоро над рекою мост проляжет –
Непоколебимо, на века.
Улице, спускающейся к пляжу,
Нехотя сдадутся берега.

В полный рост столбы бетона встали
Над теченьем вод, и в свой черёд
Им пролёты из звенящей стали
Кран подъёмный стройно подаёт.

Ветви клонит верба, и в прохладе
Трепетные листья шелестят.
Людам бы и радоваться надо,
А они задумчиво молчат.

Перед ужином

Капусту чистит мама возле печи,
Отец льёт воду в чайник, и, едва
Начавшись, точно лист, октябрьский вечер
Качает их усталые слова.

Густеет сумрак за родным порогом.
Горит телеэкран: идёт кино.
И смиренный месяц золотистым рогом
Стучится в потемневшее окно...

Не надо мне и рая, потому что
Я у тебя, судьба, прошу: пускай
Подольше не кончается капуста,
Не гаснет месяц, не вскипает чай.

* * *

Бывало – далеко за полночь,
Но песня сумрак разорвёт:
«Скакал казак...» – напев заполнит
Округу, и – душа замрёт.

И поплывёт мотив устало
Меж хат уснувших и полей,
Как тот рушник, что вышивала –
На счастье – мать для сыновей.

Запомни этот миг: известно,
Что нам его не повторить.
Спать не имеет права песня,
Пока на свете хочет жить.

Ярославна

По чистой росе придеснянской, где синью
Пропитан высоких небес окоём,
Ходила когда-то княжна Ефросинья,
Которую мы Ярославной зовем.

Жила – не тужила, и многим владела,
Но даже достаток, увы, не спасёт
Её от разлуки – от злого удела,
И снова любимый уходит в поход.

Она с ним пройдёт по дороженьке ранней,
Колючую в сердце скрывая грозу,
И увековечит потомок Бояна
В сказанье – жены безутешной слезу,

Пролитую искренно ею во имя
Всех воинов, вечный обретших покой,
И символом верности станет отныне –
Во веки веков и пребудет такой.

Такой, одолевшей столетий преграды,
Предстанет она, как роса и вода.
Приветствуют все её в Северном граде,
И с Игорем княжить им здесь – навсегда.

* * *

Что толку ограждать себя от света,
От дождика с разбуженных небес,
Скрывать свои негромкие секреты,
Пока порыв стихии не исчез?

Душа должна быть чистой, как светлица,
Где – двери настежь, стёкла, как слеза.
Совет нас откровеньем причаститься
В крови и в небе – новая гроза.

Прибрежье

Из чаши плёса звёздный ореол
Плывёт другому берегу навстречу.
Штиль на Десне, как ночь зимы, тяжёл,
И в декабре – как полдень – быстротечен.

Но в ледоход, конечно же, нужны
Минуты просветленья над рекою,
Когда размах и ветреность волны
Не помешает льдистому покою.

Штиль на Десне. А волн – невпроворот.
Их теплоход от носа отгоняет,
И подневольный трепетный эскорт
Его к причалу долго провожает.

Последнее прибежище тепла
До половодья дремлет в трюме тёмном,
Чтоб теплоходу вишня зацвела
В далеком мае, цветом убелённом.

Тогда вода на сотни голосов
Не от ветров – от солнца заиграет,

Когда цветущий обморок садов
Округу белизною застилает.

Тогда и нет покоя на Десне,
Пусть даже ветры стихнут беспробудно.
Покой, как и морозы, чужд весне,
Как солнцу – обесцвеченные будни.

И теплоходу качка не страшна:
Он любит разыгравшуюся воду,
Вот потому и катится волна
На побережье в пору ледохода.

* * *

Деревья полднем разогреты,
Как будто их полжизни знал.
Так принимаешь солнце летом,
Покуда дождь не разогнал

Твою мечту о днях погожих
На отпуск или для страды,
Но капли первые похожи
На непривычные плоды.

Ты без плаща средь капель рьяных.
Но что тут плащ, когда во мгле
Потока – рядом, на каштанах,
Листвы, как судеб на земле.

Укрылся под зелёной кроной,
И дождь уже не явь – кино,
Как будто в дом зашёл знакомый,
Где не был ты давным-давно.

Я наконец-то смог отбиться
От дел и вновь иду туда,
Где вдохновенная криница
Травинке, человеку, птице –
Десна. А в сердце грусть гнездится:
За эти дни утечь, пролиться
Здесь без меня смогла вода.

* * *

Не залпы злые, не лихие орды –
«Тридцатьчетвёрку» принял пьедестал.
Зеленый май всей силою природы,
Как в карауле, возле танка встал.

Пунктир гвоздик, как память поколений,
Уходит в кровью политые дни.
И ласточки, разморенные ленью,
Укрылись под защиту брони.

* * *

Тогда ты горестно молчала.
«До встречи», – клялся я тогда...
Ты ненавидела вокзалы
И все на свете поезда,

Которые в тебе украли
Тепло, скруглив усталость плеч.
Они тогда прекрасно знали,
Что без разлуки нету встреч.

Но даже мир молчал, не зная,
Не видя судьбы впереди:
Что лучше – встретиться, сгорая,
Иль разминуться на пути...

После толоки

День притомился... Вечер в полумраке
Благодарил за помощь полсела:
Над речкой хата в беленькой рубахе
Навстречу зорям в небо поплыла.

Осенний бадминтон

Печален луч утерянного лета.
Трава привяла. Ты уже не та.
Октябрьским солнцем скупко обогрета,
Седая осыпается листва.
И мы с тобой – в забытой Богом хате.
Горит костёр разбитых кавунов.
Что говорить: всё сказано когда-то,
Молчание бывает лучше слов.

Лежит волан, измотанный игрою.
Ткёт паутина в холода мосток.
И чистою багряною слезою
Приник к ракетке сорванный листок.

После зенита

Как только лето свой пройдет зенит,
Появится в душе тревога сразу,
Как будто неминуемая фраза
Нагонит сквозь года и зазвенит.

Ещё плодами полнятся сады,
И зелен лес, листву свою кольша.
Ещё почти полгода впереди,
Но горькое «прощай» я снова слышу.

Обмолотили рожь, и хлебом полон
Грядущий день, глядящий прямо ввысь,
Но стебли пожелтевшие вплеклись
Мне в душу, а не только в общий гомон.

Вот и зенит... Переступить за край
Дано и человечеству, и свету,
Вот потому летам – не только лету –
На дольном склоне слышится «прощай».

* * *

Опять меня без видимых причин
К себе манят заоблачные выси.
Наверно, птицей был...
И хоть кричи:
С людьми всю жизнь прожил, а не сроднился.

с украинского

* * *

Прозрачен рассвет, как вода из криницы.
Подёрнуты инеем чистые дали.
Ко мне под окно прилетают синицы –
Крылатые вестницы шумною стаей.

А может, всё это про них – только сказка,
Легенда, рождённая лесом и лугом.
Они только ищут затишья и ласки,
И духа жилого в квадрате фрамуги.

И – горсточку зёрен, немножечко сала...
И я в декабре открываю окошко,
Где снег, где позёмка кружится устало,
И сыплю для птиц припасённые крошки.

Застукали клювики, точно дождинки,
Хвосты заходили напористой, злее,
Стекло превращая в живую картинку,
И в комнате стало светлей и теплее.

И в душу вернётся далёкое лето,
И чувства уснувшие в сердце оттают:
Я самый богатый на всём белом свете,
Пока птицы в гости ко мне прилетают.

После ливня

Промчался ливень – разудало, лихо.
Ни звука нет, ни дуновенья нет.
И листья крон от мала до велика
Росу хранят – как тайну, как секрет.

Покой разлит над изумрудным садом
И нехотя приветит синеву,
Как будто дай ему не каплю – только атом –
Густым дождём прольётся на траву.

* * *

Цветы черёмух вместе с тёплым ветром
Танцуют вальс неспешный под окном.
О, мой пресветлый май! Твои приветы
На куцах нежным засияли сном.

Что мне, благоухающие ветви,
Ответить вам в размытой тишине...
То ль песню спеть пришли о белом свете,
То ль попрощаться вы пришли ко мне?..

* * *

Вновь к стеклу синица прилетела,
На окне красуется моём.
Тоже – оглянуться не успела –
Лето отошло за окоём.

И она, птенцов пустив на волю,
Вспомнила знакомое окно.
И былое, вешнюю водою
Утекло, как то и суждено.

Вызрел колос над стернёй седою,
И опять бежит вода в реке,
И журавль зовёт меня с собою,
Хоть синицы нет в моей руке.

Нет, и что же тут такого... Мне бы
Видеть, как она летит вдали,
Безнадёжно думая о небе,
Где живут лишь Бог да журавли.

Приятелю Г. в альбом

Как пахло ливнем! Стороною туча
Прошла, спеша, дождём не пала ниц,
Бездарно проплыла она, тягуче
Не снизойдя до трав и до криниц.

Затихла суета пустых волнений,
И багровело солнце в пыльной мгле...
В любом из нас, конечно, дремлет гений,
А памятников мало на земле.

* * *

Как чудо – над кромкой залива
Вновь чайка заходит на круг –
Чиста, и сильна, и красива,
А солнце и море – вокруг.

Летает, как будто играет.
Над ней и под ней – бирюза.
А ветер ей крылья ломает,
А мгла застилает глаза.

Над бездной проносится низко,
Свой путь замыкая в кольцо,
Чтоб волн просолённые брызги
Ей влажно дышали в лицо.

Борис Олейник

(1935 – 2017)

с украинского

Притча о славе

I

Круто кони Порты месят
Кровь казацкую в степи.
Глаз прищурил полумесяц
В полуночном забытыи.

Всюду рыщет лютый ворог,
И окрест – на весь простор
Стяг султана, точно ворон
Тень зеленую простёр.

Кошевой промолвил:
– Хлопцы,
Позабыло счастье нас,
И ещё не сядет солнце,
Как пробьёт наш смертный час.

Обступили супостаты,
Войско тает, что роса.
Нас осталось – посчитайте –
Только сотня, как... слеза.

Но а если всею силой
Логом нам зайти и враз
Налететь на турка с тыла,
Вот тогда б и дрогнул враг.

Только всё-таки поверьте:
Коль решимся на таран,
Многих, многих нас со смертью
Повенчает ятаган.

Круг примолк, не зная страха, –
Призадумался народ.

И тогда казак Нетяга
Из толпы шагнул вперед.

Губы – сладкие, как соты,
Ладен – девкам на беду,
Молвил:
– Дайте, батька, сотню –
Будь что будет – проведу...

II

В неумолчном адском гуле
Льдом дробится тишина,
И сидит султан в Стамбуле
Бледный-бледный, как стена.

Потерял паша отвагу
И бежал, не чуя ног.
Кошевой обнял Нетягу:
– Я горжусь тобой, сынок!

За исполненное дело,
За работу от души,
Отпускаю на неделю:
Погуляй да попляши!

III

Льётся пенистая брага.
Звон стоит в Чигирине.
Как стрела, летит Нетяга
На проворном скакуне.

В тулумбасы бьёт Полтава,
И ликует отчий край:
– Казаку Нетяге слава!
– Мама, двери открывай!

Мать соскучилась по сыну,
Батька вышел до ворот:
– Молодец, сынок! Спасибо,
Что не опозорил род.

Древний дед спустился с печи,
Еле-еле семена,
И за дюжинные плечи

Обнял внука:
– Весь в меня!

Молодицы – точно павы,
Парни крепки, как дубы.
Слышно всюду:
– Слава, слава!
– Эй, Нетяга, пригуби!

Отдохни-ка в кои веки,
Пой, чтоб смолкли соловьи!
Посмотри – какие девки,
Полюбуйся – все твои!

IV

Поднялся казак:
– И верно:
Раз взялся, так веселись! –
Если море – по колено,
Если люди – расступись!

Славы звонкую монету
Я добыл в тяжёлый миг.
С пляской я пойду по свету –
Руки в боки – напрямик.

К чёрту броды-перелазы,
Что мне брод да перелаз!
И плевал я на указы –
Я и сам себе указ!

V

Дед сказал:
– Чтоб сердце пело,
Вдарь по лиху, батькин сын!
Раз пошло такое дело,
Разбирайте, хлопцы, тын.
Гопаком пройдишь по лугу,
Жарь, чтоб знали паньчи,
Размахнись на всю округу,
Лишь... могил не потопчи.

И сказал отец:
– Все вместе
Погуляем там и здесь:
Богачам потопчем межи,
Старшине повалим лес.

Расшатай плетень убогий,
Толстобрюхих проучи,
Но при этом, ради Бога,
Ты своих... не потопчи.

VII

Мать несёт рубашку сыну
С яркой вышивкой вразлёт.
– Позабудь, сынок, кручину,
Коли ныне твой черёд.

По тропинке сквозь отаву
Каблуками простучи,
Да гуляй себе на славу!
Только... жито не топчи.

* * *

Обживут космонавты пучину космических грёз,
Поколенья другие пребудут в веках... Всё одно:
На зелёной земле, как и прежде, поднимется рожь,
И во внуке продолжится дед: «Да хранится зерно!»

Облетят и листва, и созвездья, как листва с высот,
И иные распустятся в кронах далёких орбит. –
Но венчает чело хлебопашца просоленный пот,
Потому что без этого пота зерно не родит.

О святая пора довершения дней и ночей
Хлеборобских трудов – для избытка на братском столе!
Вот стоит он – высокий, с усталым прищуром очей,
Прародитель древнейшего рода на этой земле.

Поклониться ему. Проведёт в августовский чертог,
Где ему поклоняется жито и льётся рекой.
Он стоит средь степи. Загорелый, натруженный бог.
И желтеют в его волосах зёрна жизни людской.

Баллада

И ветер трубил, и гром рокотал,
И я в этот мир ступил.
Как колокол, сердце стучало моё
В груди вековой степи.

И сил океан рокотал во мне:
Плевал я на Буг и Сан!
И я про себя помышлял, что смог
Сподобиться небесам.

Локтями вокруг растолкав людей,
Я выкрикнул в мир:
– Я сам!
Когда даже Днепр по колено мне,
То что мне и Буг, и Сан!

Товарищ мне крикнул:
– Послушай, брат,
Тоскою душа полна.
Греха нет оставить её себе,
А людям – зачем она...

А я про себя посмеялся:
– Что ж,
Болтай про людей и свет,
А всё-таки ближе рубашка своя,
И дела до вас мне нет.

Зачем помышлять о других, когда
Всяк свой бережёт живот?
Быть может, со мною весь мир начался
И вместе со мной умрёт.

...И гром рокотал, и ветер трубил,
И я в поднебесье взмыл.
Кружил по привычной оси вокруг
Меня непутёвый мир.

Я сам – против солнца. Я солнцем стал.
И небо вокруг цвело.
Но сверху я вниз посмотрел – и в миг
Мороз опалил крыло.

От солнца в пронзительном вираже,
Углом изогнув крыла,
Ко мне чёрный коршун летел в пике,
Как пущенная стрела.

Удар – и в глазах помутился свет,
Разверзнув провал глубин.
О, где мне подмогу теперь искать,
Когда я как перст – один!

Он тенью меня прижимал к земле,
Да так, что спирало дух,
И перья летели из крыл моих
Как будто утиный пух.

А степь – как ладонь, только холм торчал
Чуть-чуть в стороне, как горб,
Да камень какой-то лежал на нём,
Подставив под солнце лоб.

Как заяц, я юркнул за этот холм,
От страха глаза сомкнув,
И яростный коршун в тот самый миг
О камень разбил свой клюв.

В смертельной тоске на меня скосил
Он взгляд, источая зло.
И с камня – тяжёлое, как покров –
Опало его крыло.

И надпись открылась:
«Мы тут полегли
Давно, аж стал камень сед.
Все – за одного, и один – за всех.
И все – как один – за всех».

* * *

День был убит прицельно.
Бросила киллер-ночь,
Не получив ни цента,
Месяца гнутый нож.

Кровь обагрила запад.
Всех поглотила тьма.
Сжался в комочек заяц,
Даже сорока – нема.

Выпь замерла в трясине,
Дятел в дупле затих.
Скрыла глаза осина
В дрожи ветвей своих.

В сборище крикнул рьяно
Следователь-рассвет:
– Криком сочатся раны,
Вам же и дела нет!

Уж из-под старой акации:
– Тс-с, – прошипел, –
Оккупация.

Не поминайте...

Лихая сила белый свет прессует,
А наша совесть продолжает спать.
... Не поминайте имя Бога всеу,
Когда в душе Его не отыскать.

Невольно перед будущим пасуя,
Предав отцов, кем ты сегодня стал?
... Не поминай Народа имя всеу,
Когда ты память Рода растерял.

Когда ж прощенье вымолить повинно
Придётся из Божественной Руки, –
Не поминайте всеу Украину,
Чтоб не отсохли ваши языки.

Суровый Ангел с поднебесных сводов
Гремит погрязшим в сатанинский смрад:
– Вы отдали нечистым Гроб Господень,
Свалив грехи на неповинных чад.

Они же вам припомнят в день отплаты,
Как вы пустили правду в обмолот.
И Тот грядёт незримо, супостаты,
Кому вы гвозди загоняли в плоть.

Теперь навеки тяжкое проклятье
Легло на вас, когда Его вели
На муку, на Голгофу, на распятье,
Вы – под рыданья Матери, как тати,
Ему венец терновый принесли.

... Неужто не поймём мы, что прохвосты
Нам залепили наглухо уста –
Они из тех, что подавали гвозди
Нешадным распинателям Христа?!

Откройте очи! Небеса повсюду
Пророчески развезла Божья Длань:
Свершается уже – куда ни глянь! –
Всё началось: повесился Иуда.

Давайте, дети

Простите, земляки! Ей-Богу, стыдно
Народом величаться под хмельком,
Когда мы все ведём себя, как быдло,
А знак раба не вытрешь рушником.

По-прежнему срамясь в холопской позе –
Под сапогом чужим гудит спина –
Всё льём и льём о запорожцах слёзы,
Предав их дорогие имена.

Сдав торгашам святыни и соборы,
Звучит с телеканалов и газет,

Что это – незалежность и свобода,
И вместе с ними – суверенитет.

Кому, родимый, врём мы, словно сводни?!
На нас уже косится детвора:
«Когда такая вам мила свобода,
То схроны нам раскапывать пора!»

Давайте, дети!
И казацким строєм
Встряхните разом отчие места!
Нас не кляните – мы того не стоим,
Чтоб вы о нас поганили уста.

И нам ещё, надеюсь, хватит силы
Во имя вашей будущей судьбы
С лица земли стереть свои могилы,
Чтоб вы не знали, где лежат рабы.

Спешите, дети!
Вам дано узнать,
Как нас у края бездны удержать!

Когда возвращусь...

Когда возвращусь к вам опять, облачившийся в камень, –
То камень тяжёлый свой сброшу я с плеч и с души
И сделаюсь лёгким, как тучка в дороге на Канев¹,
И в душу, как в чашу, вольётся казацкая ширь.

И станут никчёмными отзвуки «слава – неслава»,
Бесплодные споры, что ночи велись напролёт,
Когда я увижу, как солнце голубит отавы,
И мудрый мураш осторожно личинку несёт.

Зачем тогда, братцы, каррарский заманчивый мрамор,
И золото Крёза, и вкупе с хвалою – хула –
Я всё отдаю за одно недопетое: «мама»,
За то, что ладони мои освятила пчела.

¹ Близ Канева, на Тарасовой горе, находятся литературно-мемориальный музей Т. Г. Шевченко и могила поэта.

Зачем тогда слов перелётных пустая пороша,
Объятя фальшивых друзей, их неискренний пыл –
Я всё отдаю за платок в васильковый горошек
Из песни далёкой, про ту, что когда-то любил.

Да будет покой вам и мир в неизбывном свеченье!
Друзей и врагов о прощении я попрошу,
Но я не прощу и пылинки на образ Шевченко,
И сломанной ветки калины вовек не прощу!

Тогда я приду отплатить, облачившийся в камень,
Движеньем гранитным смету торгашей и сутяг,
И пусть меня судит по правде и совести Канев
Единый Верховный мой и Полномочный Судья!

Пришли

Пришли, как в дом к себе, подобно стае,
Обчистили до нитки все кутки,
А к ним уже бегут вперегонки
Наняться поскорее в полицаи
Мои блакитно-жовты земляки.

А комендант небрежно планы строчит,
И партизанам, как в былые дни,
Уже столбы фонарные пророчит.
О, Господи, спаси и сохрани!

Пришли, свои расставив ловко сети.
Пришли без пулемётов и гранат.
Ещё петух не крикнул на рассвете,
Но – тут как тут – наперебой поэты
Новейший воспевают каганат.

Всё, как и было... Но, увы, разнится:
Не так давно под грохот канонад
Наш чернозём свозили в фатерланд,
А ныне похотливые ордынцы
Вывозят наших – как товар! – девчат.

Всё, как и было... Нет, не всё, миряне:
Тогда под оккупантами земля
Горела, словно в кратере вулкана,
Теперь же – только пепел да зола.

Но под золой, взметнуться кверху силась,
Ещё трепещут пламени венцы.
Эй, раздувайте горны, кузнецы:
Ужель ковать мечи вы разучились?!

Господь, держа в ладонях небосвод,
Простит того, кто понапрасну гнёт
Пред оккупантом боязливо спину,
Но лишь вовек прощенья не найдёт
Поэт, молчащий в лютую годину,
Когда изводят исподволь народ.

Борис Олейник

Катерина Пасична

(родилась в 1955 году)

с украинского

297

с украинского

Иду на Вы¹

От острых стонов тетивы
в миры запущена стрелою,
я слишком долго шла «на Вы»,
но приходила не с войною.

Очнись! Останься! Оживи
моей серебряной луною,
мой князь созвездий и травы, –
зарёю иль земною тьмою.

Иду на Вы – но тенью княжьей.
Иду на Вы – не силой вражьей:
нет у меня на сердце зла.

Я шла «на Вы» – куда, не знала,
неосторожно заплутала.
Скажи – куда же я пришла?!

В золотом потоке

Шаги твоих тяжёлых ног
я слышу, точно гул металла.
Ты не узнать меня не мог,
и сразу я тебя узнала.

Твой шаг до ниточки промок.
Твой шаг навстречу – блеск начала.
Тебя я взглядом привечала,
когда весь мир со мной умолк.

Тебя ничем не обманула,
не обошла, не обогнула,
хоть обойти тебя могла.

¹ В Киевской Руси перед началом битвы посылали княжеского гонца: «Иду на вы» (прим. автора).

В лучах потока золотого
благодарю теперь чужого –
того, кого судьба дала.

Предчувствие

В сорочку белую моя мечта одета,
её следы идут по травам вдаль –
не Ольга, не Оксана и не Света –
отец другое имя дочке дал.

Ты от чужих людей его узнал,
качая на ресницах слово это.
Была мечта, как дальняя планета:
ты сам вошёл, со мною рядом встал.

Твой голос, как свирель, звучал весёлый.
Пришёл ты в понедельник, в день тяжёлый,
из ниоткуда, чтобы стать судьбой.

Мы слов друг другу говорили мало,
но в кровь мою искристо проникало
предчувствие, рождённое тобой.

Вдвоём

Моря безбрежной чистоты
я разлила в потоке лета.
Гадаешь снова: кто же ты? –
Над тенью ищешь ты ответа.

Пылинка – со времён Завета –
от звона и до темноты –
жила в чужом мерцанье света,
своей не зная высоты.

Есть общее во многих мнениях:
не та святая, что на коленях,
а та, кому лишь Бог судья.

Есть ты. Есть и другая правда,
что на колени лучше падать
друг перед другом – ты и я.

Чумацкий Шлях... Щепотка соли
посолит светом темноту.
Играют мавки в чистом поле,
в мою врываясь немоту.

Роса свежо блестит на воле.
Слеза растает на лету.
Раскрылись, точно в пустоту,
цветы дремавшей маттиолы¹.

Кому такая ночь знакома?
В ней нету отголосков грома –
не славят холод соловьи.

Так тихо... Но в сердцебиеньях
и в колдовских моих виденьях
грохочут помыслы твои.

Пламя

Несла б тихонько, как и все,
свой невеликий остров счастья,
не замочила бы в росе
два башмачка своих в ненастье.

Смогла я выйти из-под власти
молвы, идя к иной красе.
Огонь в рассветной полосе,
искрясь, рассыпался на части.

И засинел. В моей беде
ты ль это был? А ныне где?
И что же завтра будет с нами?!

Я не несла прогорклый мёд.
Заклята в пекло наперед:
и завтра вновь – всё то же пламя.

¹ Маттиолы цветут только ночью (прим. автора).

Моё призвание

В негромкий перестук колёс
вплету летящими лесами
шуршанье золота берёз
и песню неба с журавлями.

Тебе – пушу, как под откос, –
озёр волнение и поляны,
пусть тихо шепчут между нами
потоки вод и ветви лоз.

Моё немодное призванье
пусть охранит твоё дыханье
от злых, чужих, лукавых лиц.

Ты ж – из другого поколенья –
не преврати моё стремленье,
мой взлёт – в охоту на лисиц.

Осенние крылья

Осенний голос журавля
на лоскутки так долго рвётся.
Лишилась памяти земля,
упав под грозные колёса.

Неужто я забыть могла
тебя, мой милый, мой хороший, –
тебе навстречу, точно росы,
моя тревога пролегла.

Терзают крылья тишину.
И в мой покой, подобный сну,
ворвался ты – ширококрылый.

Мне сил не надо занимать. –
Сама сумела угадать
я вещей дар, в тебе сокрытый.

Судьба прошла поверх голов,
а одиночества – в избытке,
и в череду смущённых снов
клубочек катится по нитке.

Искала радость вновь и вновь,
но тщетны были все попытки:
и голос твой, и нежность слов
огнём стелились, точно пытка.

Я всё скажу тебе вослед.
Пусть тает лёд прошедших лет.
Тебе минувшее не снилось...

Иль потому и ты не спишь,
что сам среди высот горишь?
Ответь... ответь мне, сделай милость.

При двух свечах

Трамвайный хохот слушаю одна
и прочь гоню усталость и истому.
Я сквозь толпу найду дорогу к дому –
за светлый щит прозрачного окна.

Пусть будет так, что я ничья жена,
не отдана ни доброду, ни злему:
не хочет быть служанкою княжна,
и впредь уже не будет по-иному.

Я покачаю строчку на ладонях,
дитя укрою в свет часов бессонных.
Ночь отшумит и вновь утратит речь.

К тебе из позабытого жилища
молитва рвётся, тщетно выход ищет
при двух свечах горящих белых плеч.

Нежность

Прошла сквозь тело ветром из дубров,
по сердцу – сердцем, кровью через кровь,
смогла грехи рассыпать, растолочь,
и ярким светом озарила ночь.

Развеела мои тревоги прочь,
и душу принесла твою, и плоть:
купали их и зори, и Днипро,
а славу им соткёт моё перо.

Ещё такую песня не была,
чтоб в сердце мне сквозь взгляд она вошла,
и тихий звон в той глубине пребудет.

И светлый час, как музыка, течёт.
Но скрипнет дверь – и будто бы мечом
Ещё живую тень мою отрубит.

Дерево радости

Что нужно сердцу? Милого любить...
Но сколько на душе осталось боли,
и старые долги не отмолить –
они терзают сердце поневоле.

Толпе деревьев не остановить
то деревце, что выросло на воле.
Зачем, сплетая вечность, точно нить,
завязывать петлю благой неволи?..

Плод упадёт с ветвей, из синевы,
и, оставляя рану средь травы,
заронит в землю зёрнышко иное.

И в эту рану, в круглый след беды
ты дерево на счастье посади –
беспамятное и едва живое.

Грехи, быть может, только лишь слова?..
Ужель так низко люди пасть сумели?
Но как не закружится голова,
когда пылают звёздные метели...

От блеска взгляда лица просветлели,
сиянием вокруг лилась молва,
и ей в объятия падала трава,
хранящая дыханье колыбели.

с украинского

Но есть ещё неуловимый грех,
его ты не расколешь, как орех:
измена той любви, что вечно с вами –

которую нашёл, но не сберёг,
которая с прямых сошла дорог,
в лес заглянув за вешними цветами.

Эхо заговорит

Хмарью седую тяжёлые горы укрыло.
Эхо затихло под снегом в объятиях сна.
Нужно лишь выкрикнуть «а!», чтоб оно повторило:
– А-ааа-ааа-ааааа!..

И в этих звуках его будет смелость и сила.
Камни сорвутся со склонов крутых, как стена, –
голосом Бога твой голос оно подхватило,
звук разнося на весь мир и на все времена.

И окрылится мой голос, но где же вершины?
Точно к вершине – взывала я к сердцу мужчины:
может быть, эхо ещё отзовется со дна?

Но, обращаясь к горам, отзываются камни.
Ты ж недоступно молчишь, и безмолвные грани –
может, твоё обещанье, а, может, вина.

Не сказала «ты»

В словах рука дрожащая плутает,
мелодией трепещет простота,
когда ладонь к ладони припадает,
но – руки говорят, а не уста.

Уже моя надежда не узнает,
как эти строки будешь ты читать,
но твой ответ откроет, угадает
лукавый миг и жизни чистота.

Зачем мне брать цыганскую иголку:
сшивать с землёю небо – мало толку.
По ветру осень шлёт тебе листы.

Ты – точно солнца свет в оконной раме,
но как огромна пропасть между нами:
тебе я так и не сказала «ты».

Далёкий месяц

Луна в ночи свои умыла косы
в прохладных водах медленной реки,
и кажется, как будто абрикосы
с небес свои роняют лепестки.

Когда бы превратилась я в колосса¹,
печаль свою посеяла с руки, –
до звёзд тогда бы поднялись колосья,
объяв и небо, и материки.

Всем существом своим, в смятенных мыслях
я тишину ищу в безбрежных высях,
где звёзды льют потоки серебра. –

А ты, как месяц, приоткрытый взору,
опять моей любви даёшь опору,
её не оставляя для себя.

¹ Колосс Родосский – гигантская статуя бога солнца Гелиоса (прим. автора).

Дарима Райцанова

(родилась в 1972 году)

с бурятского

305

с бурятского

* * *

В твоих глазах качается луна,
За спину спрятав руки.
Взгляд чаруя, –
Как далека она, как холодна,
Когда я свет луны твоей целую.

Хранит душа, как будто сотни лет,
За ледяной оградой этот свет.

* * *

Я твою пустую душу, как золу сгоревших книг,
Окроплю водой холодной из прозрачных горных рек,
И твои сухие губы вспомню, как пчелиный мёд,
Посмотрю в глаза, чтоб сердце мне твоё увидеть в них.
В свиток всех живых и живших молча глядя из-под век,
Встречусь с предками за гранью, за теченьем звёздных вод, –

Чтобы время вспять пустилось к дням ушедшим и чужим
Слушать музыку вселенной, что вмещается в горсти,
Выводить рукой узоры, ощущая сталь клинка,
До краёв насытить сердце песней прошлых лет и зим,
На безоблачном рассвете вечность мира обрести
И в грядущее по небу плыть дыханием цветка.

* * *

Сольётся с печалью моею округа,
Грусть стёжку отыщет себе сквозь просторы,
И сердце наполнится тяжестью духа,
И память припомнит былого узоры.

Терзанья души перейдут на бумагу,
Став тенью идеи и эхом былого,

И миг красоты – в дуновенье, в размахе
Становится вечностью в мудрости слова.

Но трепета нету в виденьях бескрылых,
На гибель прообраза молча глядящих.
Кружат рядом тени, исчезнуть не в силах.
Как сердце томят они в днях настоящих!..

* * *

Как деревья на рассвете
Обнимает нежно ветер,
Так к тебе, хотя б на миг,
Прикоснуться б я хотела.
Чистой степью пахнет тело
И стрижи бровей твоих.

Ты – как берег, и с тобою
Быть волною голубою
Мне б хотелось средь веков
До тех пор, пока всё помнит
Тело-деревце, что поит
Влага чистых родников.

Точно тень, чей дух потерян,
Ищет бездну меж расселин,
Я в глазах ищу приют,
Что манят в провал и губят,
Но лишь только эти губы
Мне о вечности поют.

* * *

Только-только миновала середина жизни нашей.
Тонкой ниткой-паутинкой уходящего луча
Я связала тень надежды, пыл любви моей угасшей,
Но и осени прохлады сердцу слишком горяча.

Полночь – ночи середина, и ползёт луна слепая.
Стрелы глаз осколок счастья оживят в моей крови.
Меркнет радуга на небе, прахом краски рассыпая, –
Ищет в памяти бессонной эхо дремлющей любви.

Я тебя целую, мама, так, как будто бы губами
 Прикасаюсь к небосводу, согревая кровь планет.
 Словно сердце гул вселенной оживляет голосами,
 Мне легко с тобой, и ты мне улыбаешься в ответ.

Но как будто воздух дрогнул, высь померкла, помертвела –
 Я в себя вдыхаю время с ощущением немоты,
 И расходятся в пространстве навсегда душа и тело,
 И одна уходит к свету сквозь безмолвье темноты.

с бурятского

Но ласкает мама взглядом, и вокруг – всё те же стены.
 В миллионах звёзд струится та же кровь, что и во мне,
 И они слепую душу возвращают снова в тело,
 Пробуждая мир и разум, пребывающий во сне.

* * *

Если, бабушка, заранее знать о часе возвращенья
 Твоего на эту землю из обители иной,
 Я бы в памяти сумела без тоски и сожаленья
 Воскресить твой взгляд, что ныне слился с холодом и тьмой.

Стергла ты дом в последний раз своим безмолвным телом
 И уже перед собою различала новый путь.
 Луны радугу простерли в поднебесье светом белым,
 Освещая даль, чтоб знала ты, куда тебе шагнуть.

Если ты еще спокойно, тихо движешься в сансаре,
 То душа найдёт ли тело, чтоб явиться в мир опять,
 Или ты уйдёшь к бессмертным, утолив свои печали,
 Или деревцем родишься, чтоб страдания принять?..

* * *

Прозрачное небо несметно.
 Мелодию дух навевает,
 И воздух, пропитанный смертью,
 Дорогу для глаз открывает.
 Что это? Огни сновидений,
 Забытые мною до срока,

Иль призраки прежних рождений
Вернулись ко мне издалёка?
Мне бабушка много сказала
О силе народного слова –
О нём, начиная сначала,
Я внукам поведаю снова.
И всё повторится сквозь годы,
Что канут, сменяя друг друга...
Картину осенней природы
Навеет мелодия духа.

* * *

Даль кажется жемчужиной для глаз,
Где в вечность красота находит выход. –
А пред собой зрочки в который раз
Убогое и суетное видят.

Путь девушки лежит через поля
Под радугой, зажжённой небесами.
Когда любовь приходит, то земля
Дрожит, как бы волнуясь, под ногами.

Но радуга исчезнет без следа,
Изменится любимый, забывая, –
Змеиным жалом слово, не щадя,
Вонзится в сердце, сердце убивая...

Не ослепляй глаза огнём светил,
И пусть тоска в тебе не вспыхнет снова,
Когда свой взор ты к Богу обратил,
Забыв про запах воздуха земного.

* * *

От порога вдаль, как прежде,
Смотрит ль бабушка в надежде?

Капли брызнув на дорогу,
Молоко ль подносит Богу,

Чтоб и внуки, как и дети,
Были лучшими на свете?..

Всходит солнце.
 В никуда
 Сумрак оттеняется.
 Каждый новый день всегда
 С солнца начинается.

* * *

Пели птицы долго, звонко,
 Но настал закатный час:
 Точно хвостик жеребенка,
 Солнце прячется от нас.

И безмолвием великим
 Мгла нисходит, словно дым,
 Нависая чёрным ликом
 Над дыханием степным.

Степной цветок

Выходя на свет сквозь глину,
 Поднялся цветок степной,
 Украшая сам собой
 Кударинскую долину.

Весь – от корня до макушки –
 Он стремится в высоту
 И играет на ветру
 Под пророчества кукушки.

* * *

Вся в заботах неустанных
 Из-за гор спешит весна.
 О далёких теплых странах
 Снова нам споёт она.

Будет гостьей с нами рядом –
Вслед за белою сестрой,
Серебро её нарядов
Смыв разбуженной водой.

* * *

На землю последний листок упадёт,
И ветка взовьётся змеёю.

Живое бессмертье своё обретёт,
Когда обратится землёю.

* * *

Как глубокие озёра,
Как дыхание тепла,
Я едва ль забуду взоры
Женщин нашего села.

На веселье, за делами
Я их видела не раз. –
Никогда не гаснет пламя
Их черёмуховых глаз.

Бабушка

Сколько ты воспитала, родная моя! –
Научила всему и вскормила.
Никогда не забыть мне родные края
И наш дом, чей огонь ты хранила.

Годы взяли своё: ты стара и седа,
Но с тобой так легко,
А в разлуке
Я грущу и светло вспоминаю всегда
Нежный взгляд твой и сильные руки.

Хорошо не верить в тайный
Смысл рожденья: год за годом
Все мы в мир многострадальный
За страданиями приходим.

Помнишь ли, как в жизни прежней
Извела тебя кручина,
И была ты безутешной,
Потеряв навеки сына...

Хорошо, что, продолжая
Род людской, не без мучений
Души предков воскрешая,
Ты продлила цепь рождений.

Хватит и того, что эти
Дни окончив, у порога
Помнишь ты – моля о смерти –
Добродетели и Бога.

* * *

Раздарив тепло дневное,
Солнце скрылось за горой,
И прохлада вместо зноя
Опустилась вслед за мглой.

И, вершины затемняя,
Сходит ночь со всех сторон,
И зевает даль земная,
Погружаясь в тихий сон.

Не спеша, в ночном просторе
Лунный диск плывёт, искрясь.
Мириады глаз весёлых
Вкруг него пустились в пляс.

* * *

Луч сверкнул, развеял стужу,
Оживил сухой пустырь.
Замерзающую душу
Поманил, пригрел батыр.

Свет померк, и не согреться.
В небесах черным-черно.
Сердце, любящее сердце
Вновь в печаль погружено.

Мне б исчезнуть за рекою,
Перебраться б к облакам,
Мне б рассыпаться росой
По нескошенным лугам.

* * *

В искрах чёрных глаз сумел ли
Ты представить образ мой?
Мыслям тайным неужели
Нету власти над тобой?

Как залог грядущей встречи,
Я хотела б в тишине
Вновь твои услышать речи,
Обращённые ко мне.

Взгляд твой не минует цели,
Да и слово не предаст.
Дай мне силу, дай мне власть,
Чтоб смогли они, как стрелы,
Прямо в сердце мне попасть.

* * *

Струны звёзд на небе лунном
Протянулись с высоты.

К этим звёздам, к этим струнам
Прикоснуться можешь ты.

Сердце шепчет, шепчет имя.
Небосвод блестит, блестит...
Над просторами степными
Шелест музыки летит.

И над нами нависает
Круглым зеркалом луна.
Не спеша плывёт, мерцает,
Тихой зависти полна.

* * *

Мне бы в волны броситься и припасть к волне,
Снова тело сильное, тёплое, как свет,
Узнавая в призрачной, чистой глубине,
Там, где дна привычного под ногами нет.

Боль свою кручинушку выплакав до дна,
Слёзы бы мне вытереть, видя, как рябит,
Приближаясь к берегу, за волной волна, —
Кудри непослушные ветер теребит.

Мне б сверкнуть, как молния, — вспыхнуть и почить,
Освещая тень твою и твои следы,
Лишь бы имя милое снова различить
В разговоре облака, ветра и воды.

* * *

Сквозь долгие года,
Сверкнув, как луч в росе,
И ты уйдешь туда,
Куда уходят все.

И вечность, точно миг,
Пройдёт в мирах иных,
И станет смерть одних
Рождением других.

Земля развеет прах,
И вновь, дождём омыт,
Твой взгляд в степных цветах
Весною зашумит.

И в мир сойдет душа,
Чтоб, обретая дом,
По-новому дыша,
Жить в грешном иль святом.

На ощупь там, где мгла,
Ища пути в зенит,
Судьбы твоей стрела,
Сгорая, пролетит.

* * *

Слово то, что навеки осталось во мне, –
То же золото, что и речённое слово.
Злато – холод металла, рождённый в огне,
Злато – слиток мечты, что не сбудется снова.

Камень – сердце утёса, что спит до поры.
Чайка – это дыхание морского простора.
Слово – корень высокой, как небо, горы.
Слово – дно бесконечного, вечного моря.

Моя любовь

Лист осенний горит без огня
Жёлто-красным пронзительным цветом,
И любовь покидает меня,
Уходя вслед за призрачным летом.

И обманчивым светом зари
Друг меня провожает, но снова
Точно музыка смерти царит
Над звучанием каждого слова.

Дни ушедшие нам не вернуть,
Ближе, ближе дыхание стужи,

Но лишь в силах весна всколыхнуть
Замолчавшие некогда струны.

И вселенской любовью уже
Отзовется прошедшая мука,
И над холодом мрака в душе
Вновь воскреснет умолкшая муза.

* * *

Без трепета в груди, без боли в сердце
Тебя целую, милый мой, опять.
И обнимаю так, как только сети
Волну морскую могут обнимать.

Слова любви в темницу заточаю
И взгляда твоего опять бегу,
Но, и расставшись, вновь тебя встречаю,
И лишь тебя дождаться не могу.

* * *

Средь деревьев чёрно-белых,
Заселивших эти дали,
Как вселенные, что тихо
Держат путь за звёздной мглой, —
Вместе с другом молчаливым,
Вешней радуясь печали,
Мы шагаем, заблудившись,
Между небом и землёй.

И мы вместе понимаем
Реку, что бежит под нами
И смеётся синей гладью
Неподвижным облакам,
К ним пытаюсь дотянуться,
Чтоб волнами, как губами,
Прикоснуться к недоступным
Поднебесным берегам.

Но едва ль мы сыщем место
За горами, за долами,
Где бы мы смогли укрыться

И на время отдалить
Дым сгустившихся туманов,
Холод низких туч над нами,
Что пытаются веками
Реку с небом разделить.

Кочующее облако

Когда светом счастья наполнена даль,
Себе посвящаю я новую песню,
Когда же нисходит на сердце печаль,
Печалью с бумагой делюсь я поспешно.

Как легкое облако, думы мои
Надеждой своєю во мне остаются,
И горе утихнет, как эхо молвы,
И слёзы на землю дождями прольются.

Ты вновь обнимаешь, как прежде, меня –
Пусть нежность твоя ветерком отзовется.
Внимая звучанию нового дня,
Над степью высокое солнце смеётся.

* * *

Зачем эти сумерки тенью пустой
Лицо заслоняют моё поволокой?..
Куда устремляется сон золотой,
Что бродит вдоль век моих ночью глубокой?..

Ребёнок, что женщина в лоне несёт,
Продолжив извечное жизни теченье,
Не камень, бросаемый Богом в неё,
А только заблудшей души возвращенье.

Когда этот медленный взгляд опустел,
К себе приближаясь всё ближе и ближе, –
Не это ли символ слияния тел
И душ, наконец-то обретших величье...

Стемнело. Прошли облака синевой.
Средь звёзд – ещё матово-бледных и жёлтых –
Я вижу семь ярких костров над собой
Медведицей Малой во тьме разожжённых.

Огонь этот сердце моё охватил,
Но, в пламени их холодящем сгорая,
Проникла я в тайну далёких светил,
Разрезавших небо от края до края.

с бурятского

* * *

Напрасно ты смотришь в меня: никогда
Твой взгляд не прочтёт тайну мыслей моих,
И сила твоя не зажжёт, как вода,
Во мне пламя страсти, хотя бы на миг.

Держа мои руки, себя умири:
Ты сердце не сможешь моё удержать,
И, глупые строки читая мои,
Не думай, что смог ты меня разгадать.

Мы жили, себя сознавая едва,
И ты мне не ближе, чем звёздная мгла.
Красивые вновь повторяя слова,
Ты точно огонь, что горит без тепла.

* * *

Дыханье юных лет в былой отваге
На бездыханной выцвело бумаге.

Средь зноя лета, высохнув навеки,
Лист падает в траву с плакучей ветки.

Душа стремится за незримой нитью.
Луч сердца путь находит по наитью.

Пылает солнце и дарует зренье...
И это всё – в одном костре поленья.

Берёза

Укрывшись голыми ветвями,
Глубоко в землю спрятав корни,
Шумит берёза над полями,
И одиноко тёмной кроне.

Её глазами замечаю
Покой небес, и то и дело
Руками тщетно заслоняю
Свое берёзовое тело.

Мой первый друг

Мой первый друг, мне суждено судьбою
Теплом овеять образ твой в стихах,
Чтоб вновь и вновь наедине с тобою
Почувствовать дыханье на губах.

Пришла любовь, чтоб стать твоей вселенной,
Цветок не отличая от шмеля, –
Окутан разум музыкой волшебной,
И из-под ног уносится земля.

Как жарко солнце светит с небосвода!
Как холодит луна в своей тоске!
И нет ключа, чтоб выйти на свободу,
А дверь твоей вселенной на земле.

Но даже в тихой сумрачной пустыне
Моей любви не оборвётся нить,
А землю, опустевшую отныне,
Способна песня предков оживить.

Рагим Рахман

(родился в 1964 году)

с табасаранского

* * *

На лужах дождём нарисуют ветра
Танцующей женщины-осени тень.
Не мог я сдержатъ ещё чувства вчера,
А ныне – безрадостен пасмурный день.

Дай руку мне, осень, пролившись дождём,
В своей нагоде и ознобе воды,
Чтоб мы безоглядно с тобою вдвоём
Ушли, оставляя на лужах следы.

* * *

Деньки золотые забрав, журавли
Летят торопливо к далёкому югу.
Листва, словно вздохи уставшей земли,
В погоне за ними засыплет округу.

В далёкую даль вознесли журавли
С собою души невесомой частицу.
И вздохи мои вслед за ними смогли
Подняться в высокое небо, как птицы.

Весною вернутся опять журавли,
Курлыча иначе совсем на рассвете.
Лишь вздохи мои в поднебесной дали
Закружат, как листья опавшие эти.

На пути к солнцу

Путь мой к солнцу лежит, и дорога трудна,
Освещённая ранней зарёй.
Я успею добраться к нему дотемна:
Солнце – рядом с моею землёй.

Луч его пусть мне сердце пронзит, как стрела,
Вспыхнет, как путеводная нить,

Чтобы чёрная тень никогда не смогла
Свет в горячей душе погасить.

Узелок чувств

Душу свою оплетал я строка за строкой
Солнечным счастьем в погожий и радостный день.
Но, словно чёрная туча, нарушив покой,
Мыслей коснулась, смешав их, тяжёлая тень.

Мраком на сердце её отпечатался след,
Жирную точку поставив на лучиках строк.
И в непроглядном молчанье рассыпался свет,
Чувства мои, словно нить, завязав в узелок.

Пасмурные мысли

День наступающий жесток
В осенней круговерти.
Трепещет сердце, как листок
На облетевшей ветке.

Дождь позади и впереди
В плену осенней стыни.
И крылья мельницы в груди
Безрадостно застыли.

Любовь ленива, словно раб,
В преддверье первой стужи,
И счастье призрачно, как рябь
На выщербленной луже.

Душа уже сожгла мосты,
Ей холодно и голо.
Схватил туман мои мечты
Безжалостно за горло.

Надежда скрылась без следа,
Исчезнув в тесной нише
Листком, что унесла вода,
Стекающая с крыши.

Рядом со мной моя тень – словно сажа бела
Тень прошлой жизни – она беспросветно черна.
Падает тень на желанья мои и дела,
Частью моей неотъемлемой стала она.

Чёрная тень... Не считая часов и минут,
Утром и вечером, ночью и днём – мы вдвоём,
В холод и зной неизменно она тут как тут –
Сплю, но садится она в изголовье моём.

Как без неё мне прожить хоть бы несколько дней?
Словно с постылой женой обручила судьба.
Вынужден быть я с врагом моим – тенью моей.
Прошлое – душу мою превратило в раба.

У ворот

Дорога привела к большим воротам,
Закрытым на надёжные замки.
Как быть теперь? И как узнать мне – что там?
И почему так стены высоки?

И мне сказал Господь: «Ключи от рая
Найдёшь в ногах у матери своей».
...Ищу её следы я, выбирая
Её пути среди земных путей.

В пустом отцовском доме

...И сегодня висит материнская шаль
На стене, точно память о жизни былой.
В почерневшие окна влетев, как печаль,
Ветер детства играет её бахромой.

Шаль хранит от беды и наш дом, и село,
Бережёт от беспамятства прожитых дней.
Будет время, и снова подарит тепло
Эта шаль подрастающей дочке моей.

Горький пепел полыни

С рожденья она мне до боли знакома,
Её на себе я несу и поныне —
Тропу, по которой ушёл я из дома,
Пылившую пеплом прогорклой полыни.

С годами тропа всё сильнее давила
На плечи, как прежде — легка на помине —
Забывать не давала родную долину,
Пропахшую горечью жухлой полыни.

Чтоб в юность вернуться, не сядешь на скорый,
А сердце стучит с частотой метронома.
В моей седине — пыль тропы, по которой
Когда-то ушёл я из отчего дома.

Золото отцовского поля

Отец, прости, что по твоей дороге
Я не пошёл... Прости мои грехи...
Ты сеял хлеб, но, забыв о долге,
Твою соху сменил я на стихи.

Ты был к себе безжалостней и строже,
Твои дела вплелись в судьбу земли.
И я тружусь, но даже узкой стёжки
Слова мои оставить не смогли.

Из-под сохи твоей многоголосо
Вставало жито на семи ветрах...
Как я хотел бы золото колосьев
Суметь посеять в собственных стихах!..

Тебе хватило силы и отваги
Всё одолеть и не свернуть с пути.
Передо мною белый лист бумаги
Лежит, как поле, что не перейти.

Слёзы матери

Если б юность моя средь обыденной прозы
 Не была бы беспечною день ото дня,
 То щадила б она материнские слёзы,
 Что навеки остались в душе у меня.

Слёзы счастья струятся криницей во взоре,
 Расчищая дорогу мне, скрытую мглой.
 Слёзы матери от причинённого горя
 Застывают на сердце горючей смолой.

На руинах любви

Мхом заросли возведённые стены.
 Счастье распято на чёрной стрехе.
 Вечности ветер и мёртвые тени
 Жизнь погасили в пустом очаге.

Нет здесь любви моей, прахом и пылью
 Ставшей, осев на сырую золу.
 Свесив лохмотьями гордые крылья,
 Птица надежды ютится в углу.

Ну и пусть...

Растаял снег, как и моя надежда,
 Почти исчез, водою став, но прежде,
 Сойдя с небес, он неба был белей.
 Он всё украсил, и... его не стало.
 Земля его ждала, о нём мечтала,
 Но – снега нет, и неуютно ей.

А ручейки бегут, границ не зная,
 Друг друга суетливо обгоняя.
 Весна, пусть ненадолго, но – для всех! –
 Пришла – любовью, обновленьем, светом,
 И нужно ль сокрушаться, что при этом
 Растаяла надежда, словно снег.

Букв торопливая вязь

Снежинки слетят в тишине
Из створки окна – на листы.
То небо, наверное, мне
Шлёт знаки свои с высоты.

Снег тает – мечтой, что сбылась,
И той, что ещё впереди,
А букв торопливая вязь
Свивает земные пути.

Бумаги касаясь едва
И переходя за обрез,
За строчкою строчка – слова
Плывут в бесконечность небес.

* * *

Ветер играет опавшей листвою,
В кронах шурша то и дело.
Счастье, что жизнь мне дарила с лихвой,
Вместе с листвою облетело.

Ветер – как время – течёт не спеша,
Вьётся над пёстрой землёю.
В трещинах дерево, словно душа,
Голое – перед зимою.

Буре не сладить с могучим стволом,
Ветви – что струны – послушай! –
Лишь опадают, грустя о былом,
Чувства, убитые стужей.

След на острие

Дорогами густо покрыта планета.
Становятся судьбами наши пути,
И люди идут в неизвестность, чтоб где-то
Счастливое место под солнцем найти.

И я – пусть и медленно – к солнцу шагаю
Тропой, что звенит подо мною струной.
Смогу ли я в небо подняться? – не знаю,
Но счастье и горе всё время со мной.

В дороге мгновения отдыха редки.
Иду и, не следуя праздной толпе,
Я кровью от ран оставляю отметки
На острой, подобной кинжалу, тропе.

* * *

В тот вечер ветер силился дрожать
И завывать из-за оконной рамы.
Меня ты не сумела удержать,
И я ушёл, зализывая раны.

Мы далеки. И не болит душа,
Стараясь поспевать за бурным веком...
Но вновь сегодня вечер зашуршал,
Стуча в окошко прошлогодним снегом.

След

В саду осеннем шепчется листва,
Звучит любви мелодия живая,
И бродит ветер тихий, как молва,
Уснувшие деревья обнажая.

Увяли чувства... Сколько ж было в них
Надежд и страсти!..
Скрыты поволокой
Листвы опавшей тайны дней иных
И память о любви моей далёкой.

Она уже незрима в полумгле
Ушедших лет, что снятся мне ночами.
След той любви не виден на земле,
Как след змеи, проползшей под ногами.

Молва

Ты на слуху был у людей –
Изгой, повеса и злодей.
На каждом слышал ты углу
Лишь поношенье и хулу.

Безногий был готов лягнуть,
Безрукий – гневно пальцем ткнуть,
Старался о тебе наврать
Немой, что ты последний тать.

Ты жил, Поэт... И – нет тебя...
Безногий к гробу встал, скорбя.
Слепец приветит за версту
Твою могильную плиту.

Спешит безрукий, сжав в горсти,
Цветы к могиле принести.
От чувств высоких сам не свой –
Твои стихи поёт немой.

Не ведает жизнь...

Жизнь – от края и до края –
Сыплет счастья снегопад,
Безнадёжно застилая
Взгляд земной мой невпопад.

Хочет, чтоб с дороги сбился,
Ей идя наперекор,
Сдался, сгинул, заблудился –
Канул в сумрачный простор.

Но – нисколько не страдаю,
Не ведусь я на обман:
Снег в охапку собираю,
В кулаке держу туман,

А в душе – светло и нежно –
Заполняют уголки

Расцветающий подснежник,
Слов живые угольки.

Мной весна и радость правят,
И повсюду не спеша
Снег земли с улыбкой плавит
Солнце и... моя душа.

Узор осени

Листопад, любя, листоает
Листьев золото, как вор.
Пусть, родная, нам свивает
Осень пёстрый свой ковёр.

А потом с тобой часами
Дней счастливых – по чуть-чуть –
Мы в узор добавим сами
Разноцветье наших чувств.

Грусть и радость собирая
От восхода до темна,
В тот ковёр лучами рая
Будет вечность вплетена.

А когда в небесной глади
Мы сольёмся с тьмой веков,
Будем радоваться, глядя
На узор наш с облаков.

Грусть

Грусть ворожит не спеша,
И в заточении стен
К ней попадает душа
Неосмотрительно в плен.

Нежным туманом она
Стелется, в сердце входя, –

Лёгкая, как пелена
Незатяжного дождя.

Или нахлынет рекой,
Чтоб, завладев как-нибудь,
Властной своею рукой
В воду меня утянуть.

В шумном мелькании дней
Я к ней привык, и уже
Снова без грусти моей
Так сиротливо душе.

У костра

Хожу, ищу в покинутом мной крае,
Как сказку, вновь приснившуюся явь.
Меня встречает, ветками кивая,
Как друга, сень прохладная дубрав.

Меня здесь помнит груша у дороги,
Чей тёмный ствол покрыл зелёный мох.
Она не для себя растёт – для многих,
И я прожить иначе вряд ли б смог...

Умолкло сердце... Сколько ж вхолостую
Оно стучало, плача от потерь.
Как много слов растрчено впустую!..
Но все слова закончились теперь.

С небес луна в мои заглянет очи
Спокойно и с любовью – как сестра,
И, ощутив забытый привкус ночи,
Я набреду на старый след костра.

Под слоем пепла, если приглядеться,
Жив уголёк, тепло в золе храня.
Я разведу костёр... и счастье детства
Со мной, как сказка, сядет у огня.

Вечен я в мире

Вечна жизнь... И нету смерти.
Поспешает день за днём.
Всем я был на этом свете:
Тучей, снегом и дождём.

Я всходил травой, нелепо
Увядая на Покров.
Сколько раз взлетал я в небо –
Ветром – в даль иных миров...

Мне ещё дано, как милость,
Звёзд сиянье в вышине –
Без остатка уместилась
Вся Вселенная во мне.

Я уже со счёта сбился
И загадывать боюсь –
Сколько раз я повторился,
Сколько раз я повторюсь...

Радуга ковра

Сколько ж света вмещается в юные дни!..
Встали сёстры мои на заре –
Бедность нашей семьи выбивают они
Из большого ковра во дворе.

Внучкам бабушка этот ковёр соткала –
Мир не видел такой красоты!
Словно бабочек стая раскрыла крыла,
На лугу облетая цветы.

И я слышу, как смех, будто щебет, звенит
Двух пичуг посредине двора.
Сёстры бьют по ковру, и взмывают в зенит
Яркой радугой краски ковра.

Наизусть помню я домотканую вязь
И узоры, что радуют взор...
Бедность нашей семьи завернули, смеясь,
Две сестры мои в пёстрый ковёр.

На пороге дня

Посидим, родная, на пороге дня.
Затеняет вечер тихие места.
Долгий свет заката, выпитый до дна,
Перейдёт в дыханье нашего костра.

Можно слушать чувства, словно голоса,
Что доносит ветер, уходя во тьму.
День уже на травы выпал, как роса, –
Прикоснись, не бойся, бережно к нему.

Я не всё исполнил, что хотела ты.
Сбудутся желанья – без излишних фраз.
Перед близкой ночью – прошлые мечты
В небеса взмывают, словно белый флаг.

Обними за плечи, милая, меня.
Неподвижно время, как вода в пруду.
Сидя на пороге тающего дня,
Мы увидим скоро первую звезду.

Между звёзд

Бессонница... А небо шлёт гонца –
Метеорит над бездною нетленной.
И нет у мироздания конца.
Ночь – на душе. И ночь – во всей Вселенной.

И сыплется кому-то на беду
Холодный звёздный дождь во мраке ночи.
Я падаю, споткнувшись о звезду,
Скатившуюся нехотя под ноги.

Встаю и между звёзд спешу вперёд –
Из этой жизни, что уже пропета,
Переходя в другую – в свой черёд
Перетекая в зеркало рассвета.

– Откуда я пришёл? Уйду куда?.. –
Спрошу у бездны неба... А над нею
Начертит строчку, падая, звезда,
Но этих слов прочесть я не сумею.

Родник Даграк – живое сердце луга,
Тебе поклон кладут и стар, и млад,
Не понаслышке знает вся округа
Хрустальных струй любовный аромат.

И чистоты твоей всегда хватало
Для тех, на ком любви лежит печать.
Сердечных тайн подслушал ты немало,
Когда уста не в силах промолчать.

В себе хранишь ты, время проникая,
Напевы чувств давно минувших дней,
И в памяти твоей – я точно знаю –
Есть звуки и мелодии моей.

Девчонка из села пришла с признанием,
Чтоб обо мне подумать в тишине...
Её слова с огромным опозданием
Ты лишь теперь решил доверить мне.

А я тогда не смог её приветить,
От счастья неизбывного светясь! –
И как мне быть?.. И что же ей ответить,
Когда любовь открылась лишь сейчас?..

На пути к себе

Сколько раз рассыпалась дорога под ним,
И обвал, затихая, дрожал,
Но, всему вопреки, только Богом храним,
Он свой жизненный путь продолжал.

Сколько раз поднималась земля на дыбы,
Уходя у него из-под ног,
Но вставал он, другой не желая судьбы,
И спешил по пунктирам дорог.

Он весь мир исходил, словно книгу прочёл,
Чтоб себя обрести где-нибудь,
И, совсем обессилив, к порогу пришёл,
От которого начал свой путь.

Временем сломанная соха

Отец свою соху доверил мне,
Чтоб жизнь я смог возделать, словно поле,
Чтоб борозды провёл по целине,
Найдя секрет, неведомый дотолле.

На этом поле тайну я искал,
Но Родину, цветущую в долинах,
Забрало время... Я лишь изломал
Свою соху о камни на руинах.

Падение в небеса

А ты, мой друг, ещё мечтаешь: мне бы
Достичь высот, вершин услышать гул...
А я могу достать свободно небо
С горы, где мой раскинулся аул.

И сердце в поднебесье улетает,
Легко взмывая выше облаков.
Как будто сам Аллах его ласкает,
Ветрами очищая от грехов.

Я эту высь безмерную приемлю,
И к ней стремлюсь, не веря в чудеса.
Вот-вот я упаду, но не на землю:
Вот-вот я упаду на небеса.

По льду

Льдом покрыто жизни море.
Рай – на дальнем берегу,
А на лёд я, как на горе,
Положиться не могу.

И весь путь – то вскользь, то юзом:
Дна и края не видать!
Сколько ж мне, склонясь под грузом,
Прямо по морю шагать?..

Вот упал, но встал, стеная
Посреди небес и льдов...

А куда идти – не знаю:
Нет ни вешек, ни следов.

С половиной души

Стала наша любовь откровением поздним,
Неожиданным счастьем... И всё-таки жаль,
Что и счастье порою бывает неполным,
И его омрачает бывлая печаль.

До последней черты нам с тобою быть рядом.
Ты, как солнце, идущее путнику вслед.
Я шепчу твоё имя и щурюсь под взглядом:
Так далёк и так близок твой радужный свет.

Половинка души остаётся со мною,
И полжизни вдогонку бредёт по судьбе. –
Стали тенью они и саднящей виною,
Что не всё я, любимая, отдал тебе.

Если б я мог

Когда б сбывалось сказанное мной
В стихах, как в клятве, искренней и честной,
То без раздумий свой язык земной
Я обменял бы на язык небесный.

Я излечил бы раны у отца
На сердце, что его так огорчали.
Пусть в этом мире чистые сердца
Не знают униженья и печали.

За тех, кто сбился с верного пути,
Грех искупая потом или кровью,
Я попросил Аллаха бы: «Прости!..» –
И Он простил бы – высшею любовью.

Молитвы матерей спасают плоть
И души берегут от битвы к битве...
Я б сделал так, чтоб воплощал Господь
Святые материнские молитвы.

За журавлиным клином

Зов журавлей высокою мольбой
Разносится над небом бирюзовым,
И не поймёшь – что сделалось с тобой,
С твоей душой, пронзённой этим зовом.

Над пёстрым днём, окрашенным в зарю,
Летит по небу клин, поспешно тая,
Курлычет, грусть осеннюю свою
Повсюду звёздной пылью рассыпая.

Боль разрывает грудь, уже нельзя
Ни позабыть её, ни вырвать с корнем –
Душа молчит, мучительно скользя
По золотым и выстуженным кронам.

Стон отпущу вдогонку за дождём,
За криком птиц – надрывистым и длинным...
Чтоб боль ушла, я стану журавлём
И улечу за клином журавлиным.

Зеркало

Застыло время в доме у дверей.
Здесь не бегут, как раньше, дни за днями,
И дом пустой теперь похож скорей
На дерево с засохшими корнями.

Но память жизни, что была иной,
В себя вместило зеркало в передней,
Укрытое ажурной пеленой
Безжалостно промчавшихся мгновений.

Хранит оно и блеск счастливых глаз,
Когда на взгляд любовью отвечали,
Но приходилось и ему не раз
Увидеть слёзы горя и печали.

И эти чувства остаются с ним,
Сумев в душе зеркальной уместиться,

Но очень жаль, что самым дорогим
Оно ни с кем не в силах поделиться.

Оно б открыло, что ему милей
Минуты, выпадавшие нечасто,
Когда на лице матери моей
Цвела улыбка призрачного счастья.

На папахе отца в снежном поле

Средь поля белёсого, в снежной пыли
Один я сию на ладони земли...

Сковала простор ледяная броня.
Не знаю – была ли тут жизнь до меня?..
Но солнечный луч, пробиваясь из мглы,
Уже прогревает обломок скалы.

Бежать начинает живая вода
Под камень, лежащий среди снега и льда.
Брось семечко в землю, и, силы тая,
Пробьётся подснежник из небытия.

Обломок скалы – по веленью Творца –
Лежит здесь, как будто папаха отца.
Над миром зимы возношусь на скале,
Лечу, словно всадник, сидящий в седле.

Сквозь снежную замать – в объятья тепла
Уносит меня мой кораблик-скала.
Из мрачного холода вверх по лучу
Навстречу весеннему солнцу лечу.

Моли об одном

Осуждаешь и жалишь, подобно змее...
А зачем же живёшь ты на этой земле?
Что ты знаешь о боли, свиваемой в нить,
Чтобы душу хоть как-то свою сохранить,
Коль неожиданно приходит такая пора,

Что бессонно с душой говоришь до утра,
И горишь от стыда, и летишь под обрыв,
Убегаешь, про имя своё позабыв,
Ниже тени упав, верх попутав и низ,
Чтоб, смеясь, над тобой потешался иблис¹...

Что ты знаешь о чувствах, сгоревших дотла,
Но опять воспаривших, как крылья орла,
Чтобы снова подняться, взлететь и вдохнуть
Свежий воздух небесный в поющую грудь...

Твой убогий мирок мне не перенести,
Путь заказан в твою мне обитель, прости.
Для тебя эти строчки – пустая возня. –
Сверху вниз ты зриаешь всегда на меня.

Но моли об одном милосердно Творца,
Чтоб сумел он тебя провести до конца
По тропе, где над пропастью стелется дым,
Где едва ли дано разминуться двоим,
Где ещё предстоит повстречаться тебе
Вскоре с собственной совестью – там, на тропе.

На камнях горного края

Счастья крепость на чужбине
Строил я – и горд, и смел, –
Ради глаз, что и поныне
Позабыть я не сумел.

Льёт в ауле дождик часто,
И туман ползёт, как дым,
Но сияла крепость счастья
Мне под солнышком чужим.

На песке держались стены,
Вырастая вкривь и вкось,
А в глазах моих и тени
Счастья даже не нашлось.

¹ Иблис – проныра, человек с дьявольской душой (прим. автора).

... Сель сошёл, как будто в битве,
Низвергая на простор
Камни, горькие обиды,
Голоса высоких гор.

Крепость счастья смыта селем.
Строю – вопреки судьбе –
На камнях, что он посеял
Саклю новую себе.

Опалил я ладонь

Навсегда мой аул остаётся со мной.
Я пришёл под родительский кров
После долгой разлуки... И горькой виной
Наполняется взгляд до краёв.

У соседних ворот, от меня напрямик,
Одиноко вздохнув иногда,
В пальцах чётки сжимая, считает старик
Убежавшие в вечность года.

Он совсем позабыт – ждёт, чтоб в сгорбленный дом
Заглянул бы к нему кто-нибудь,
Но уже и со мной говорит он с трудом,
Редких слёз не стесняясь ничуть.

Он похож на отца – та же мудрость и стать,
Точно так же бела голова...
– Ты прости мне, отец! – захотелось сказать,
Но невольно застыли слова.

Седина уместила беду и войну,
И понятно теперь – почему
Опалил я ладонь о его седину,
Лишь рукой прикоснувшись к нему.

Наша тайна

Я не видел сорок лет
Красоту родного края.
Ветви груша мне в ответ,
Приподнимет, раскрывая.

На меня ещё пока,
Изучая постоянно,
Смотрит, как на чужака,
Всё, что выросло недавно.

Здесь, как в детстве, над водой
Соловей у переправы
Пробуждает молодой
День, и солнышко, и травы.

С речкой шепчется лоза,
Сникнув кроною густою,
И цветок открыл глаза
Под шумящею листвою.

Улетают плавно ввысь
Звуки вешние игриво,
Как родные, обнялись
Вместе – речка, груша, ива.

Жить – прекраснейший удел!
Волшебство – на всю округу.
Над водой я в песне спел
То, о чём не скажешь другу.

Речка – чистая до дна –
Протекает у аула.
Тайну знает лишь она,
Но вода уста сомкнула.

Хотел бы

Не плачу... а хочется плакать
Порой, но живу налегке,
И намертво слёзную слякоть
Сжимаю в своём кулаке.

Под сердце – ненастье и грозы,
Как будто в тайник, положу,
И даже счастливые слёзы
Я вряд ли кому покажу.

А жизнь оказалась большою:
То взлёт, то паденье, то взлёт...
И как же мне сладить с душою,
Что бьётся, как рыба об лёд?

И хочется плакать, скрывая
Волненье, взглянув в небеса,
Когда из далёкого рая
Родные зовут голоса.

Я плакал бы, надо признаться,
Во сне – вместе с ветром весны,
Но только мне больше не снятся
Ночами волшебные сны.

Останусь я...

Мы все уйдём, как дни уйдут за днями,
Но всё ж я точно знаю об одном:
Останусь я цветущими ветвями
Сирени у любимой под окном.

И вспыхнут ленты радуг после ливней,
Улыбкой солнца по небу летя...
Останусь я игрой небесных линий,
Все краски меж собой переплетя.

Останусь камнем, вставшим в карауле
Невгодам вековым наперекор,
У тропки к дому нашему в ауле,
Затерянному средь высоких гор.

А летним утром я рососою лягу,
Цветное поле ласково будя,
Пусть пьёт мою живительную влагу
Трава, в которой тоже буду – я.

Останусь и зарёй, что всем на милость
Горит в полнеба в ранней тишине.
Всё, что люблю, в моей душе вместилось
И неизбывно теплится во мне.

По капельке – деревьям, разнотравью,
Горам и рекам, как ростки в зерне,
Всего себя я, уходя, оставлю,
Чтоб снова в них продлиться на земле.

Снег в лесу

Безмолвие лесное безутешно,
И тишина безжизненно-строга.
Среди деревьев даже вьюге тесно,
А на душе – лишь стужа да снега.

Всё дальше, дальше – в глубь глухого леса –
Иду, уже не видимый почти,
След замечает ветер, куролеса,
Чтоб не найти обратного пути.

Под настом шорох перепревших листьев
Топчу, как жизнь минувшую, а там
Почудится, что это смерть по-лиси
Уже за мной крадётся по пятам.

Снег отряхну с деревьев – станет выше
Понурый лес, не размыкая уст;
Среди завалов сумрачных увижу
Весь в алых гроздьях заполошный куст.

Горька калине зимняя опала,
И всё плотнее снега пелена.
Калину соберу – она впитала
В себя печали все мои сполна.

Среди сугробов и деревьев белых
Полны тщетой лесные закрома...
Снег отряхну с ветвей заиндевельх,
И свалится с души моей зима.

По дороге в аул я грущу от потерь,
Остающихся в памяти, словно вина.
Постарело здесь детство моё, и теперь
У ровесников стала видней седина.

В отчем доме пустом обо мне говорят,
По ночам вспоминают ещё невзначай.
Узнаю голоса, что ветрами утрат
Разлетелись по свету: прости и прощай!..

И зачем же я верю, что легче душе
Станет, если вернусь я в далёкий аул?
Как же больно, как трудно стоять на меже,
За которой ты всё для себя зачеркнул...

Дни проходят сквозь нас, как в дырявую сеть,
Но пока я живу, до земного конца
На гвозде моей памяти будут висеть
Материнская шаль и папаха отца.

Я и слепой

Не всходит солнце в небе уже который год,
В тоске живёт ненастьем измученный народ.

Сказал мудрец: «Спешите! Я точно говорю:
Вы все сегодня утром увидите зарю!»

Бежит толпа на гору. В хвосте бредёт слепой,
Как будто сможет солнце узреть перед собой.

Его спросил я хмуро среди этой кутерьмы:
«Зачем же ты со всеми идёшь, невольник тьмы?»

Плетёшься ты во мраке, не зная сам – куда.
Ты и представить солнце не сможешь никогда...»

И он ответил кротко, преодолая путь:
«Пусть я и слеп глазами, но сердцем вижу суть.

Твой взгляд пустой иному я зренью предпочту:
Дано ль увидеть вьяве тебе твою мечту?...»

И я назад вернулся, поникнув головой,
И за слепым продолжил подъём нелёгкий свой.

Ожившая тень

Она, если рядом со мною идёт,
Меня и не видит, и не признаёт:
Не сходятся линии жизни у нас.
Меж нами натянут незримый покров,
И он разделяет надёжней оков
Её и меня – каждый день, каждый час.

Пусть разными кажутся наши пути,
Мы даже не виделись с нею почти,
Меня, словно книгу, читает она.
За мною идёт, как за ночью рассвет,
Как тень, что привычно шагает – след в след,
И помню о ней я во все времена.

День новый сорвёт надоевший покров,
Она словно из параллельных миров,
Подступит почти что вплотную ко мне.
Мне встречу она предрекает, маня,
И это совсем не пугает меня,
Но встретимся мы на её стороне.

Что в завтра меня ведёт

Рассвет напишет без чернил
И пробужденье, и затишье.
Сегодня я не сочинил
Ни одного четверостишья.

Закрыв полнеба пеленой
И омывая наши лица,
Весенний дождик надо мной
Сегодня не успел пролиться.

В потоке неотложных дел
Я не забыл, что люди – братья,

Но нынче другу не успел
Я распахнуть свои объятия.

Слова любви – за слогом слог,
Их, словно лучик солнца глядя,
Сегодня я сказать не смог,
В твои глаза с улыбкой глядя.

Сыновней памятью ведам,
Меж гор, покрытых перламутром,
По узкой тропке в отчий дом
Я не пришёл сегодня утром.

Всему отмерен срок земной.
Ничто не канет безвозвратно.
Всегда надежда предо мной
Идёт в распахнутое завтра.

Песня, которую не повторить

Песню забытую пела, склонясь
Над колыбелью, мне матушка часто.
Пел и отец, и я чувствую связь
С ними, как самое высшее счастье.

С песней, которой неведом предел,
В юность – любимым и любящим сыном –
Я из отцовских объятий взлетел,
Словно орлёнок, к далёким вершинам.

Память бредёт между песенных слов –
Есть в них и радость бегущих мгновений,
Есть и любовь, что во веки веков
В людях останется вечной и верной.

В песне той – знаю – вместились вполне
Жизни стремительной нашей течение
Вместе с надеждой, что сможет и мне
В трудные дни принести утешенье.

Где ж этой песни бесхитростный ритм?..
Где же слова те блуждают по свету?..
Может быть, я и смогу повторить
Хоть одной строчкой мелодию эту.

Ангелы у нашего очага

День за дымкой голубою
Силуэты очернил.
Вечер в городе. С мольбою
Тополь голову склонил.

На пороге тьмы и света
Между небом и землёй
Снова вспомнишь детство, лето,
Год, давно забытый мной.

Мать в молитве. Еле теплясь
Месяц светит на стерню.
Словно дети – в дом слетелись
Стайкой ангелы к огню.

Отставший от небесной стаи

Снова самые родные голоса зовут меня,
Словно тихо приглашают дверь открыть в Господний Храм,
И клинками быстрых крыльев рассекают времена,
Душу вместе с небесами разрезая пополам.

За собой пуститься следом призывают, торопя.
Не спешу. Храню надежду, чуя времени оскал.
Голоса летят по небу. У меня – своя тропа...
От какой крылатой стаи ненароком я отстал?..

В пути

В жизни я прошёл немало.
Много всякого бывало,
Но я радуюсь пути.
И от самого порога
Счастьем выстлана дорога
Мне была, как ни крути.

Много солнечного пыла
Боль души моей вместила.

Чья – не знаю – в том вина.
Я не пасынок у жизни,
Нужен я ещё Отчизне,
И Отчизна мне нужна.

Вот и тёплый берег вскоре –
Все печали примет море...
Крики чаек. Взмах весла.
Солона вода. И странно
Заболят на сердце раны –
Те, что жизнь мне нанесла.

За отцом

Шагал, судьбе отдав долги,
Отец передо мной.
Я повторял его шаги,
Ступая за спиной.

Прошёл поляной напрямик,
Сминая чернобыл,
Ступил на камень – и родник
Из-под ноги забил.

Он луг скосил, а я вдыхал
Травы густой нектар,
И от земли, что он вспахал,
Струился тёплый пар.

И вдруг – исчез, как за стеной,
Почти на сходе дня...
Он дверь захлопнул предо мной
И не пустил меня.

Песня и молитва

День рождён для веселия и куража.
Нам счастливое выпало время, наверно.
Но – кто слышит, как ночью стенает душа,
Как безумие рвёт узловатые вены?..

Каждый дом стал похож на мечеть, на словах
Щедро славится светлое имя Аллаха,
Но без веры едва ли поможет Аллах,
Человек без надежды – лишь горсточка праха.

...Наша песня не раз улетала в туман
И в бескрайний простор над родными горами.
Мы её сохранили. И сшить талисман
Из неё ты сумела своими руками.

В эти дни всё безрадужней стелется мгла,
Но начертаны пламенем строки в Коране,
И молитва, что нашу любовь берегла,
Пусть надёжно хранится в твоём талисмане.

Поймаю луч

Снова стал ты одинок.
Лучше – быть самим собою,
Чем, уже не чуя ног,
В никуда идти толпою.

В спину некому толкать,
Подгонять: давай, скорее...
И не смогут затоптать
Те, кто малость порезвее.

...Ты своим путём идёшь –
Без немислимой погони,
Как глаза Вселенной – дождь
Сыплет капли на ладони.

Звёздный луч свивает нить.
И – скорее по наитью –
Жизнь надорванную сшить
Ты сумеешь этой нитью.

Заря облака золотит.
Вздохни, если сможешь, душа.
Улыбка рассвета летит
Над нами проворней стрижа.

Спасенье – в живых голосах,
В свободе, разлитой кругом.
Но тем, кто забыл о слезах,
Становится небо врагом.

А почва как будто смолой
Покрылась от горьких обид.
Всю ночь над иссохшей землёй
Гроза прорыдала навзрыд.

Уставшие от неудач,
Кого мы теперь удивим?..
Моё поколение, поплачь
Над каменным сердцем своим.

Разговор тишины

Неумолимо карает рука
Гневно оживших небес.
Крики и стоны летят в облака,
Молниям наперерез.

Но умолкает неистовый пыл
Грома, огня и воды –
Словно ладонями кто-то укрыл
Землю от страшной беды.

От горизонта до видимых гор
Воздух звенит тишиной.
Можно услышать, как дышит простор,
Свитый тугою струной.

И на душе унимается страх,
Светел невидимый взор.
И понимаешь: с тобою Аллах
Вечный ведёт разговор.

С неба оглядеть

Ливень повсюду оставил следы.
Душен от влаги начавшийся зной.
Льются в низины потоки воды,
Страшные сны унося за собой.

Души ушедших дрожат на ветру,
Ввысь поднимаясь, как пар над огнём –
Ночью спустившись, они поутру
В небо уходят привычным путём.

Радугу свесило солнце, спеша
Снова забрать их на вечный покой.
С ними моя попыталась душа
Тоже взойти по дуге золотой.

В рай захотела она улететь,
Кануть с другими в заоблачной мгле,
Чтобы оттуда уже оглядеть:
Что же оставит на бренной земле.

В безысходности

Моему другу Замиру Алимирзаеву

Светясь, ко мне явился он
Иначе, чем всегда,
Печаль души, как тяжкий сон,
Развеяв без следа.

Он словно руку мне пожал,
И в суматохе дел
Дня безысходного пожар
Дотлел и догорел.

И я спешил, как будто прочь
Бежал, а изнутри
Пустой мечтой пылала ночь
На пламени зари.

День истончился до конца
И тенью вдоль аллея
Ушёл с улыбкой гордеца
За кроны тополей.

Взгляд ночи тяжек, как недуг,
И он на душу лёг...
Я вспомнил о тебе, мой друг,
Хотя ты так далёк.

Возвращение

Друзьям детства

С радушным открывшимся миром мы были на ты,
Далёкое счастье влекло от родного порога.
Мы верили: сбудутся смелые наши мечты,
И самая светлая нам открывалась дорога.

Звала за собою мелодия, тая вдали,
Пронзая наивные души пленительным током,
Но то, что искали, в пути мы своём не нашли,
И мы возвращаемся снова и снова к истокам.

Навстречу друг к другу спешим мы, как будто на зов,
И детства костры нашу память огнём охватили. —
И кажется мне, что у тех мы остались костров,
Что мы никогда из лугов наших не уходили.

Со счастьем наперегонки

Как мы, мальчишки, старались, бывало,
Детство догнать, что от нас убегало...
Где же теперь оно спряталось... Где?..
Долгую жизнь не разделишь на части.
С горных вершин нам просыпалось счастье —
Детям аула, растущим в нужде.

Как же мы бегали скошенным лугом! —
Не поспевая порой друг за другом,
Перемешавшись со стадом телят,
Споря: ну кто же быстрее на дороге —
Ты иль телёнок, чьи бойкие ноги
Над каменистой землёю летят!..

Каждый нашёл в те далёкие годы
Счастье своё, и печаль, и невзгоды,
Но и судьбы своей не обогнул –
Будь на равнине он или на склоне...
Линией жизни лежит на ладони
Тропка, ведущая в горный аул.

Твоё счастье – в тебе

А счастье – есть...
Хотя ещё пока
Оно и не заметно под камнями,
Но чувствует мудрец издалика
Биение, не слышимое нами.

В пластах земных его таится суть,
И жаждет счастье, чтоб его позвали.
Седой старик ему укажет путь,
И ручеек пробьётся сквозь завалы.

Услышь его, вдохни блаженный хмель,
Опять вернувшись к отчему порогу.
А счастье – не за тридевять земель.
Оно – в тебе...
Открой ему дорогу.

Иду...

Подобна вершина горы острию.
Вокруг – лишь туманная муть.
Я чаще уже с сожаленьем смотрю
На некогда пройденный путь.

А раньше зима мне казалось другой,
И снег мне казался другим:
На солнце сверкал, иль весёлой пургой
Кружил, невесомый, как дым.

Лечил он все тайные раны мои,
К лицу прикасался, хмеля,

Он падал на плечи, и были малы
И горы ему, и земля.

А нынче у снега не та белизна,
Насуплено небо всерьёз.
Похожими стали, увя, времена
На чёрствое сердце без слёз.

Судьба мне и радость несёт, и беду,
Блестит седина на висках,
И всё-таки я по привычке иду
К вершине, что спит в облаках.

Осенний вопрос

С губ твоих ненаглядных сорвалось: «Зачем же, любимый?..» —
Пожелтевшим листком, что на стылую землю летит.
Я не знаю ответ, но горит огонёк негасимый,
И листок, словно крик, душу мне вновь и вновь бередит.

Рядом с садом дымится костёр из зардевших листьев,
И сгорели дотла в том огне наши чувства с тобой,
А счастливая осень ушла, и, как прежде, неистов
Ветер дней, что минувшие годы засыпал листвою.

Я стою под деревьями утром осенним и мгlistым,
В сердце льётся мелодия всех нерешённых проблем.
Подставляю ладони парящим безрадостно листьям,
И пылают они от вопроса: «Любимый, зачем?..»

Влюблённая попутчица

Светится луна в подоле неба,
Высоко её полночный скит.
И свозит в её улыбке нега,
И влюблённость золотом блестит.

По дороге в город из аула
Тороплюсь к любимой налегке,
А луна опять мне подмигнула,
Поплыла совсем недалеко.

Долгий путь проделали мы с нею.
Вот и дом, уже объятый сном,
И луна, предать меня не смея,
Засияла прямо над окном.

Обниму любимую, и зыбко
Мглой луна укроется, устав,
Лишь осветит лунная улыбка
Женщины прекрасные уста.

Ветер родного края

Вновь волна накроет штормовая.
Прошлое становится длинней,
На песке следы мои смывая,
Оседая белой пеной дней.

Перемены разными бывают,
Но боюсь я тех, что за гроши
Самое родное выбивают
Из моей растерянной души.

Постучит в окно весенний вечер,
Тёплый, как парное молоко.
Мне спасенье дарит только ветер,
Уносящий мысли далеко.

Долетают прошлого крупинки
С ветром детства: сон мой, тишина,
Запах закопчённой керосинки,
Бабушкой зажжённой у окна.

Вязанки горестей

Горестей на сердце, как вязанок
С хворостом, моя носила мать.
Сколько – не сочтёшь, хоть спозаранок
Начинай – не сможешь сосчитать.

Разожжён тандыр – не без причины,
Лето разгорается, звеня,

И ломает мама хворостины
Для неприхотливого огня.

И в огне сгорает без разбора
Груз её печалей и обид.
Улыбаясь, весело и споро
День под горку солнечный спешит.

Снова в топке горести пылают:
Хлеб печётся шумной детворе.
Только никогда не убывают
Хвороста вязанки во дворе.

Свирель

Обрушилась Родина в бешеном вихре
В провал, с четырёх подступивший сторон.
Умолкла лавина, овации стихли,
Но песен не слышно под крики ворон.

Из деревца прошлого время сумело
Свирель смастерить, чтобы выдохнуть трель.
На краешке пропасти бедность присела,
Смеётся и плачется в пальцах свирель.

Ждёт меня на холме

Здесь детство забаву найдёт по себе:
Играет, и сердце трепещет в груди.
Но дети уходят навстречу судьбе,
Оставив и холм, и аул позади.

Присела здесь старость, блестит седина,
Сидит, замерзая, грустит о былом,
Теперь ей осталась дорожка одна:
На кладбище – с той стороны за холмом.

Когда-то грядущее виделось мне
Отсюда, в большую дорогу маня,
Но детство едва ль ждёт меня на холме,
И старость никак не дожждётся меня.

Жизнь подаривший камню

Мастер знает секрет – вот и вся недолга:
Душу в камень вдохнёт камнетёса рука,
Чтобы камни хранили огонь очага,
Чтоб осталась работа его на века.

Но однажды в обтёсанном горном куске
Он увидит себя, только – много старей,
И оставит он камень лежать на песке,
Завещая его для могилы своей.

В реке

Беспокойно, без тени смущенья
Жизнь потоком приносит рутину,
Но я двигаюсь против течения,
Защищая открытую спину.

Осаждаю я реку: «Полегче!
Не утопишь!»
Надёжнее стали
Подставляют широкие плечи
Мне родные и гордые скалы.

И утихнет река ближе к снегу,
Отразится в ней небо такое,
Что пойду я по синему небу
Над бессильно умолкшей рекою.

Зов в дорогу

С вокзала отправляющийся поезд
Зовёт в дорогу, видно, неспроста.
Запрыгнуть бы в него и жизни повесть
Начать сначала – с чистого листа.

Уехал бы на край земли, за дымом
Иных костров и к небесам ничьим.
Пусть попутчик будет нелюдимым –
Неважно – посидим и помолчим.

Всего в дороге встретишь понемножку,
Засмотришься, почти что не дыша,
Приветливо поля глядят в окошко –
Широкие, как русская душа.

Такой простор! Такой избыток места!
Песнь жаворонка вьётся в вышине,
Берёзы, эти «белые невесты»
Опять напомнят мне о Шукшине...

В тепле пристанционного буфета
Себе немного выпить закажу,
У тёмного окошка до рассвета,
Совсем забыв про время, просижу.

Усну под стук колёсный без печали,
Пока горит последняя звезда...
Жаль, не меня сегодня на вокзале
В дорогу ожидают поезда.

За счастьем

За мечтой своей погнаться мне бы,
Только не догонишь нипочём.
Счастья колесо теперь по небу
Катит детским солнечным мячом.

Мяч гоняя, я юнцом оббегал
Босиком окрестные поля,
И тогда я тайну счастья ведал,
Старый мяч пиная и пыля.

Он теперь плывёт над головою,
Высоко сияет во плоти.
Я иду, не зная, что открою
Или потеряю по пути.

Поиск счастья призрачного вечен –
Не догнал его я до сих пор.
Плавно мяч скрывается под вечер
С неба – за кладбищенский забор.

Зима – ожидание

Быть счастливым – не отыщешь средство,
Улетело счастье, словно дым.
Не смогло измученное сердце,
Птицей став, последовать за ним.

Под свинцовой тяжестью печали,
Холода не в силах превозмочь,
Даже ветви дерева зачали.
Я не знаю, как ему помочь.

Обнял бы я мир – почти пропавший,
Отогрел, склонившись головой,
Но огонь, в груди моей пылавший,
Догорел осеннею листвою.

Чтоб мечту спасти в озябшем сердце,
Сохранить тепло зиме назло,
Возвращайся! Положу я сена
В брошенное ласточкой гнездо.

Кто знает...

Разлуки музыка слышна,
И в ней тоска звенит,
А что душе даёт она,
Душа не объяснит.

Назойлив дождик, морося,
Полнеба протекло.
Уходит осень, унося
Последнее тепло.

Как боль разлуки утерпеть?
Прощальный сладок свет,
И птицей хочется лететь
За осенью вослед.

Уходит, листья вороша,
Печальна и проста...
Что ж так светло, когда душа
Осенняя пуста?..

Недалеки времена
Белых туманов всуе,
Чтоб и душу до дна
Вычерпать подчистую.

Снова затронут они
Грусти звучные нити.
Ныне же – райские дни,
Лето в самом зените.

Солнышка круговорот.
Небо – в белых овчинах.
Бабка сидит у ворот
Вся в счастливых морщинах.

Что же, душа, ты поёшь,
Ввысь взлетая с размаха,
Что же ты песни поёшь,
Развесёлая птаха?..

Не меняется лишь одно

На стёжки сыплется весна, деньки её легки.
Увядшей снежной мишурой у мира на виду,
Мечтам подобно, на земле белеют лепестки,
Упав с деревьев молодых в сияющем саду.

Как много вёсен лили свет в лазурной вышине!
Надежды таяли порой, как поутру роса.
И сколько раз ещё весна подарит счастье мне,
С дождями майскими его с собою унося?..

Ждать день за днём – святой удел, я неизменно жду
С надеждой, что свершится то, чего не ждал уже.
Вот-вот наступит листопад, и в золотом саду
Зажжётся дерева свеча, как огонёк в душе.

Останется оно

Такие дни стоят, как будто лето
На снежном небе сделало окно.
Открылось сердце от дыханья света,
На радость и любовь обречено.

Ростки зимой проклюнулись на почве,
Глазами счастья глянули на луг,
И словно бы по-своему лопочут,
Что покорили целый мир вокруг.

Жизнь не приветит лживых, полусонных
И равнодушных – тем и хороша!
И, как подсолнух тянется за солнцем,
Так и за жизнью тянется душа.

Наполнена она и гулким небом,
И счастьем, превращающимся в сны,
Пусть и накроет это счастье снегом,
Оно во мне пребудет до весны.

Первая любовь

Найдём ли мы слова, когда весна
Вдруг улыбнётся нам в своём начале?
А я уверен: встреча суждена
Так много мы друг другу не сказали.

Быть может, ни к чему пытаться вновь
Менять судьбу, переплеть ладони.
Пусть остаётся первая любовь
Укромным родником на горном склоне...

Мы встретимся на краешке зимы
И помолчим, пока бормочет вьюга,
Иль разойдёмся так, как будто мы
Случайно не заметили друг друга.

Счастье танцует под старым орехом,
Прошлое счастье всему вопреки
Ставшее ветками, листьями, эхом,
Руслom почти обмелевшей реки.

Дни, как орехи, стучат, не кончаясь,
Падают. Время сжигает мосты.
Кружатся листья – прощая, прощаясь,
Словно наивного детства мечты.

Осень, спеша, замешает, как тесто,
Годы надежд, что покинули нас.
Бедное, слишком счастливое детство
В кроне высокой укрылось от глаз.

Дни обрываются, словно орехи,
Дождик беспечно смывает золу.
Шепчутся ветки. Смыкаются веки.
Молча сажу, прислонившись к стволу...

Раны детства

Добравшись до вольной равнины,
Медлительной стала река.
А помнишь, неспешная ныне,
Ты наших вершин облака?

Характер твой – горский и буйный –
Отточен обломками скал.
Едва ль ты в спокойствии будней
Забыла ущелий оскал.

И камень тебе не помеха –
С горы принесённый водой.
Из детства далёкого эхо
С истока летит за тобой.

Ныряю без страха и горя
В тебя, как когда-то давно,
И напоминает мне горы
Твоё каменистое дно.

Как в детстве саднили багрово
Рубцы! Но намного больней
В душе открываются снова
Зарубки от острых камней.

Твоя страна

Когда для ближних, впавших в раж,
Чужим ты станешь человеком,
Возьми листок и карандаш,
Лес нарисуй, укрытый снегом.

И уходи туда скорей,
Мороз приемля сердцем вещим,
Чтоб имена бывлых друзей
Деревьям дать заиндевевшим.

И оживёт лесная тишь,
Деревья встретят, словно брата.
Ты правду каждого услышь,
Пускай и горькой будет правда.

Ты душу каждому открой,
И станет лес твоей вселенной,
Твоей сакральной страной,
Твоею тайной сокровенной.

Тепло в душе сохранившие руки

Судьбу себе не выберешь иную.
Когда-то были мне всего милей
Штаны с рубашкой, сшитые вручную
В далёком детстве матерью моей.

В ту пору я догнать пытался счастье
С друзьями, слыша будущего гул,
И всё, казалось, было в нашей власти,
И центром мира был для нас аул.

Одежда та давно уже истлела.
Ношу костюм, но как мне повезло,

Что греет душу до сих пор и тело
Святое материнское тепло.

Любовь её подкладкой послужила
Вещам – немало сил на них ушло,
Иголкой детства мама их пошила,
Вставляя бедность в узкое ушко.

Что же он сказал?..

Солдат неслышно подошёл
И у костра присел.
Его волос волнистый шёлк
Ещё не поседел.

И молча он в огонь глядел,
А даль была пуста.
В Победный день костёр горел
Десятки лет спустя.

Сидел, боями обожжён.
Далёк его был путь.
Не ведал о Победе он
Хотя бы что-нибудь.

Боец, как видно, жил войной,
И боль его остра...
Два внука рядышком со мной
Играли у костра.

Пред ним я, может, виноват
Всей правде вопреки?
Не торопясь ушёл солдат,
Мне не подав руки.

В ночи исчез он, весь в дыму,
Тих и суров с лица...
Что он сказал мне – не пойму,
Но вспомнил я отца.

Дверь туда

Почти никто не ходит на луга,
В июле сено вовремя убрав.
Невестами красуются стога.
Босые ноги колют стебли трав.

День угасает, словно в поддавки
Уже играет с ночью полчаса.
Иду за ним вослед и у реки
Знакомые я слышу голоса.

Купаются друзья. Вода тепла,
И, догорев почти, закат ослеп.
А мама хлеб в тандыре испекла –
Что может быть вкусней, чем этот хлеб!

Ждёт мама, поправляет свой платок.
Её лицо ещё хранит зарю.
А я ныряю с берега в поток
В который раз и дна не достаю.

Беги, река, звени среди камней,
И в памяти моей не умолкай –
Пусть в душе останется моей
Открытой дверь в тот невозвратный рай.

Счастливый

Положил убогому в ладонь
Деньги, но, замешкав по дороге,
Будто бы я дал ему огонь:
Он швырнул их, скомкав, мне под ноги.

Взгляд отвёл я, этим поражён,
А чужак с усмешкою короткой,
Словно я – убогий, а не он,
Прочь пошёл неспешною походкой.

Мой последний отрезок земного пути,
Самый-самый короткий и длинный,
Будет лёгким, оставив года позади,
Что промчались лавиной.

Ты не плачь, моя милая: слёзы – вода,
Не тужи: жизнь и смерть – два начала.
Прочитай те молитвы, какие всегда
В трудный час ты читала.

Помолись обо мне, отдали забытьё,
О своей ты не ведаешь силе.
Помолись, чтоб со мною и имя моё
Не предали могиле.

Луна напротив

Д. Г.

Многое я прочитаю в печальных глазах
Или в твоём угадаю лице без изъяна.
То, что, увы, ты не в силах сказать на словах,
Тихой свирелью тоскует в тебе постоянно.

Ночью ты выйдешь навстречу, по небу скользя,
Чтобы в окошко моё заглянуть, догорая.
Так почему же блестит на ресницах слеза,
Словно во мне сомневаешься ты, дорогая?

Есть у меня и к тебе те же чувства и свет,
И приоткрыть их душа истомлённая рада.
Знаю, услышишь и ты мой безмолвный ответ,
Только зачем моего избегаешь ты взгляда?..

Плачущий сад

Прошёлся мелкий дождь осенним садом,
Поплакавшись, как будто не всерьёз.
Деревьев счастье с первым листопадом
Растаяло, оставив капли слёз.

В них – крик души, печаль, тоска по раю
И радости оборванная нить.
В ладони с веток слёзы собираю,
Стараясь ни одной не обронить.

Подкрался вечер тихо, словно кошка,
И слёзы осушил за полчаса.
Бессонной ночью слышу у окошка
Из плачущего сада голоса.

Ожидание

Беззвёздной ночи тусклый взгляд.
Покоя нет очам.
Что ж раны старые болят
Сильнее по ночам?

Я знаю, ночь, тоску твою,
Когда с тобой вдвоём,
И знаешь ты, что я таю
В молчании своём.

Судить об этом не спеши
И лучше помолчи.
Не оторвётся от души
Боль – сколько ни кричи.

Ты ждёшь: черным-черна, как смоль,
Вся в звёздах, как змея.
Луна твою разделит боль,
И прочь уйдёт моя.

Как тогда – и мороз, и зима.
Снежной маской природа застыла.
След ищу свой к тебе, что сама
Ты, наверно, давно позабыла.

Нет следов – вся дорога бела:
Так давно мы с тобой распрощались.
Вот и наша седая скала,
Где мы тайно когда-то встречались.

Снег со всех заметая углов,
Стылый ветер не может согреться.
Чуть заметна цепочка шагов,
Что прошла одиноко – по сердцу.

Кто ж любовь теперь нашу найдёт?
Не осталось её и в помине.
Трону ветку – и в снег упадёт
Предо мной гроздь замёрзшей калины.

Наш спор

Не друг ты мне, не враг ты мне.
Наш спор не подойдёт к концу.
Душа моя – как на войне –
Всегда с тобой лицом к лицу.

Мой путь среди горных скал тернист,
Его так просто не пройдёшь.
Порой, когда срываюсь вниз,
Ты всё же руку подаёшь.

Душа рыдает, а вокруг
Мир слишком ярок, как мираж.
Поёт душа и слышит вдруг:
Играют похоронный марш.

Извечным спором стал подчас
Наш путь земной день ото дня.
Не знаю, кто же прав из нас,
Но ты, судьба, хранишь меня.

* * *

...Лишь станет небо белым молоком,
Заря взвощётся росчерком крыла,
Сползут ночные тени за окном
Невольно с розоватого стекла.

Увижу, как уходит в тишине,
Расцветившая бледный небосвод,
С высоких звёзд пришедшее ко мне –
Уходит и с собой меня зовёт.

Стекло хранит следы молитв и дел,
Оконный разгорается прогал,
И кажется – над снегом полетел
Тот, кто всю ночь меня оберегал.

Счастья миг

Когда-нибудь, чтобы увидеть,
Вернусь к тебе мысленно, но
Себя постараюсь не выдать:
Другую ты стала давно.

У дома знакомого стану –
В былые приду времена.
Быть может, в предчувствии странном
Ты будешь стоять у окна.

Всю боль заберу твою взглядом.
Мне хватит для этого сил...
Но ты не узнаешь, что рядом
Сегодня с тобою я был.

Оторванная судьба

Бросив гнёзда свои, улетели на юг
Наши ласточки – как в никуда.
Дом остыл и просел без заботливых рук.
Подбирается к стенам беда.

Ветер в окна пустые крадётся, как зверь.
Дом скрипит, обречённый на слом.
В край родной я вцепился судьбой, словно дверь
Ухватилась за старый проём.

Замолкает аул. Старики без труда
По дворам разбрелись, как один,
Чтоб не встать на пути молодёжи, когда
Их в мечеть позовёт муэдзин.

Грусть вечерняя. Дворика светлый овал.
Спать уже все печали легли.
Скрип умолк: это уличный ветер сорвал
Дверь с единственной ржавой петли...

На зов

Когда накрыла этот мир, как саваном, зима,
Пролёг тропинкой на снегу из труб окрестных дым,
Я голоса услышал и – за дымом, за дома –
Пошёл на чудный зов к местам и временам иным.

Иду без страха, а в душе – молитва и Аллах.
Душа почти глуха, и нет в ней счастья и беды.
Осколком теплится во мне прошедшей жизни прах,
И слёзы льёт над ним любовь, скорбя на все лады.

А встречный ветер шепчет мне про горькую юдоль,
Мол, даже родины твоей уже на свете нет...
Но, укрывая раны льдом, преодолая боль,
Иду и в вечность сквозь снега прокладываю след.

Никто не сможет сосчитать моих дорог в горах.
Ночами мне казались дни, а жизнь – людской рекой.
Слова все сказаны. В душе – молитва и Аллах...
Аул мой... Снегом убит кладбищенский покой.

В сырой земле моих родных покоятся гробы.
Кто боль поможет мне унять хотя б на краткий миг?
Не смог я прежде разделить всю горечь их судьбы.
Могильным камнем встану я невдалеке от них.

Вера

Жить на свете, так просто и праведно жить,
Позабыв о несбыточных грёзах,
Памятуя о смерти, ничуть не тужить,
Зла не видя в извечных вопросах.

Верить лъстивому яду фальшивых друзей –
Принимаю их правду такую,
Не обманывать тех, кто судьбою своей
Грусть и счастье разделит с тобою.

Верить в свет, став наивным, почти как дитя,
Что стихи, улыбаясь и плача,
Боль души исцелят, вновь и вновь приходя,
Как главнейшая в жизни удача.

Верить в то, что печали бессонных ночей,
Мысли про роковые ошибки,
Как туман под сияньем рассветных лучей,
От любимой растают улыбки.

Плач по осени

Эта осень не в силах расстаться со мной,
Словно жизнь, полая над убраным садом.
Навсегда опалила виски сединой
Страсть, горящая в сердце моём с листопадом.

В небо тянется дым, как пушистая нить,
Счастье, прахом летя, оседает на озимь,
Тщетно тени тех дней я пытаюсь схватить:
Больше не повторится подобная осень.

А в уставших глазах затаилась печаль,
Чтоб вот-вот и – пролиться слезами иль словом.
Слышу зов с высоты, но мучительно жаль,
Что нельзя мне взлететь, устремляясь за зовом.

Распрощалась небесная высь с синевой –
Дождь над садом потоками льётся и льётся.
Не об осени ль небо рыдает со мной,
О той осени, что никогда не вернётся?

Эта осень дарила любовь, не идя на попятный,
Нас вбирая в себя, словно солнечный свет, с головой.
Зажигались сердца, трепеща от осенних объятий.
Сколько страсти увидел наш сад с золотою листвою.

Соловьём пело сердце, о тайнах своих говорило,
Жизнь и смерть отступали пред счастьем, смежая крыла.
А сегодня – смотри: белым саваном землю укрыло,
И заснежило осень, что будто навечно пришла.

У родника

Вчера, когда к тебе преник,
Был счастьем полон ты,
Сегодня ж горше нет, родник,
Твоей святой воды.

Она сверкает, словно сталь,
Ключи, журча, поют.
Как в сердце, радость и печаль
В тебе нашли приют.

Сквозь воду видно, как по дну
Струится память лет.
Бросают камни в глубину,
Но твой не меркнет свет.

Вчера я счастлив был вполне –
Смог счастье пригубить,
Сегодня ж на коленях мне
Придётся горе пить.

Далёкая песня

Давно я ушёл из аула,
Но в городе жить устаю.
Как будто бы в очи взглянуло
Мне дерево в отчем краю.

Его посадил я у дома,
Чтоб ветви росли в высоту,
И в кроне, что с детства знакома,
Свою я оставил мечту.

Листва эту тайну не прячет,
Поёт и трепещет она,
И песня ликует и плачет,
Покоя лишая и сна.

Звенит колокольчиком детство:
Я к маме прижался, малец,
И, словно совсем по соседству,
Счастливый смеётся отец...

Молчу, и расплакаться впору
От песни листвы на ветру.
Увы, пред собой не опору
Я чувствую, а пустоту.

Под деревом детства понуро
Стою на извечной меже –
И не паренёк из аула,
И не горожанин в душе.

Песня года

Пролетел дуновеньем ещё один год,
Словно песня, ушедшая к Богу,
И не ясно душе: что же в будущем ждёт,
Что в груди успокоит тревогу?

В этой песне звучали слова про любовь,
Что затронула чувства невольно,
Но любовь безответной осталась, и вновь
Вспоминать о ней горько и больно.

И о счастье нашлись в этой песне слова –
Никому не подаренном счастье
Со слезами в глазах, различимом едва,
Словно зимнее солнце в ненастье.

Пролетевшие дни не вернутся уже.
Умолкает напев понемногу.
Песней трепетной год отзвучал, но в душе
Не унял он печаль и тревогу.

Слушать хочу...

Юнцом, шагая по дороге,
Не ведал я, куда идти,
Но песню сердца пел, под ноги
Совсем не глядя по пути.

Будил аул своею новью,
Лишь головой качал народ,
А я дарил горам с любовью
Весенних чувств водоворот.

И чем звучала песня чаще
Моя, тем реже слышал я
Как бьёт родник в цветущей чаше,
Как льются трели соловья...

Сегодня молча я внимаю
Журчащим водам родника
И птичий щебет понимаю
Уже почти наверняка.

И слышу: вот встаёт с рассветом
Аул, чтоб новый день прожить,
Вот детвора вослед за летом
По узким улочкам бежит...

Теперь мелодию иную
Таит душа без лишних слов,
Как из криницы речь родную
Пью, слыша говор стариков.

Я слышу, что не слышал прежде:
Как край мой дышит и живёт.
Всё чаще я молчу, а песне
Ещё наступит свой черёд.

Игорь Рымарук

(1958 – 2008)

с украинского

* * *

Вячеславу Медведеву

И все мы здесь – толпой, вертепом, цепью.
Века над морем и над нашей степью
плывут, как дым.
Дозором встала церковь на пригорке.
Летит над миром на коне Георгий.
И волки с ним.

Вернёмся на родное пепелище.
Земное в гору, к поднебесной выси
водой течёт.
Огонь клубится из драконьей пасти.
Но сгинет зло. Его не будет власти.
Копьё спасёт.

Ты тоже подставляешь грудь ударам
в стремлении своём прожить не даром
хотя бы миг.
Из лабиринта хода не бывает.
Поэзия-Медея убивает
детей своих.

Они того хотят. Им это надо.
Пусть вместо них взойдут побеги сада
сквозь холод зим.
Над мёртвой ночью, над землёю горькой
летит по небу на коне Георгий.
И волки с ним.

Никого-никого не возьму
я с собой. Может быть, как калику,
проведу коляду через тьму...
О печали б поведать великой –
да не знаю, кому.

Запечатаны болью уста.
Одиночество сбросить не смею.
На любимые светом места
оседает безмолвье, темнея,
точно тень от креста.

О мелодия счастья-беды,
я поверю, что ты не случайна,
я уйду, как течение воды, –
лишь твоё оживил бы звучанье
чистый свет коляды.

* * *

Тут стерня не колет
под протяжной синью.
Снова это поле
поросло полынью.
Отошли в былое
тучные колосья.
Сеют семя злое...
Via Dolorosa.

Вкрадчивая челядь
кровь с престола смыла.
Мрак кромешный стелет
дьявольская сила.
Поднимите веки
Вия малоросса!
Маски и калеки...
Via Dolorosa.

* * *

Иссякнут строки, словно выдох.
С рассветом станет белым месяц,
Он вещий смысл стихов забытых
в моём сознании замесит –
свободно, несусветным вздором
взойдёт безумие, как тесто...

Где ж сумасшедший дом, в котором
отныне мне не будет тесно?!

Когда, сжимаясь, как пружина,
перегорит огонь заката –
невольню и уже бессильно,
тогда через порог палаты
ты тихо переступишь снова,
мой взгляд узнаешь, не поморщась...

И онемееет рядом слово –
мой духовник и мой надсмотрщик.

* * *

Вот он: чёрный, последний порог.
Нас так мало – похожих и разных.
Что ж рубашку, что к смерти берёг,
Одеваешь, как будто на праздник?

Жизнь прожита уже наперёд,
И, устав искушеньями бредить,
Ты выходишь на свет из ворот,
чтоб врага закадычного встретить.

Чтоб вдвоём – в пух и прах – до конца
по хмельным кабакам промотаться,
чтоб под утро кусками свинца,
как крестами с груди обменяться.

Я не тут, скорее, где-то
в тридевятиом далеке.
У меня есть море света
вместе с датой на листке.
Для удачи есть подкова,
сеть, изорванная сплошь...
Иногда случайно слово
протопочет, словно ёж.

Мне в воде заметны с суши
каждый камень и моллюск.
За измученные души,
как умею, помолюсь,
за чужие: рвутся в чашу,
а витали б меж олив...
Лишь одной своей пропащей
не сумел, не отмолил.

Сладок мир, как мысль о мёде,
слишком горек от цикут...
И меня вы не найдёте:
я недолго буду тут.
Улечу, как будто не был
здесь, в кромешной темноте
обретая муку неба
вместе с датой на кресте.

Александр Рыхлюк

(1957 – 1992)

с украинского

Credo

Твой бог – как боль, и ты – как тень
В погожий день.
И в суете, и в немоте,
Не зная, где –

Несёшь себя за шагом шаг
В полон страстей,
И в их руках, как на ножах
С душой своей.

А доля, точный добрый след,
Дрожит внизу.
И час плывёт. И на весле
Таит грозу.

* * *

Не только светлым и не только белым
На долю выпадает белый свет.
Но только бы душа не огрубела,
А верила бы и любить умела,
От пустоцвета отличая цвет...

И все из нас в свои сплотятся рати,
Но лишь в любви мы будем заодно.
Приходят люди в мир не смерти ради.
Врачует память беды и утраты,
И только ей лекарства не дано.

Жизнь отгорит. И здесь, под солнцем давним,
 Пред мглой столетий станут выцветать
 Мои тропинки, шитые следами
 Судеб попутных и идущих вспять.

Я простоты и сложностей не жажду,
 Но, как у ночи, отданной дождю,
 У смерти – обессиленно и жадно
 Я попрощаться с миром попрошу.

с украинского

Так аисты, летя на юг проворно,
 Далёких дней не зная наперёд,
 Не верят, что на брошенном подворье
 Зелёной бездной тополь зацветёт.

Уже тот цвет укрыл виски знакомо.
 Рождённый, чтоб размашисто идти,
 Боюсь молчанья, как боятся грома,
 И грома средь молчащей суеты.

Жизнь отгорит. Нам не открыты сроки.
 Века молчат, и только прах путей
 В себя вбирает души и дороги
 От наших отрывных календарей.

* * *

Александр Черненко

С тобою не случайны мы на свете –
 Не пререкайся, исходя на крик.
 Прими достойно прошлое наследье –
 То, что возможно выпытать у рыб.

Лежат на дне могилы и пороги.
 Горят на дне печати и слова.
 Они до нас доходят понемногу,
 И слава в них казацкая жива.

Не торопись менять хвалу на плети.
 Отмоется святых останков суть.
 И кто мы есть, какого рода дети:
 Судить не тем, кто ныне правит суд.

* * *

Тревожное поле
Секут молодые дожди.
Стреножены кони.
А я ещё жив. Подожди!

Огни электрички.
Вагоны, летящие вдаль.
Не слышишь? Не знаешь?..
А может, и знаешь... Едва ль...

Я всё отдаляюсь.
Колёса стучат на бегу..
Стреножены кони.
Белеют на чёрном снегу.

Роман Скиба

(родился в 1970 году)

с украинского

379

с украинского

* * *

Последняя пустая электричка.
Рассвет уставший кашляет в перрон.
У осени есть вздорная привычка:
Гасить зарю отчаяньем ворон.
И город спит – невинен и порочен,
И сны текут, как мутная вода.
И, как никто, забыть умеет осень
Всех тех, кто в ней исчезли навсегда.
Гитара плачет, задыхаясь дымом,
Чтоб чьи-нибудь да встретились пути.
И хочется быть осенью любимым
И снова к одиночеству прийти.
И самой горькой правды неизбежность
Размоется в дождливых голосах.
И в осени останется лишь нежность,
А может, только слёзы на глазах.

* * *

Снег идёт в незнакомых местах.
Снег идёт в отшумевших столетьях.
Я не страх, я не страх, я не страх,
Я лишь шорох в ветвях и поветях.
Над листвою смеётся шоссе,
И рыдают над тьмой светофоры.
Но не все, но не все, но не все
Отгорели неспетые зори.
Мне не нужно ни снежных седин,
Ни рассветов, ни времени – сжался:
Я один, я один, я один
На крылечке твоём задержался.
Снег идёт из немой темноты,
Снег идёт по замёрзшему раю.
Только ты, только ты, только ты
Погубила меня, дорогая.

* * *

То ли призрак, то ли конный...
Три дороги, темный лес.
Стук подков – глухой и сонный.
Пьяный ветер. Мрак небес.
Будет ехать прочь куда-то
И, как пыль, сойдёт с дорог.
Довбуш выглянет из хаты
И присядет на порог.
Вслед посмотрит взглядом старым,
И в глазах – наперерез –
Вспыхнут чёрным, сникнут карим...
Три дороги. Тёмный лес...

* * *

Заглядевшись на звёздные лики
Сквозь пустую фонарную дрожь,
Усмехнёшься и станешь великим,
Усмехнёшься и станешь как дождь.

Если в небо за аистом лёгким,
Бросив всё, устремисья вдогон, –
Усмехнёшься и станешь далёким,
Усмехнёшься и станешь как он.

А когда за оставленным следом
Ты поймёшь, что земля не твоя, –
Зарыдаешь и станешь последним,
Усмехнёшься и станешь как я.

Марево

Сто солнц. Ржавеет озеро. Пар ходит над волнами.
Они считают тонущими нас.
Шуршит полоска берега сухими камышами,
К воде перенагретой наклонясь.
Дыханье неподъёмное парует и искрится.
И бросишь взгляд туда, в глаза беды,
Где чёрным дно вздымается, где жёлтый ил клубится,
Где первый страх выходит из воды.

Ко мне пришла она с темнотою.
 Огонь рассыпался по стене.
 Меня спросила: «Ты знаешь, кто я?»
 Я знал. Я видел её во сне.
 Клубился голос в мгновеньях серых:
 «Быть может, знаешь, кем был ты сам?»
 А я был зверем, и жил в пещерах,
 И поклонялся лишь небесам.
 Настигла память – я вспомнил волю.
 Качнулся клён на её волне.
 Я вновь услышал, как звери воют,
 Себя жалея, скорбя по мне.
 ...Я шёл туда, где, не зная скверны,
 Рыдают звери на склоне дня.
 «Ты мне не веришь? Вернись, поверь мне...»
 Конечно, верю. Прости меня.

* * *

Завтра будет вечер для истории.
 Затрещит, сходя с ума, мороз.
 Пожелайте славы-виктории,
 Пожелайте, пусть и не всерьёз.
 Я пойду – простой и не униженный,
 Я пойду, как все мои снега,
 Не чужой, не преданный, не признанный,
 Вот и вся, пожалуй, недолга.
 Узелки останутся для памяти.
 И, как звон по всем, что пали ниц,
 Свет мой загудит в потоках пламени,
 Вырвавшись из тающих зениц.

* * *

Марьяне Неймете

Туман на склонах гор твоих колдует,
 Без счёта здесь знакомых мне примет,
 Где дева-ночь со старцем-днём толкует
 Про облетевший папоротника цвет.
 Настигнет отсвет утреннего крика,
 И, как впервые, задрожит рука –

Затем лишь, чтоб, из крика сделав скрипку,
Порвать все струны нежностью смычка.

* * *

Я падал, отзывалась мне вода.
Легко споткнуться перед тишиною.
И шелестела верба у пруда
Про строчки, не написанные мною.

Давно и навсегда мой смех затих.
Над стёжкой ветви чёрные согнутся...
Чтоб девятнадцать осеней моих
Пришли руки ослабленной коснуться.

* * *

Две искры выскользнут из тьмы,
Перегорев в вишнёвой пене.
Но – то не мы. Не мы. Не мы.
То свечки отблеск льют на стены.
Лишь тишина со всех сторон.
Бессонница подобна хвори.
А дальше – ночь. А дальше – он,
Наш чёрный сторож в коридоре.

* * *

И долго буду жить я, как печаль.
Я буду жить прозрачными ночами.
Причаль, причаль, Телесик мой, причаль
До двух миров, обласканных дождями.
Один – широкий, долгий-долгий свет...
Немного злой, а в общем-то, хороший.
И мой – второй – простывший, точно след,
Как старый след, засыпанный порошей.
И долго буду жить я, как печаль.
Она во мне колышется ветлою.
Причаль, причаль, Телесик мой, причаль.
Когда б причалил – было бы нас трое...

Дафинка Станева

(родилась в 1957 году)

с болгарского

383

с болгарского

Бессилие

С тобою толпятся красавицы рядом,
Но этот удел не по мне.
Я – серной в капкане – ловлю тебя взглядом,
О Судном не думая дне.

В бессилье я связи привычные рушу,
Сливаюсь с толпой не дыша.
Капелью в мою неприютную душу
Твоя постучится душа.

Я свет свой тебе посылаю нетленный,
И вновь, не жалея себя,
Дарю бесконечность коротких мгновений,
И нити сплетает судьба.

Не хочется, чары призвав на подмогу,
Нарушить твой мир и покой,
Но снова к тебе указывает дорогу
Господь мне своею рукой.

Стена

Оградил ты Великой китайской стеной
все мои устремленья и чувства.
Постоянно держать этот щит предо мной –
согласись – непростое искусство.

Ты взял гордость союзником в страстном бою,
бросил армию слов в наступленье,
и разрушил ты нежную крепость мою,
пошатнув небеса в исступленье.

И молчал небосвод, равнодушно жесток
к этой драме – извечной и старой,
лишь следил, как любви моей чистый поток
становился пустыней Сахарой.

По ночам над стеной я летаю, как тень,
рассыпаясь бесплотными снами.
Ничего нет прочней и безрадостней стен,
возведённых людскими словами.

Василь Струтинский

(1946 – 2003)

с украинского

385

с украинского

Черниговский мотив

С седого Вала лёгкой бирюзью
Подёрнут зимний, снежистый покров,
Но кажется – весеннею грозью
Мне заполняет сердце до краёв.

И каждый миг, как искренняя фреска,
Как молодой пронзительный рассвет,
Глазам открыта тайна поднебесья,
И на любой вопрос готов ответ...

Скифская пектораль

На поле древнего столетья,
Как золотистое крыло,
Как ярко-жёлтое соцветье
В прах украшение легло.

О пектораль! Любви основа...
Играют блики по резьбе.
Как дух сокрыт в глубинах слова,
Так до сих пор живет в тебе

Подковы отзвук, отблеск взгляда,
Полынный запах молока,
Свет неба, таинство обряда,
Что обжигает сквозь века.

О пектораль! Взлетают кони.
Скифянка пляшет на кругу.
Ветра у вечности в полоне
Росу сбивают на скаку...

И озираются картаво
Над степью стаи воронья,

Где войны забыли славу
И полегли средь бела дня.

...Всё отгорело, перетлело,
Шумят степные ковыли,
Лишь пектораль, восстав из пепла,
Несёт, как прежде, весть любви.

На Десне около Сосницы

Поют, поют над речкой соловьи,
Зелёный голос падает на воду,
И месяц, уронив лучи свои,
И слушает, и плачет возле брода.

И свет его в излучине реки
Рассыпался подобно чистым блёсткам...
Скрывают душу ночи соловьи,
И мысль течёт горячим чистым воском.

Луч

В моей судьбе, где сумерки сплошные,
Ты – точно солнца отблеск золотой...
Нечасто освещаешь дни пустые,
Но я живу твоею теплотой.

Не затерялся свет любви и веры,
Земных утех не канули плоды,
И росы, как вопросы и ответы,
Искрятся там, где луч твой проходил.

Он чарами рассвета оживает,
И, нисходя надеждою с вершин,
Порою осторожно освещает
Сухой колодец страждущей души.

Не доварено варенье...
Горечь слова на крови...
Дымный факел откровенья...
Неостывший жар любви...

Но сердцам для единенья
Остается краткий миг,
И бессонница в мгновенье
Сорвалась в ночи на крик...

с украинского

Лёд чернобыльского рока
Лёг печатью на уста,
И не снять сего зарока
До пришествия Христа...

* * *

Ещё молодую твою седину
Поглажу ладонью, как будто бы ветром,
И в небо туманных очей загляну –
И тихие губы наполнятся светом.

Вечерним дыханьем приблизится сон,
Берёза склонит непокорную чёлку,
А мы на полях, где колышется лён,
Споём колыбельную маленькой пчёлке...

* * *

Целует осень старые дубы,
Кружат, желтея, сброшенные листья...
И хочется собраться по грибы,
Исчезнуть, растворясь в рассвете мгlistом!

Неутомима горькая печаль,
И выцвело желанье безнадёжно,
Поскольку радиации печать
Опеленала каждый ствол и стёжку.

Разрушил атом сказку наяву –
Покой лесов, шумящих, как и прежде,
И я далёкой памятью живу,
Оплакивая тщетные надежды...

* * *

Ты была при месяце прекрасна!
По плечу рассыпалась коса,
И твоя безудержная ласка
Уносила нас на небеса,
И тогда из дали лебединой
В челноке пускала – без примет –
По реке истомы неизбывной...
Жаль, челнок разбился о рассвет.

* * *

Взволнованно стёжка уходит направо,
Туда, где прошли ты и дождь у плетня.
Прохладные очи тенистой дубравы
Сокрыты туманом короткого дня...

В зелёную чашу, сомкнувшую веки,
Тропинка ведёт – далека и легка.
Там к яблоньке дикой привиты побеги,
Там тонкую руку сжимает рука...

Слились от волненья дрожащие руки:
– Не будет разлуки!..
– Не будет разлуки!..

* * *

Когда я навеки уйду,
То знай: я остался в строках,
Прохладой в твоём саду,
Росой на деснянских плёсах...

Окликни – и я приду...
Напевом до боли нежным,
Кузнечиком на лугу,
Рассветом – шальным и снежным...

Я рядом. Но ты не зови.
За нас – люби и живи.

Максим Танк

(1912 – 1995)

с белорусского

Топор

Во всём, известно, виноват один топор:
Я не пошёл, когда б не он, в дремучий бор,

И не срубил сосны бы гулкой и из ней
Не смог бы смастерить цимбалы я своей.

А не было б цимбалы этой, кто б позвал,
Чтоб на веселье я «Лявониху» играл?

А не играл – не поднесла бы мне она
С усмешкой вежливой зелёного вина,

И под весёлый смех, под чарок перезвон
Моё бы сердце не взяла она в полон.

Теперь – как ночь – иду, крадусь я к ней во двор...
Во всём, известно, виноват один топор.

Ночная стража

– Ну что, ещё пустить по кругу чарку?
Кто про Рембрандта что-то там плетёт?
Я знал его и часто с ним встречался,
Как только в Амстердаме швартовался,
Что для меня служил корчмой заезжей.
Он прямо из-под носа капитана
Белинга Кока выкрасть мне помог
Его красотку-дочь Марго. Матросы
Из-за неё хватались за ножи.
Так вот, договорились с ней уплыть мы
В Америку на шхуне «Альбатрос».
К Рембрандту я пришёл и попросил:
– Друг, выручай!

– А как?

– Когда придут стрелки,

Так затяни сеанс до полночи, скажи,
 Что нынче ты хотел бы дописать
 Высокородные их бюргерские морды,
 Блеск навести на их мушкеты, пики...
 – Постой! Тут точно неувязка есть!
 Свою «Ночную стражу» он писал,
 Сдаётся мне, в семнадцатом столетье...
 – Неужто столько лет уже прошло!
 Тогда ещё по кругу пустим чарку!..

Если

Если в хлебе
 Больше силы, чем хлеба,
 Если в вине
 Больше хмеля, чем вина,
 Если в огне
 Больше тепла, чем огня,
 А в застолье
 Больше друзей, чем застолья, –
 Пора начинать песню.

Если в хлебе
 Больше хлеба, чем силы,
 Если в вине
 Больше вина, чем хмеля,
 Если в огне
 Больше огня, чем тепла,
 А в застолье
 Больше застолья, чем друзей, –
 Пора заканчивать песню.

* * *

Высь прорезая крыльями свободными,
 Старался я сквозь толщу туч пробиться,
 Увидеть за другими небосводами
 Невиданные звёздные зарницы.

Но ветер сбил меня с обрыва горного.
 Лечил я долго раны в безнадёжности.

Теперь для взлёта нового, повторного
Уже не хватит смелости и вольности.

Но помыслы пребудут неустанными:
Иные дали будут и опять
Своими неизведанными тайнами
До склона дней манить и окликать.

Письмо брату

Возможно, ты читаешь этот лист,
Придя с работы на исходе дня,
О старый дуб колодца опершись,
Остановившись напоить коня.

Зайди в родную хату. Помню, там
За образами где-то должен быть
Наш сонник старенький, который нам
Таинственное помогал раскрыть.

Как часто на больничной койке мне
К чему-то снятся плёсы, и вдали,
Как наяву, я слышу в полусне –
Меня куда-то кличут журавли.

Не торопись с отказом, хоть весной
И не эпистолярная пора,
И утром нужно быть на посевной,
И пальцы поотвыкли от пера.

Я счастлив, что тебя не завлекли
Парнасские обители богов,
Ты не забыл ни плуга, ни земли
С отцовскими обычьями веков.

А я, зная, изнурял себя все дни,
По пустякам истратив времена.
Как сеятель былого, помани
Меня на поле горсточкой зерна.

Алексей Константинович Толстой

(1817 – 1975)

с немецкого

393

* * *

Жизни цель – из бытия
Соткана и свита.
Мысли, чувства – в них твоя
Истина сокрыта.

с немецкого

Лишь в твоих руках судьба:
Возносясь над бытом,
Ты – творец, когда себя
Заставляешь быть им.

2 октября 1869

* * *

Я почти всемогущ, ибо
Исполним любой каприз.
Я плескаюсь, словно рыба,
Я ныряю вверх и вниз.

Преисполненные блажи
Поэтической возни,
Простофили хнычут, я же
Восклицаю: «Чёрт возьми!»

Дорогая, право ваше
Быть – как я. Иное – вздор!
И венок зелёный краше,
Чем германский триколор.

15 декабря 1869

Фёдор Тютчев

(1803 – 1873)

с французского

* * *

Мы в странствии своём могли остановиться
И отдохнуть хотя б на краткий миг вдвоём,
И, чувствуя, как тень легла на наши лица,
Вновь взоры обратить за дальний окоём.

Но время чередой течёт неумолимо,
Соединя нас, чтоб снова развести,
Взлетает хлыст судьбы и гонит – мимо, мимо,
Навеки, прочь – туда, откуда нет пути.

Что остаётся нам теперь? Чего же ради
Сквозь нас, мой друг, прошёл поток минувших лет?
Лишь эхо голосов, обрывки мыслей, взгляды. –
И был ли рядом тот, кого давно уж нет?

4 апреля 1838

* * *

В небесной глубине ночей, в лазурной бездне
Мерцает чистота божественных частиц.
О, слава, звёзды, вам! В своём священном блеске
Вы льёте вечный свет, не ведая границ!

Бессилен человек: мгновенью на потребу
Рожденье и уход стремясь уразуметь,
Приветит небеса и устремляет к небу
Бессмертный взгляд земной, что обречён на смерть.

23 августа 1850

Сдавили грудь мою своими жерновами
Неодолимый страх, тревога и тоска.
Остановись! – шепчу я времени, пока
Последующий миг не зазиял меж нами,
 Как пропасть, – на века.

На сердце болью дней минувшее навито,
И душит, и звенит натянутой струной.
Я слишком долго ждал, бывшее ненавидя,
Так пусть твоя любовь останется со мной.

Конец 1840-х – начало 1850-х годов

Инна Фролова

(родилась в 1972 году)

с белорусского

Сады Молитв

Зачем же мне считать свои года
И вспоминать былые звездопады,
Когда ветра на зорьке, как всегда,
Свиданью, нам ниспосланному, рады,

Когда ещё весеннюю игрой
Смешные птицы заняты беспечно
И завтра за встревоженную мглой
О близком счастье мне слагают песни?

Пред Богом жизнь свою не умалить.
Считать года – не вижу смысла в этом,
Я лучше возведу Сады Молитв
С открытым сердцем к небесам заветным!

* * *

А я дождусь тебя, любимый мой,
Пусть пролетают тысячи мгновений.
Как оберег возьми меня с собой,
Мой непокой и сон мой сокровенный.

Возьми с собой и нежность чистых снов,
Чтоб мог ты к ним прижаться в час печали,
Пусть не затмит сумятица годов
Рождённых чувств сияющие дали.

Пускай метель свирепствует окрест,
Но, счастье наших судеб принимая,
Возьми с собою свет моих надежд,
Как тайну возродившегося мая.

Восход за лесом медленно угас,
И наполнялись новым светом сутки,
Когда совсем неожиданно пробил час
И сам Всевышний тайно наши судьбы
Сумел в одну сплести – не напоказ.

Стояли рядом, как на рушнике,
Укрытые в свечении белёсом,
И сердце к сердцу, и рука в руке,
Пошли за счастьем по тропинкам росным,
Пошли к реке, бурлящей вдалеке.

Туда вели пути земные нас,
Где слышен голос трепетного лета,
Цвели сады, как в свой последний раз,
И я любила всей душой – поэта,
Всей без остатка – я любила Вас.

В мгновения встречи

В мгновения встречи, в мгновения встречи
Звучали некстати напрасные речи,
И взгляд твой, мои обнимающий плечи,
И взгляд чужака, что подобен картечи.

Касанье губами холодной щеки,
Сравнимое с рябью на глади реки.
В мгновения встречи напрасные речи,
Напрасные речи, напрасные речи...

Зима и льды

Неужто, милый, вновь зима пришла?
Как сад весенний – кипень снегопада.
Искала счастье, только не нашла...
А если нет – чужого мне не надо.

Любимый мой, теперь иди один:
Устала слишком я за эту осень.

Не листья золотые, а полынь
Из прошлого до нас ветра доносят.

Любимый мой, вокруг зима и льды –
Обычные, коль разобраться, вещи.
Но почему опять при нашей встрече
Всё небо – в белом, как весной сады?

Земное счастье

В берёзовой белёсой пелене
По алым каплям россыпи рябиновой
Земное счастье осенью ко мне
Идёт в простой косыночке сатиновой.

К судьбе не лучшей, скрадывая дрожь,
Мучительно, что аж в глазах туманится,
С такой идёт покорностью, что дождь
Любуется, запаздывает, мается.

* * *

Подари мне, кукушка, годочек –
Для меня молодой не жалея –
С самородными звёздами ночек,
С чередой ослепительных дней!

Мне б хотелось изведать с жарою
Стынь целебных криниц из боров,
И найти под опавшей листвою
Желтоглазую горстку грибов.

Соловьиную песню ночами
До рассвета я слушать хочу,
Чтоб под утренними небесами
Кто-то близкий провёл по плечу.

Подари мне, кукушка, годочек,
Не жалея для меня молодой,
Чтоб судьба, как осенний листочек,
Покружила над грешной землёй.

Ворожило смоленское зарево.
Ты шептал на рассвете тогда:
«Каждый день начинается заново.
Мы любовь пронесём сквозь года».

Ты шептал мне тогда, что сбываются
Все мечты, и, как в сказочном сне,
Нам с тобой янтарём наливаются
Виноградные гроздья в окне.

Улыбались мы вместе, счастливые,
И так верили сильно тогда –
Молодые, простые, смешливые,
Что любовь пронесём сквозь года.

Осенняя пастораль

Туманами укутаны дома,
Как на гравюре в стародавней книге,
Где вся листва смывается в тома
Продрогшими дождями на Немиге.

И человек, чей чуткий силуэт,
Оставлен на века в бессонном трансе,
По авторской задумке – и поэт,
И даже Бог на временном пространстве.

А завтра некто, как сегодня ты,
Другому утру дань отдаст сторицей,
И в книге судеб мокрые листы
Перевернёт страница за страницей.

Кинула мне осень золотая
Старенький листок календаря.
Знай же, осень, ты мне не чужая!
Ты – сестра мне, честно говоря...

Мыслями похожи мы отныне,
Тропкой снов с тобой блуждаем вновь.
Я в тебе – как яблоко в корзине,
Ты – как сердце, что толкает кровь.

* * *

Я в осень за тобой пойду.
Не говори, что там лишь миражи,
Что нет возврата из-за той межи,
Что там кресты на перепутьях лжи.
Что души остывают – докажи.

Я в осень за тобой пойду.
Очистится водою дождевой
И листопад над нашей головой,
И наших душ извечный непокой.
Возьми меня с собой! Возьми с собой...

Памяти деда

Мой дед – седой, согбенный, неучёный –
Всегда за речку солнце провожал
И, на закат любясь золочёный,
Меня, девчонку, за руку держал.

О чём он думал – ныне не узнаешь.
Молчит могильный камень под крестом.
Но вновь и вновь то время воспоминаешь,
Промчавшее стремительным стрижом.

Антоновки

Духмяный запах спелых яблок, что под вечер
В дом из-под крыши мы достали в холода,
Когда в печной трубе промозглый злится ветер,
Когда на лужицах застыли корки льда.

Лежит антоновка в корзине и смеётся,
Выглядывает из соломы золотой.
Щекой холодною к ладони прикоснётся,
И слышно мне, как бьётся сердце под рукой.

Лишь на окнах узорные грозди
Разукрасит мороз в голубой,
Лишь зажгутся колядные звёзды,
Мы увидимся, милый, с тобой.

Мы увидимся, милый, с тобою,
Отогреемся нежностью слов,
И к плечу твоему головою
Прислонюсь я, счастливая, вновь.

Будут радостны эти мгновенья
Нашей встречи, и звёзды, как знак,
Что послали нам благословенье,
На секунду осветят большак.

Лишь на окнах узорные грозди
Разукрасит мороз в голубой,
Лишь зажгутся колядные звёзды,
Мы увидимся, милый, с тобой.

Речь

Не знаю я, где преклонить главу.
Разрушен дом. Теряю я отвагу.
Обрывки слов бросаю на бумагу.
Не знаю: то ль живу, то ль не живу.

Совсем уж лучше краю онеметь,
Где речь уничижают недоверьем.
Получим то, что сами и отмерим, —
Чужие песни детям нашим петь.

Народ мой, споря с собственной судьбой,
Ужель и впредь ты будешь безъязыкий?
Ужель тебе, мой славный и великий,
Жить без надежды стать самим собой?

Старинный вальс

Плыл майский вечер. Школьные качели
Почти с охрипшим ветром в унисон
Старинный вальс, старинный вальс скрипели,
И тот мотив летел, летел вдогон

Былой весне, что в страшном сорок первом
Запомнила безусых пареньков,
Что только в жизнь вступали, между делом
Ей доверяя тайны слов и снов.

Кружатся в вальсе влюбчивые пары,
Сиренью пахнет белою окрест.
Дрожат на небе жёлтые пульсары.
В лицо войне глядит зелёный Брест.

...Сидит солдат, и в сигаретном дыме
Перемешались мысли о войне.
За всех ушедших шкалик он поднимет
И вспомнит вновь о давней той весне.

Гуляют сквозняки в старинном Бресте,
И снова мир на свете и покой.
И «раз, два, три» взмывает в поднебесье –
Старинный вальс. Старинный вальс такой...

Великий Боже

Я помолюсь, припав пред образами:
– Великий Боже, не оставь народ,
Чтоб хлеб и впредь возделывали сами,
Чтоб воронья не видеть хоровод,
Чтоб не пойти по миру должниками,
Чтоб множился в веках литвинов род...
Я помолюсь, припав пред образами:
– Господь, спаси и сохрани народ!

Край мой родимый, ты создан для счастья,
Вольный, как ветер во время ненастья!

Край, как и пращур когда-то далёкий, –
Смелый, пригожий, как лён – синеокий!

Край легендарный полян земляничных,
Сильный и щедрый, как колос пшеничный!

Край, убаюканный в сердце поэта –
Ясный и нежный, как тёплое лето!

Край необычный, радушный, приветный,
Край мой лесистый – мотив заповедный!

Край, словно речь наша, – многострадальный,
Ты – в моих детях, судьбою мне данный!

Господом Богом мой край поцелован,
Искренен в слове и неизбалован!

Край белорусский, крылатый, медовый,
Рай ты мой сладкий, мой рай чабрецовый!..

* * *

Шипки¹ мои! Мой край, залитый светом,
Вы для меня и радость, и покой.
Чтоб новый путь осилить, нужно с ветром
Глотнуть лесной целительный покой.

Чтоб пережить достойно все тревоги,
Я знаю, что ещё не раз вот тут,
На шипковской просёлочной дороге,
Опять стихи из сердца прорастут.

Мне хочется, я очень верю в это,
Когда Господь мне даст последний взгляд,
Пусть жизнь не затихает в доме деда,
Пусть аисты на крышу прилетят.

¹ Шипки – деревня в Минской области.

* * *

Знать, судьба поманила сюда –
По сугробам далёко-далече.
Холода, вновь пришли холода,
Опустились на слабые плечи.

Вновь метель и сумятица дней,
Чернобыльник сухой в полумраке,
Не осталось надежд и друзей,
Лишь бессонниц объятья и страхи.

Я стерплю. Это время пройдёт,
Может, тронет виски сединою,
И растает весной, словно лёд,
И омоется вешней водою.

Я смогу, я забуду про вкус
Нестерпимо горящего яда
И с души сброшу тягостный груз:
Мне измен и страданий не надо.

Я не струшу парить в вышине,
Всем надеждам своим не переча,
Чтоб почувствовать в завтрашнем дне
Счастье новой и радостной встречи.

* * *

*посвящается Лидии Шагойко и всем тем,
чьи сердца «горят» Беларусью*

Ветров стремителен порыв,
Зовёт их памяти дорога.
А все следы и годы – к Богу,
Туда, к извечному порогу
Мы все уходим понемногу.
...Свет, синева высот, обрыв...
Лишь знаком за небесным краем –
Дуб ввысь вознёсся – до поры
Храня всех нас и те миры,
Что для живущих мнятся раем.

Проснулся май, вобрав тепло сторицей.
 Проснулся май в свечении весны.
 Над белоснежным миром белой птицей
 Летит, кружась, мои тревожа сны.

Летит, чтоб вновь любви казалось мало,
 По тем садам, где первоцвету вслед
 Я, как фату, когда-то примеряла
 Неповторимый яблоневый цвет.

с белорусского

Чтоб снова утро в нежности невинной
 Будило чувства, листья и траву,
 Чтоб одинокой грустью соловьиной
 Тревожить сердце в снах и наяву.

Белые берега

У чистого брода, слетев с высоты,
 Сидели два голубя возле воды.
 Друг к другу плотней прижимая крыла,
 Сидели, смотрели, как речка плыла...

Любви их давно завершилась пора,
 А счастье развеяли в поле ветра,
 Когда голубые, как эта река,
 Позвали просторы небес голубка.

Не видно за быстрым течением дна.
 На берегу белом голубка одна,
 С лучами рассветными и дотемна
 Ждёт встречи с возлюбленным снова она.

Сердцем твоя

Я не помню, когда
 Поняла, что всем сердцем твоя.
 Может, в пору цветенья вишнёвого сада, когда
 Соловей заронил и в меня свой любовный огонь

Иль кукушка, считая года?
Иль тот колос, что льнул на ладонь?
Я не помню, когда
Мне родной стала эта земля,
Может быть, в день, когда мотыльками украсился май?
Иль то осенью было и в печке трещали дрова?
Сенокос подсказал мне, где рай?...
Не всегда наша память права.
Я не помню, когда
Опьянела от пряных ветров,
Что кружились, не зная ни стёжек-дорожек, ни вех,
Я не помню, когда
Мне открылось величие слов,
Этих слов, что душой я постигла навек.

Зарисовка

За окошками – вечер.
Звёзды бросят на лес,
Трепеща, словно веер,
Тень с померкших небес.

Огоньков переливы
Размывает река,
Запелёнуты ивы
В травяные шелка.

Волны прочь то и дело
В ночь идут без следа,
И любовь – отболела,
И беда – не беда.

Жаль лишь тихие тени
На изгибе реки,
Что в тот вечер осенний
Мне судьбу предрекли.

* * *

Наполнюсь вновь тобой, как вскрывшиеся реки,
Что ищут берега, проснувшись по весне,
И, сбросив с плеч своих ледовые доспехи,
О том, что я живу, они напомнят мне.

Наполнюсь вновь тобой, как будто ливнем спелым,
Наполнюсь, словно ночь, купальской ворожкой,
Промокшим ноябрём – от ожидания белым,
Как первым снегом, вновь наполнюсь я тобой.

* * *

Твоя любовь как будто оберег,
Как первый день стремительного лета,
Как первый плеск оживших вешних рек,
Как губ прикосновенье на рассвете.

Она – как жажда беспокойных крыл,
И мне не утолить её, доколе
Весной опять с лихвой хватает сил
От счастья ждать и горечи, и боли.

Твоя любовь как будто оберег,
Как первый день стремительного лета,
Как первый плеск оживших вешних рек,
Как губ прикосновенье на рассвете.

* * *

Осилишь сто разлук и сто дорог,
Я ждать тебя сумею неустанно.
Возьми с собой всё то, что ты берёг:
И мой покой, и сны мои, и тайны.

Возьми с собой и нежность слов моих,
К их теплоте прильнуть ты сможешь чутко,
Чтоб стужа дней хотя б на краткий миг,
Уже не омрачила наши чувства.

Пуškai метели свой теряют след
В счастливых наших судьбах. Жребий брошен!
Моих надежд неугасимый свет
Возьми, как тайну ясноглазых вёсен.

Шуневская¹ тишина

В деревне не пробудят тишину
Ни петушиный крик, ни звуки лая.
Она оглохла в дымную весну,
Отчаянье в молчании скрывая.

Безмолвие склонится у сосны
Усталую солдаткой на рассвете.
Молчи, весь мир! Пускай досмотрят сны
Ещё живые матери и дети.

Молчите, люди! Пусть поспят они.
Цветущий май окутан тишиною...
ВСЕ в беспощадном пламени войны
Они сгорят опавшею листвою.

* * *

Я родилась, когда в садах
Ломились яблони от света,
И желудями на дубах
Неумолимо зрело лето,
Когда погожий день затих,
Считая осени приметы
На паутинках золотых.

Я родилась, когда вдали
По небу августа торопко
На юг летели журавли,
На землю тень бросая робко,
На чуть заметною в овсах
Не мной исхоженную тропку,
Тоскою тая в небесах.

Я родилась, когда...

¹ Шуневка – бывшая деревня в Докшицком районе Витебской области, которую постигла судьба Хагыни. Была сожжена 22 мая 1943 года. Сейчас существует как мемориал памяти.

Годжа Халид

(родился в 1954 году)

с азербайджанского

Весна

С гор стекает весенний туман на поля,
Солнце смотрит на мир с теплотою.
Оживает, гудит молодая земля,
Напоённая вешней водою.

Пробуждаются рощи от зимнего сна,
Одеваются зеленью пашни,
Словно крылья простёрла над нами весна –
Даже розами камни запахли.

Этот солнечный воздух – свободе сродни.
Эти дни для души, как подарок –
Даже чёрному сердцу напомнят они
О дыхании чистых фиалок.

Отдых уставшей земли

В угол загнана эта земля, что сполна
Всю себя отдала урожаю.
Обессилела и оскудела она,
Год за годом покоя не зная.

Точно пух, проплывают над ней облака.
Ветер песню привычную тянет.
И земля отдыхает до срока, пока
От безделья душа не устанет.

Озеро Аджинохур

В камышах гнездятся птичьи стаи.
Шёпот волн рождает тишину,
Днём сиянье солнца отражая,
А ночами – звёзды и луну.

Одиночество – одно его богатство,
Ветер лишь порой тревожит гладь.
Озером назвать его бояться
И рекой стыдятся называть.

Но знакомы мне его печали,
И вполне понятен мне покой
Маленького озера, что стало
Для меня великою рекой.

Перед картиной Левитана «Золотая осень»

Горстка зелени смущённо
За рекой глядит на лес
Золотой и золотые
Облака, как образа.
Нет весною этих красок
У потока и небес.
Никогда так близко осень
Не смотрела мне в глаза.

Мир как огненная песня,
И ещё я не старик.
Осень лет моих вот так же
Будет светом догорать...
И подумалось: когда бы
Мне деревьев знать язык,
То и осень золотую
Я сумел бы разгадать.

Обитель бабочек

Над лугом то тут появляясь, то там,
Как тени – чисты и легки,
Кто знает – как спят, припадая к цветам
Ночную порой мотыльки.

Поля одеваются шелестом крыл,
Как в платье, что не по деньгам.
И бабочки мчатся по воле ветрил
Сквозь лето – к осенним денькам.

Их тихой обителью станут луга.
Жизнь ищет других берегов...
Кому эта лёгкая жизнь дорога?
Кому не хватает врагов?

Их меньше и меньше... Пустеет земля,
Цветы осыпаются в прах.
Обителью бабочек будут поля
До осени в наших краях.

* * *

Как позабуду я арык и зелень сада,
Как я посмею озеро забыть,
Дым, что из труб стремится в небо взмыть,
Поля с живой росой и прохладу?..

Другой земли не надо мне, не надо.
Лишь этот край мне суждено любить.
Уходит жизнь и будет уходить,
Но так же будет жить любовь во взгляде.

Когда нисходит небо до земли,
И улетают к югу журавли,
То странно сердце просится наружу –

И вдохновеньем полнится душа,
И чувства возрождаются, дрожа,
Когда стихами я тревожу душу.

Печаль сожжённой стерни

Не найти перепёлок: их гнёзд больше нет,
Угли в них дотлевают... Дымятся поля.
Где стерня золотилась, как солнечный свет,
Ныне чёрной золою покрыта земля.

И безмолвье связует тот мир, что ушёл,
И блуждает тоска там, где вызрела рожь.
Нет ни бабочек здесь, ни искрящихся пчёл,
И следов муравьиных ты здесь не найдёшь.

Всё к единому сводит огонь, и жесток
Взгляд его, уходя за другой окоём.
Лишь один уцелел в мёртвом поле цветов,
Точно слово заветное в сердце моём.

Запах сена

Пусть бывают стихи мои слишком просты,
Но едва ли сумею прожить я без них.
Эти строки с другими не спутаешь ты:
Запах сена исходит от строчек моих.

Жжёт их солнце, и ливни над ними шумят.
Корни их – в многозвучье столетий былых.
Но впитали они лишь один аромат:
Запах сена исходит от строчек моих.

Ночь стремится порою их спрятать во тьму,
Хочет ветер в пути задержать хоть на миг.
И любимой моей не понять: почему
Запах сена исходит от строчек моих.

Мне не скажет трава, припадая к земле,
Ничего о печалях своих и чужих.
Удивляются пахари в нашем селе:
Запах сена исходит от строчек моих.

Жизнь течёт безвозвратно, как воды реки.
С каждым днём горше слушать проблемы других.
В век искусственных запахов – всем вопреки –
Запах сена исходит от строчек моих.

* * *

Пожелтели, пожухли просторы,
Но ещё листопад впереди.
Я не думал, что осень так скоро
Повстречается мне на пути.

Я теперь замечаю с испугом,
Что на сердце проснулась тоска.

Днём и ночью непрошеным другом
Стылый ветер звенит у виска.

Он уводит в чащобы лесные,
Где, как эхо, умолкла мечта,
И зовет, открывая иные,
Неизвестные взгляду места.

Ветер... ветер... Он кружится тупо
И, обманчивой далью маня,
Подгоняет, шуршит неотступно
И сбивает с дороги меня.

Ветер... ветер... С тобою не буду
Я идти по засохшей стерне.
Но куда бы ни шёл я – повсюду
Только осень встречается мне.

* * *

Под лунным сиянием спят молодые луга,
И тени чинар достают до подножия гор.
Пропитаны солнцем деревья, тропинки, стога,
И сумрак густеющий сходит на сонный простор.

И запах травы до меня долетает волной
С далёких покосов, с прохладных речных берегов.
Как звонко в такие мгновенья под яркой луной
Поют перепёлки среди задремавших лугов.

В их криках – упрёк, а в сердцах затаилась печаль.
Как ночь коротка. Как длинна протяжённость минут.
Они – как и я – засмотревшись на звёздную даль,
От имени поля о солнце угасшем поют.

Луна с высоты золотое сияние льёт,
И пахнут покосы, и запах течёт по земле.
Вокруг, не смолкая, всю летнюю ночь напролёт
На ноте высокой кричат перепёлки во мгле.

Водою этого дождя

Твой взгляд меня не бросит в дрожь.
Ни встреч не будет, ни разлук.
Твоя любовь – осенний дождь.
Моя душа – осенний луг.

В меня проник он, не щадя,
Но и у жизни на краю
Водою этого дождя
Не напоить мечту мою.

Снопы света

Снопамы света этой ночью небо –
Как будто зёрна зреют в жёлтых звёздах
Для нового, невиданного хлеба.
И вновь разлучены земля и воздух.

Насытит мысли реющая бездна,
Отобразив в воде иные кущи,
Где полыхают месяц и созвездья,
Дрожащие на глади мелкой лужи.

Зерно небес прольётся ярким ливнем,
Питая души тех, кто ждёт ответа.
И кажутся в сиянье неизбывном
Ночные небеса снопами света.

Осенняя вода

Неповторимо осенние воды чисты,
Но всплески волн так печально слышны на затонах:

Ночью созвездья срывают они, как цветы,
Утром – лишь жёлтые листья дрожат на ладонях.

Цвет этой поблекшей травы –
Цвет смерти. Закончился путь.
Ей жить остается, увы,
Всего-то чуть-чуть.

Прольётся туман молоком,
И свет рассыпается в прах,
Но теплится жизнь огоньком
В садах и полях.

Пока не повеет теплом
Вослед уходящей зиме,
Их боль будет в сердце моём,
А корни – в земле.

Дождь, идущий из воспоминаний

Опять шумят дожди над головой,
Стучат в окно то яростней, то глуше,
Земной простор омоет дождь дневной,
А дождь ночной мою омоет душу.

То запад отпыляет, то восток.
Нахлынет снова ливень неумолчный –
И дождь дневной прольётся на песок,
Пройдёт по чувствам дождик полуночный.

Гроза оставит беглые следы
Умолкших капель, их шальных падений,
Но дождь дневной – всего лишь шум воды,
А дождь ночной – поток былых мгновений.

Мелькают капли сонмом мотыльков,
Блестят перед глазами сотней граней,
И льётся дождь дневной – из облаков,
А дождь среди ночи – из воспоминаний.

Медовые пчёлы

Утром, когда просыпается сад,
Полные сил и веселия

Пчёлы из ульев медовых летят –
Серые, жёлтые, серые.

Для поцелуя цветка аромат.
Ласковы гости залётные.
Жажду свою утоляя, жужжат
Жёлтые, серые, жёлтые.

Нет безмятежнее этой поры.
Цепкие, быстрые, смелые –
Будут кружить до вечерней зари –
Серые, жёлтые, серые.

Радостен сада безоблачный взгляд,
Яркий от цвета тяжёлого.
Пчёлы из ульев медовых летят –
Жёлтые, серые, жёлтые.

* * *

Было чему удивиться и мне.
Все, кто смотрел, онемели:
В небе, подобные искрам в огне,
Птицы на облако сели.

Над головой, нестерпимо слепя
Неповторимостью красок,
Туча летела, украсив себя
Стайкой искрящихся пташек.

Над тишиной, над рекой, над бугром,
Над растерявшимся взором
Туча летела волшебным ковром
С ярким пернатым узором.

Туча летела в другой окоём
Над догорающим летом,

Чтоб принести из далеких краёв
Мальчика-с-пальчика детям.

Было чему удивиться и мне.
Все, кто смотрел, онемели:
В небе, подобные искрам в огне,
Птицы на облако сели.

Альфред Эдвард Хаусман

(1859 – 1936)

с английского

* * *

Не знающее начала
Дыханье, ворвавшись в мир,
Из розы ветров соткало
Меня на короткий миг.

Есть выдох и вдох. Не смея
Загадывать о судьбе,
Дай руку свою скорее,
Скажи, чем помочь тебе.

Скажи – я так жду ответа.
Скажи мне хоть что-нибудь,
Пока в дуновенье ветра
Я свой не продолжил путь.

Микола Шабович

(родился в 1959 году)

с белорусского

419

с белорусского

* * *

Люблю тебя, люблю тебя одну,
Пушкой вокруг снега кружат ажурно,
И вьюга вновь танцует по окну
Под музыку «Осеннего ноктюрна».

* * *

Это сказка, иль явь, или сон –
Греют сердце слова твои снова.
О, как нежен их сладкий полон!
Так и слушал бы: «Что Вы! Ну что Вы!...»

Вся в цветах молодая трава,
Или майских ручьёв быстротечность?..
Мы с тобою знакомы едва,
А мне кажется – целую вечность...

Вновь придёшь в осиянные сны,
Словно с сердца снимая засовы.
Я скажу: «Ты царица весны!»
И услышу: «Ну что Вы! Ну что Вы!...»

* * *

Когда позёмка кружит для потехи,
Не говори заученное «не»,
Не опускай заснеженные веки,
Не замерзай, прильни скорей ко мне.

На этом свете, этом чудном свете
Нам выпадает встреча только раз.
Смотри, как звёзды трепетные светят:
Они, конечно, понимают нас.

В вечерний час под замершую вьюгу
На перекрёстке судеб и дорог
Давай слова любви шептать друг другу –
Пусть слышит Бог и не карает Бог.

* * *

Подари мне сказку молодого лета,
Как когда-то раньше, слышишь, подари.
Пусть весна метелит, верится мне это,
Что наступят наши ночи – до зари.

Подари мне сказку – как другим дарила,
О моя Снегурка вешних перемен!
Как трепещет сердце птицей легкокрылой,
Попадая в чувственный, бесконечный плен!

А душа тобой лишь день и ночь согрета,
Ты одна – и солнце, и звезда вдали.
Подари мне сказку молодого лета,
Как когда-то раньше, слышишь, подари...

* * *

Ожидай меня, вновь ожидай,
Как весной ожидают восходы,
Как в дожди ожидают погоду,
Ты в разлуке меня ожидай.

Я приду с молодой травой,
Ярким светом хмельного лета –
Твой желанный и только твой,
Лишь любовью твоей согретый.

Ты – судьба моя, праздник мой,
Лучезарная сказка будней.
Слава Богу, что ты со мной,
Что с другим никогда не будешь.

Другими сказано давно
 Всё то, что мною говорилось,
 Строка застыла и смутилась,
 Утратив важное звено.

Ещё не появившись, но
 Она как будто ждёт повинно,
 Что перережут пуповину,
 А дальше – всё, как суждено.

Бежит свободная строка
 На белый свет без дозволения,
 Несёт крамолу и смиренность –
 Непринуждённа и строга.

Бежит строка,
 Живёт строка.
 Судьбою бьётся у виска.
 Сегодня.
 И на все века.

Придите погостить к Купале

Отбросьте прочь свои печали.
 С любовью к слову
 Придите погостить к Купале,
 Придите снова.

Он вас улыбкою приветит
 И приголубит.
 И ратаев, и всех поэтов
 Купала любит.

Вы исповедуйтесь Купале
 Про то и это,
 Что с новым годом больше стало
 Друзей поэта.

Вокруг в избытке звёзд и терний.
 Авось – не сгинем,
 Пока нас окрыляет Гений
 Молитвой-гимном.

Сегодня нас не так уж мало.
Забыв о грусти,
Придите в гости и к Купале,
И к Беларуси.

Путь к Богу

Иди, куда не лень,
Но смысл житья людского –
Искать – и ночь, и день
Одну дорогу – к Богу.

Но где он, этот путь:
Меж звёзд иль под ногами,
В полях каких-нибудь,
Заваленных снегами?..

На утренней заре,
В часы незримой битвы,
И в предночной поре
Шепчи слова молитвы,

Чтоб из семи дорог
Одну избрать дорогу,
Пока с тобою Бог,
Пока ты сам – под Богом.

* * *

Разлучить нас теперь не удастся –
Я надежду в стихи поселю,
Чтобы после при встрече признаться
Словом самым сердечным: «Люблю!»

Нас отныне никто не разделит –
Этой мыслью себя веселю,
Чтоб и впредь на губах то и дело,
Замерев, трепетало: «Люблю!»

Я скажу, как и в первую встречу,
 На тебе поправляя пальто,
 Обнимая несмело за плечи:
 «Нас уже не поссорит никто».

* * *

Каких богов ни привечай
 И у каких костров ни грейся,
 Но если сказано: «Прощай!» –
 Вернуть былое не надейся.

Мечтай, заглядывая вдаль,
 Но сколько попусту ни бейся,
 Судьбы подробный календарь
 Уже начертан в поднебесье.

Нам лишь мечты лелеять-греть,
 Привычно ладить с жизнью этой
 И вслед за звёздами гореть,
 Став прахом следом за кометой.

Михасю Башлакову

Тем для стихов, казалось бы, в обрез,
 Про всё с годами сказано-написано:
 Про осень и весну, про сад и лес,
 И даже про любовь под кипарисами.

Непросто всё ж Америку открыть
 И ямбом, и хореем, и анапестом,
 Ну а поэт не может не творить,
 В стихах судьбу озвучивая начисто.

Не ожидать награды за стихи –
 Давным-давно подарки все раздарены...
 И все творцы сегодня – чудаки:
 И временем, и славою обкрадены.

Судьбе на откуп брошены давно,
 Но что-то пишут, пишут непреклонные,

Вкушая одиночества вино,
Как слёзы – и скупые, и солёные.

Вымучивают каждую строфу,
И с рифмами упрямо куролесятся,
Чтоб этот мир остался на слуху –
От маленького кустика до месяца.

Отдать Отчизне своей заветный дар
И вновь творить в года немолодые,
Писать про сойку,
Осени пожар,
И счастья дни,
Как прежде –
Золотые...

* * *

Ни на кого так раньше не глядел,
Как на тебя, лишь только на икону.
Мы повстречались в круговерти дел.
Ты – не моя, но ты моя – исконно.

Ты даришь мне звучание строки,
В твоих глазах светло струится лето.
О, как коснуться мне твоей руки,
Моя Джоконда и моя Джульетта?!..

Пройдёшь, меня оставив не у дел.
Пусть не моя, но ты моя – исконно.
Ни на кого так раньше не глядел,
Как на тебя, лишь только на икону.

* * *

А вокруг прохладная погода.
Дождь прошёл походкой молодой,
И омыл сады и огороды
Дождевой спасительной водой.

Травы над землёй встают чернявой,
Всё цветёт – во сне и наяву,

И дубок-подросток кучерявый
Словно шепчет Господу: «Живу!»

И пролиться радужные краски
Из-за туч стремятся поскорей.
Скоро солнце выйдет по-хозяйски
На просторы вечности своей.

* * *

Кто-то славит природу, а кто-то Отчизну,
Я ж себе выбрал путь не такой уж и райский,
И для женщин стихи сочиняю по жизни,
Будь то мартовский день, и июньский, и майский.

Пусть гадают потом о моих «прототипах»,
Кто когда вдохновлял и кто душу крылатил,
С кем ходил в шелестящих берёзах и липах,
На кого свои дни и надежды потратил...

Что я счастье искал не в семье, а на воле,
Укоряйте меня, только всё ж – не карайте.
Сточит мельница дней жернова, но дотоле
Жить останутся строчки. Читайте, читайте...

* * *

Не грусти, что года пролетают,
Что коснулась зима головы,
И что чувства, увы, отцветают,
Как и всё отцветает, увы.

Не грусти, что мы время теряли,
Даже нежность свою на бегу
Мы порой на потом оставляли –
На далёком уже берегу.

Не грусти! Не к лицу тебе это.
Пусть морщинки уходят с чела.
Будем помнить, что было и лето,
И любовь молодая была.

Рано ль, поздно ль пора наступает
По осенней тропинке пройти.
Не печалься, что жизнь пролетает:
Мы ж сумели друг друга найти.

* * *

Когда на муку дни обречены,
И ничего не ждёшь уже иного,
Захочется немного тишины
И даже одиночества немного.

Захочется тревоги отогнать,
Склонившись на подушку травяную,
Под шелест клёнов душу постигать
И пить до дна симфонию лесную.

Не сожалеть, что дни текут водой,
А сожалеть, что вёсны за горою
И что не я, а кто-то молодой
Не спит ночами летнею порою

И посвящает девушке слова,
Но не услышать ей рождённых в спорах
Строк, от которых кругом голова,
И радостно, и больно от которых...

Года, года... Они ещё со мной,
Приходят в сны, как будто бы с повинной, —
Под клёнов шум, целебный шум лесной,
Под песнь ветров, под щебет соловьиный.

* * *

Как будто звёздочки в ночи —
Так Ваши очи поглядели.
Мою тоску куда Вы дели?
Как будто звёздочки в ночи —
Так Ваши очи поглядели.
Такого взгляда не забыть.
Весенний ливень справа, слева.
Теперь моя Вы королева,

И мне молиться и молить,
Вновь задавая мыслью – где Вы?

Когда ж мы встретимся опять?
И да пошлёт нам Бог свиданье!
Любовь рождается святая...
В душе, чтоб Вас не потерять,
Живёт надежда на свиданье.

Мне кто-то скажет: не мечтай,
Она тебе совсем не ровня,
Но не могу дышать я ровно,
Приходит новый день, как май, –
И празднично, и полнокровно.

Меня Вы вдруг лишили сна
На перекрёстках дней и улиц.
О, если б снова Вы вернулись
В ту сказку, где с зимой весна,
Смеясь, друг другу улыбнулись.

Миг встречи, словно свет свечи.
Теперь и жить мне на пределе.
Как будто звёздочки в ночи –
Так Ваши очи поглядели.

* * *

Прохладу разносит ветер.
Прощай, духота, прощай!
Пушай отдохнёт под вечер
Баденевский отчий край.

Иссушены дни лучами,
И завтра – под тридцать пять!
Осталось мечтать ночами
И снова стихи писать

Про дождик – грибной, хороший,
А лучше б – как из ведра!
В избытке деньков погожих:
Грибная стоит пора!

В округе нет ни грибочка,
Пустые леса, ложки,
Деревья свои листочки
Сжимают, как кулачки.

Эй, дождик, не спи, пролейся!
Эй, солнышко, пощади!
Пусть с неба на зелень леса
Прольётся поток воды!

Пускай оживут немножко
Просторы родной земли,
И скажет свояк мой Лёшка:
«Какие грибы пошли!»

Нина Шклярова

(родилась в 1947 году)

с белорусского

с белорусского

* * *

Как гора, с плеч моих
Крест тяжёлый свалился
На тропинку, что стала
Заметной едва.
Свет испуганных звёзд
Росной дрожью пролился,
И в молитве склонилась
Пред Богом трава.

Ни беды, ни тоски,
Ни смятенья, ни лиха!
Рядом замерло всё –
Так водица бежит,
Исчезая в песке...
Только всполохи тихо
Танцевали в траве –
Там, где крест мой лежит.

Дай нам, Боже...

Не считайте,
Что мы не желаем свободы,
Что не ищем опоры мы в слове своём,
Что вольготно живём
Без тоски и заботы,
Что, сгибаясь под тяжестью,
Крест не несём.
Не считайте...

Не подумайте,
Что мы сегодня не с вами,
Не стремимся одною
Дорогой идти...
Словно кочки,
Упрёки у нас под ногами,
Как наросты коросты

На белой кости.
Не подумайте...
Не кричите,
Что наша – кривая дорога,
Не бросайте нам в спину,
Мол, Бог вам судья.
Он приходит
К любому из нас – на подмогу,
Для Всевышнего
Каждый – родное дитя.
Не кричите...

Дай нам, Боже,
Почувствовать силу народа,
Сохранить наш язык
Как основу основ,
Чтобы помыслы наши
И наша свобода,
Как в болоте,
Не канули в лживости слов.
Дай нам, Боже!

* * *

Ну почему на белом свете
Нет пониманья меж людьми?
Играют маленькие дети –
Не доросли до деток мы.

И всё темней меж нами бездна,
И век наш канет, словно миг.
Виним кого угодно в бедах,
Но только не себя самих.

Пусть в небеса уходят песни,
Пусть жизнь не сахар, ну и что ж...
А нам идти по этой бездне,
Как по воде ступал Христос.

Я – невольница вечности.
Ночь предо мною.
Словно в люльку,
Прилѣг ветерок на порог...
Пусть рассеются сны
За моею спиною.
Грёзы роем вокруг,
Иль то пыль из-под ног?

Я – невольница вечности.
Мысли о доле,
Как горячие угли,
Я вновь собрала...
Кто заходится плачем,
Страдая от боли, –
То ль ребёнок в избе,
То ли в травах пчела?

Я – невольница вечности,
Пусть и свободна,
Пусть витаю, как чайка,
Над гладью морей.
Но на остров,
Где так одиноко сегодня,
Ветром выброшен был
Парус жизни моей.

Мой счастливый билет
Остаётся в полоне
У судьбы. Мчится поезд
В просторах пустых.
И трепещущий,
Как мотылёк на ладони,
Задрожал поцелуй на губах
И – затих...

Я – невольница вечности.
Звёзды так странно
Надо мной, как зрочки,
В волчьей стае горят,
И волчицей свои

Зализала я раны,
Но они всё равно
Нестерпимо болят.

Я – невольница вечности.
Ночь приминает
Чернобыльник, чей шелест
Походит на вздох.
И во сне снова мама
Меня обнимает
Там, где светится крест
У померкших дорог.

День добрый

Утро. Весна. Угасает заря.
Спит где-то рядом реактор.
Здравствуй, Чернобыль!
Нам сеять пора!
Вышел на пахоту трактор.

Рано ещё нам с тобой умирать –
Живы надеждою снова.
Будем с тобою,
Чернобыль, встречать
Светлую Пасху Христову.

Солнце встаёт над землёю больной,
Кружится ветер бедовый.
Горя не спрячешь в могиле одной.
Слышишь, Чернобыль?
День добрый!

Жизнь просыпается в каждом углу
Под синевой небосвода.
Пусть радиация, но по теплу
Так стосковалась природа.

Сеем любовь на просторах твоих,
Веру в добро не теряя.
Просим терпенья
У ликов святых.
Нового ждём урожая.

На пенёк, источенный в труху,
Села бабка,
Много на веку
Повидав,
Ладонь, как лист сухой,
Опустив на гнутую клюку.

А кукушка ей кричит:
«Ку-ку!» –
Из листвы зелёной наверху,
Словно говорит ей:
«Будешь жить».
А у той слеза из глаз бежит...

* * *

На реке безмолвно, и весло
Наклонилось над волною спящей.
Месяц, как гусиное крыло,
Побелел над рощею озябшей.

Сумраком на дальние поля
Оседает облако дремоты.
Чутко спит усталая земля,
Помня и во сне свои заботы.

Снится ей, что жито проросло,
Щедро зеленеют в поле травы.
День уходит, но ещё светло
Стелется туман у переправы...

Словно не горело тут село
И ни разу не было облавы!

* * *

Ты меня, будь добра, отпусти,
Не зови меня больше, дорога.
Дело тут не в далёком пути –
У меня ещё крепкие ноги.
Здесь другое: гнездо я свила
И его берегу я от горя.
Ты ж однажды сюда привела
И доверила мне этот город.

Потому и прошу отпустить.
Не зови меня больше, дорога, –
Видишь: учится дочка ходить
Первый раз от окна до порога.

Сон

Голова тяжёлой стала,
Трудно веки поднимать.
Всё вокруг уже устало
Начинает засыпать.

Мысли в лёгкой дымке ночи
Покатились под уклон.
И целует в губы, в очи
Молодой и сладкий сон...

Не такой, как все

И почему тогда
Со мной ты рядом сел,
Ты – не такой, как все,
Ты – не такой, как все?

Зачем так посмотрел,
Когда подал пальто,
Как не смотрел никто,
Как не смотрел никто?

Ты только до меня
Дотронулся рукой

И мой забрал покой,
И мой забрал покой.

И я теперь хочу
К тебе прийти во сне,
Но не такой, как все,
Но не такой, как все.

* * *

Зацветают вечерами
Звёзды в даях неба.
Никнут хрупкими цветами
Васильки средь хлеба.

Лишь увянут звёзды, вскоре
Поле расцветает...
Кто не видел в жизни горя –
Радости не знает...

На беду и на удачу –
Всем судьба богата.
То я радуюсь, то плачу:
Смех и плач, как братья.

Алёна Шомысова

(родилась в 1986 году)

с коми

Рябина

За окном рябина наклонилась.
Девять лет промчалось, девять лет.
Мир другим стал, всё переменялось,
И её хозяйки больше нет.

Девять лет рябина – дни за днями
Мается, окутанная мглой,
Еле-еле держится корнями,
Нависая тенью над землёй.

И плывёт она вдогонку мыслям
Грустным неприкаянным челном
К берегам, течением омытым,
На волнах качаясь чередом.

И рябина ищет, словно чадо,
Бабушку мою – не зная где.
По ночам порой слышны из сада
Плески тихих вёсел по воде.

Не найти ей бабушку вовеки,
Разошлись их тропки, как назло.
В решето времён, в другие реки
Безвозвратно кануло весло.

Гармонь

В руках отца хрипит нутром
Гармонь в старании великом,
Так, словно кряж под топором
Трещит, раскалываясь с криком.

Бежит мелодия навзрыд,
На кнопки пальцы жмут особо.

Вот так же чашу бороздит
Лесную осторожный соболь.

Как много воздуха в мехах!
В них бесконечный день клокочет.
В отцовских светится глазах
Весны весёлый колокольчик.

Часовня

В Скородуме строится часовня,
Словно кедр стремится в высоту.
Будем мы счастливей, чем сегодня,
Прикасясь душами к Христу.

Мало тех, в ком слово Божье живо.
В суете быстротекущих дней
Разрослось неверье, как крапива,
Засоряя головы людей.

Сам с собой рассудок в вечном споре.
Нелегко крапиву извести.
Жаль – порой способно только горе
Душу перед Господом спасти.

Сигудок

На снимке выцветшем витает
Судьбы и струн живая связь:
Под елью прадед мой играет
На сигудке, не торопясь.

Тот сигудок себе как друга
Когда-то прадед смастерил,
Чтоб он, звуча на всю округу,
Секрет души его открыл.

Его звенящий, светлый голос
Поёт в охотничьей избе.
Забыв про горести и горечь,
Он ищет звуки по себе.

То мелодичен, то раскатист,
То скромн, то немного строг –
Про жизнь охотника расскажет
Всё без утайки сигудок.

Большой Ковш

Из бани выйду и остановлюсь:
Всё небо в звёздах необыкновенных.
Я счастлива, и я почти смеюсь,
И кровь ещё быстрее струится в венах.

Но мой опять притягивает взгляд
Узор Ковша Большого ненароком.
Рукой его коснусь, и полетят
За каплей капля радостным потоком.

Дождь омывает дом, и сад, и то,
Что прячется далёко или близко,
И светится земля, как решето,
Собравшее серебряные брызги.

И Ковш Большой, все звёзды заслоня,
Как будто бы кивает виновато.
Сквозь годы и пространство на меня
Течёт вода из банного ушата.

Южное окно

Бабушка любила за тепло и тень
Южное окошко. В перекрестье рам
Рядом с ней начнётся и угаснет день –
Путником, спешащим по своим делам.

Лишь в окошко сумрак станет проникать,
Отблески заката сникнут на стене,
Молится иконам бабушка опять,
Крестится за близких в зыбкой тишине.

Бабушка не знала, что когда-нибудь
Здесь часовня встанет, возносясь светло.

И её, конечно, был бы легче путь,
С верою, что вскоре оживёт село.

В южное окошко хорошо видна
Новая часовня на ладонях гор.
Освещает купол полная луна,
Замер над часовней вековой простор.

Невозможно время исчерпать до дна.
Отмотать его бы, Господа моля,
Чтоб часовню видеть сквозь проём окна.
Как была бы рада бабушка моя!
Как была бы рада бабушка моя!

Лодка

Горбясь под тяжестью, дни напролёт
Лодка, гружённая камнем, плывёт.

Меж берегами – туда и сюда
Режется плугом речная вода.

Труд не напрасен, и время не ждёт.
Словно мгновенье проносится год.

Днище прогнило почти, и вот-вот
Под воду нос перебитый уйдёт.

Вёсла скучают по твёрдой руке.
В лодке никто не плывёт по реке.

Горек былой деревенский уют:
Люди давно здесь уже не живут.

Время подмыло и берег, и сад –
Корни деревьев с обрыва висят.

Косит покой травяной невзначай
Ветер, качая густой иван-чай.

Птиц не услышишь среди тишины,
Только развалины церкви слышны –

Колокол, словно снедаем виной,
Лодку качает звенящей волной.

Мается лодка, от горя седа,
За преступленье родного села.

Маленький Принц

Детство – как пристань родного села.
Сколько ни плавай там в розовых снах,
Только растает оно без следа,
Как самолётика след в небесах.

Детство в лугах не поймаешь платком,
В роще по яголке не соберёшь.
Прочь улетит стрекозой, ни о ком
Не сожалея нисколько, и всё ж

Хочется снова мне в детство попасть,
Чтобы, дорогу осилив на треть,
Нити, что спутались, заново спрясть,
Жизнь промелькнувшую пересмотреть.

Трудно туда переправить меня,
В этом поможет лишь Маленький Принц –
Мальчик, чьё сердце не знает вранья,
Чья доброта не имеет границ.

Где ж теперь принца удастся найти?
Вряд ли кто скажет мне наверняка.
Не угадаешь – собьёшься с пути,
Слишком планета у нас велика.

Я посылаю за ним самолёт,
Долго лежавший в шкафу не у дел –
С детской игрушкой в руке подойдёт
Мальчик к тому, кто уже повзрослел.

Но деревянная птица, смотрю,
Так и вернулась, подобно стреле.
Шарф привязал он к ней, словно зарю.
Щепкою осень зажглась на селе.

Зеркалом – на миллионы частиц
Бездна небес разлетелась, а в ней
Канула стая кричащая птиц.
В детство захлопнулись створки дверей.

Светлана Дедуля. Совпадение миров...	3
---	---

Алимурад Алимурадов

Ангел у окна	6
Простит ли...	6
«Промчалась лета половина...»	7
«Не торопясь...»	7
Спасительный дождь	8
Бессмертие	8
«Вселенской музыкой извне...»	9
Слезинка любви	9
«Живёшь во сне и наяву...»	10
Подставляя каплям ладони	10
Следы на сердце	11
Остановившееся время	11
Омыв своё сердце	12
«Мальчишка, веря чудесам...»	12
Один у нас путь	13
День следует за ночью	14
Глаза неба	14
«Не изменилось ничего...»	15
Возвращаюсь тенью	15
Камни в моём саду	16
Родник	16

Магомед Ахмедов

Вот и лето проходит	17
«Тяжких дум сгустившиеся тени...»	17
«Дождь идёт проливной...»	18
«Не понять нам друг друга...»	18
«Миг особый подскажет земные пути...»	18
«Сколько утрат на дороге любви!..»	19
«Даруется старости посох...»	19
«Созвездия – небесные цветы...»	19
«В зародыше гибнет любовь...»	19
«Хоть на колени стань от несвободы...»	20
«Я рукою махнул на мгновения счастья...»	20
«Чтоб смысл родного слова не утратить...»	20
«Взгляд устремлён к заоблачным вершинам...»	21
Книга	21

Эльмира Ашурбекова

Дербент	22
Узел судеб	22
Узоры времени	23

Землянка Петра Первого	23
Летнее утро в Дербенте	24
Родной язык	24

Салих Баттал

Пример любви	25
------------------------	----

Михась Башлаков

И Беларусь, и Русь, и Украина...	26
Дороги Полесья	26
«Стучат составы...»	27
«В ночи, на дальних перегонах...»	27
«Лельчицы... Дубы, как на ладони...»	28
Кветунь	28
«В белёсом мареве тумана...»	29
«Звездопад, за окном звездопад...»	29
«Жить бы где-нибудь...»	30
Шмель	30
Серая цапля	31
Липляны	31
Гармонист	32
«Точно сердце в груди оборвалось...»	33
«Загляну в деревеньке к знакомому деду...»	33
Полесье	34
Паромщик	35
«Устану. На лавочку сяду...»	35
Август	36
«Солнце садится за поле далёкое...»	36
«Светлая осень. Пора листопада...»	36
«Подкинь, шофёр, до Борового...»	37
Пани Марыся	38
«Новую книгу хочу написать...»	39
Челобитная любечскому князю	39
«В янтарной росе...»	46
«Лесная Уборть. Травы. Сенокос...»	47
Песчаная дорога	47
Я стану вспоминать	47
Слёзы чибиса	48
«А над Днепром вдруг крикнет цапля серая...»	48
«Дымит вдали костёр...»	49
По грибы	49
Листопад	50
Вщиж	50
Сон-трава	51
«Подари мне, роша...»	52
«Ну что же ты тоскуешь так о лете?..»	52
А ландыши цветут	52
«Дожидаюсь я вечера...»	53

«За годом год проходит мимо...»	53
«С тобою мы не виделись давно...»	54
«Ещё щебечут птичьи стаи...»	54
«Золотые сосны, сосны золотые...»	54
«Моя дорога средь берёз...»	55
«Кукушка прокружит...»	55
Зелёная осень	56
«Я прихожу сюда...»	57
«Березина набухла, как берёза...»	57
Утро на Припяти	57
«Какой нынче вечер бордовый!...»	58
Новобелица	58
Помнится	59
Захлебнётся душа	60
Мартовским вечером	61
Я на станции жил	61
Голубица	62
«Сошедший вечер дымкой затянуло...»	62
Сентябрь	63
«Листок увядший...»	63
На улочке Зелёной	64
«В светящихся росах тропинка лесная...»	64
Журавли	65
Снегурка	66
«На лесном хуторке...»	66
«Над Литвою дожди...»	67
Песня	68
«Я поеду завтра в Церуху...»	68
Царь-дуб (поэма)	69
Наталка Белоцерковец	
«Когда б меня в последнее мгновенье...»	80
Визма Белшевица	
Я не могу уйти	81
Шарль Бодлер	
Бездна	82
Раиса Боровикова	
«А он летит, летит...»	83
Рыгор Бородулин	
Не пережить...	84
Буи Куанг Тхань	
Монолог над Балтикой	85

Василь Герасимюк	
Сонет	86
«Я шаг свой замедлил...»	86
«Минувшего запах так близок...»	87
Змея	87

Микола Гриценко	
«Дыханье то, как ветер из груди...»	88
Поздняя осень 1999-го	88
«За ветром все пойдут...»	89
Гений	89
«Меж нами – десять лет...»	89
«Ты спишь? Ты спи...»	90

Галина Гузенкова	
«Не умолкая, пели соловьи...»	91

Сылдыс Донгак	
«Отец, уже я стал ногами в стремя...»	92
«Увидеть бы твои глаза...»	92
«С рассветом ночные тревоги забудутся...»	92
«Песчаный вихрь души не пощадил меня...»	93
«Эй, прислушайся: степью глухою шурша...»	93
«Я не скажу тебе...»	93

Алесь Звонак	
Душа	94

Петро Зуб	
«Начинается дождь, и на сердце, как в чаше...»	95

Дмитро Иванов	
Баллада возвращения	96
«Столетней бабке сон приснился...»	97
«Пора цветенья быстро пронеслась...»	98
«О тепле вчерашнем нет помину...»	98
«Весна шалает над Десною...»	98

Лидия Иргит	
«Всё лето не было дождя...»	99
«Я никогда не буду старой...»	99
«Отец, зачем ты умер рано...»	100
«Ношу стихи в себе...»	100
Красивая девушка	101
«Уронила я зеркальце...»	101

Александр Казеко	
Русскому брату	102
«Знаешь, мне сегодня показалось...»	102
«Деревенька родная среди леса...»	103
Лесною тропинкой	104
Моё село	105
Июньские ночи	106
Преподобной Ефросиньи Полоцкой	107
«Перекрёстки дорог, и страданий, и судеб...»	107
Заговор	108
Сергею Украинцу	109
Сергей Карачаков	
«Наступит зима, но не будет весны...»	110
«Правдивою дорогой человек...»	110
«Не вечен мир...»	110
«Не отыщешь гор седых...»	110
«Светел день со всех сторон...»	110
«На тропе, по которой не ходят давно...»	111
«Ты богатство копил...»	111
«Прольётся дождь на выжженном просторе...»	111
«Что, бабушка, плачешь?...»	111
«Говорливый родник, я склонюсь пред тобою...»	111
«Сок бежал из надломанной ветки берёзы...»	112
«Сколько ты камней ни разложи...»	112
«Лишаясь корней, умирают вокруг...»	112
«И каплей воды дорожишь ты в пустыне...»	112
«Не хвалят, мой друг, тебя? Что за обиды...»	112
«Дружбу с монетой сравнив золотой...»	113
«Чист Енисей, и замутить нельзя...»	113
«Не говори, что лес осенний пуст...»	113
«Красивый цветок не заметил среди поля...»	113
«По кладбищу бродил, листву колыша...»	113
«Изводит ревность душу...»	114
«На землю чёрную с небес сошла пурга...»	114
«Вечно по небу плывут облака...»	114
«Осенние, поздние листья сродни...»	114
«Вчера говорил я тираду пустую...»	114
«Друг ругал, называя болваном меня...»	115
«Корни рабства в природе с начала времён...»	115
«Был удачлив в любви...»	115
«Пусть лук мой изогнут...»	115
«Сосны после долгой вьюги...»	115
«Пусть мой жеребёнок...»	116
«Чисты луга и долги небеса...»	116
«Как воеет ночью на цепи...»	117
Мольба	117
«Печальная птичка с крылом перебитым...»	118

Охотничья избушка	118
«Родной язык! Твоей живой водою...»	119

Людмила Кебич

Альт	120
Родной вкус	120
Мой путь	121
Закат на море	122
Последний тайм	122
Лучший город	123
Девять букетов	124
Аксиомы	124

Лина Костенко

«Не говори печальными глазами...»	126
«А жизнь идёт без всяких корректур...»	126
Осенние карнавалы	127
Ноябрь	127

Дмитро Креминь

«Жить! – вправду...»	128
Воспоминание о пекторали	128
Голоса	129
Скифская сага	130
Скифское золото	131
«От себя убегаю к себе же...»	132
«Пока ещё в кучу листву не сгребли...»	133
Пейзаж из окна экспресса	133
«Эти строчки припомнятся снова...»	134
«Светает. День. Едва найдёшь ли...»	134
«Люблю тебя всегда...»	135
Голос из глубины	135
«Отлетал, растворился в росе...»	136
«На слиянии рифмы и прозы...»	136
Утренний эскиз	137
Баллада 22 июня	137
«Пухом снег опускается книзу...»	138
«Твои волосы – точно свет...»	138
Чумацкий ужин	138
Амфора царя Скила	139
Белая птица с чёрной отметиной (киновариация)	140
«Запахло смородиной чёрной...»	141
Возвращение буй-гура	141
Кочубеевна	142
«Запишут в старый свиток...»	143

Анатолий Крымский

Грохочет гром	144
-------------------------	-----

«Стих ветер на склоне погожего дня...»	144
Вот и всё	145

Тамара Крюченко

В Новгород-Северском	146
Ветеранам	146

Дмитро Куровский

Крещение	147
9 мая 1945 года	147

Петро Куценко

«Шоссе через гору уходит вперед...»	149
Речь	150
Песня	151
«Свет и туман. Вечерний иней...»	151
«Что за зарево ночное...»	151
«За потоками света на небе затихла вода...»	152
«Под Спасском – на первое лето тяжёлой войны...»	153
«Я не всё о них знаю...»	153
«Отцы нам часто снятся молодыми...»	154
Память	155
Около старой мельницы	155
Над глубинами	156
Манящий свет мгновений не минувших	157
Историческая фреска	159
Фольклорный мотив	160
«В ночи гроза прольётся...»	161
Весна	161
«Закрой свой лицо...»	162
На лад песни	163
«Не сбылось. Не слобилось...»	164
«Ветвиста крона дерева...»	164
Доля	165

Микола Лелюк

«Так и живём – мы и надежды наши...»	166
«Так надо – твердим...»	166
«Как вёрсты Чумацкого шляха...»	166
«Ещё моё не вымолвлено слово...»	167
«Когда овладевает бунт толпою...»	167
«На сердце – то солнце, то отблеск пожара...»	167
«Снег тает, тает в лужах стылых...»	167
«Из родников ночных заря...»	168
«Осенний день румянощёкий...»	168
«Был и удачи миг, и кривды жало...»	168
Величие слова	169
«О, как мы ищем лёгкой славы...»	169

Купальские венки	169
«Людского сердца доброта...»	170
В моём саду	170
Солнечность слова	171
В «Диком поле...»	171
«На выгоне, почти что у дороги...»	171
«Покой небес уже достиг предела...»	172
«Как много света в по́ру листопада...»	172
«Подкрашен снег закатом алым...»	172
Неразлучный конь	173
«Не знаю я такого слова...»	173

Александр Лужиков

«Сторона родная, словно храм, светла...»	174
От имени Ивана Куратова	174
«Суть стихов моих...»	175
«Завершая поиск...»	175
«Поднимаюсь тропкой...»	176
«Не спешило небо...»	177
Вспоминая Питирима Сорокина	178
«В осень, отдохнув от зноя...»	179
Кони	179
«Царство Божие проспали...»	179
«Авель жив...»	180
«В эту ночь враги меня поймали...»	180
«Сердце мне тоскою надломило...»	180
«Я прошусь без сожалений...»	180
«Водичу чистой из ручья зачёрпываю снова...»	181
«Дождь прошёл. Лазоревой зарёю...»	181
Души старых охотников	181
«Хочешь знать, как жил я прежде...»	181
«Поздней осени мотивы...»	182

Евген Маланюк

«Стиллет иль стилос?...»	183
Биография	183
Ветра истории	185
«Навеки мы разжали руки...»	186
«Нет ничего здесь – на земле...»	186
«Перегорела синева полудня...»	187
А. Д. МСМXXXIII	187
«Степь личину покажет вражью...»	188
Из «Ночей»	189
Из «Варяжской весны»	189
Доля	190
Карпаты	191
«Мы поворачиваем вспять...»	191
Посвящённые строфы	192

Из вагона	193
Осознание	194
Вечер	194
Существенное	195
Фаустовская ночь	195
Воины	196
Последняя весна	196
Сын ждёт ответа	197
Власть	197
Март	198
Отчизне	199
Постскриптум	199
«Акации цветут...»	200
Эпоха	200
Камень	201
«Даже снится ты мне не хочешь...»	201
«Щербатый месяц как разбитый щит...»	202
«Чист ветер в августовский полдень...»	202
Последнее письмо	203
Станислав Виспянский	203
Из летописи	205
Девушка из Донбасса	209
Ранняя весна	209
«И покажется – это не Григ, а эхо...»	210
Время	210
«День осторожным шёпотом бормочет...»	211
В осеннем саду	211
N. N.	212
Arg poetica	212
Думы	215
Антистрофы	215
«Так долго был двуликим и двояким...»	218
«Вот первый снег. И сникла вышина...»	218
Зима	218
В горах	219
«Уже листвы кровавой раны...»	219
«Не нужно мудрости – она сжигает свет...»	220
Час поэзии	220
«От жизни ты бежал, как тать...»	220
Мазовия	220
«Зима. Февраль. Ангина и простуда...»	222
Элегия	223
«Загадка жизни – точно каверза...»	223
Из «Войны»	223
Нина Матяш	
«Мой суженый! Забудется вина...»	225
«Озёра, что ночи, полные...»	225

Счастью	225
«Новый смысл ни слева и ни справа...»	226
«Снег упал на листья золотые...»	226
«И нас стережёт судьба...»	226
«Не спрашивай: зачем молчу...»	227
Диалог	227
Любовь	227

Таиса Мельченко

«Платье лета выцвело от солнца...»	228
Детство вечности	228
Ностальгия	229
Лето счастья	229

Анатолий Мироненко

Иконостасы	231
К слову от сердца	231
Ледяная муть	232
Сорвался с небосвода	232
Почувствовать	232
«А украинка пела о войне...»	233
Точка	233
Пепел	234
Иглы стрел	234
Слушай или убей	235
А смерть...	235

Нгуен Динь Тиен

Константиново	236
Дождь в Орле	237
Конец осени	238

Нгуен Хюи Хоанг

Древняя Россия	239
С Гоголем	239

Владимир Некляев

Строка	241
Дым	241
Огонь	241
Камень	242
Настежь	242
Бритва	242
Зверь	243
Воля	243
Лебедь	243
Состояние	244
«Зимние грёзы»	244

Сквозь калину	245
Падающая звезда	245
Змеи	245
«Зябкое утро последнего дня листопада...»	246
«Дорога. Ветер. Ночь...»	246
«Твои очи, как окна больницы...»	247
«Заплакать мне по той весне?...»	247
«Снова я помню про то, что тобою забылось...»	247
«В горечи дней и ночей...»	248
«Есть в наших снах ещё кому присниться...»	248
«Безмолвно уснула деревня...»	249
Идол	250
«Каждый как-то наречён...»	250
«Мольбы. Законы. Клятвы и печали...»	251
Напротив	251
«Внимают дурню. Верят супостату...»	252
«Над промёрзшей могилой Малюты...»	252
«Точит истлевшее моль...»	253
«В сферичных зеркалах на небосводе...»	253
«Кто о чём тоскует, коль в судьбе...»	254
«Покинув застолье некстати...»	254
«Вышел летом. Вернулся зимой...»	255
«Не с теми пошёл и дорогой не той...»	256
Игра	257
«Ветер взывает из мрака...»	257
Мотылёк	257
Один	258
«По жилам пробегает холодок...»	258
Спасательная станция	259
М. Сидоровичу	260
«Целебна боль порою...»	261
Усилие	261
Чужая станция	261
Роша	262
Голубиная почта	263
«Безмолвье. Тихо с вышины...»	264
«Не всё напрасно, что напрасно...»	264
«Чья путь-дорога?.. Да ничья...»	265
«А чем заполнена душа?...»	265
«Как ни гони коней, спеша усердно...»	266
«Подошёл я к озеру и лёг...»	266
«Переступив через порог...»	266
«И есть друзья – и нет...»	266
«Когда собьются снова волки в стаю...»	267
Новый снег	267
«Перелётная птица о провод сломала крыло...»	268
Попутная	268
Перед тобой	269

«Где голову склоню...»	269
Скарышевский парк	270
Ласточка	270
«Вновь иглою сердце метят!..»	271
«Господи, в твоих руках...»	271
Евангелие	271
«Мать напевает – я не слышу слов...»	272
Просьба	272
Весёлый Бог	272
Тарту	273
«Прогоркло, сжалось, поредело...»	273
Ток	273
Божий подарок	274

Александр Олейник

«Давно забыли рощи про осанну...»	275
Тревога раннего цветения	275
Прадедовский порог	276
«Сквозь прах и пепел прочь ушло бывшее...»	276
Соборы	277
Строится мост	277
Перед ужином	277
«Бывало – далеко за полночь...»	278
Ярославна	278
«Что толку ограждать себя от света...»	279
Прибрежье	279
«Деревья полднем разогреты...»	280
«Я наконец-то смог отбиться...»	281
«Не залпы злые, не лихие орды...»	281
«Тогда ты горестно молчала...»	281
После толоки	282
Осенний бадминтон	282
После зенита	282
«Опять меня без видимых причин...»	283
«Прозрачен рассвет, как вода из криницы...»	283
После ливня	284
«Цветы черёмух вместе с тёплым ветром...»	284
«Вновь к стеклу синица прилетела...»	284
Приютелю Г. в альбом	285
«Как чудо – над кромкой залива...»	285

Борис Олейник

Притча о славе	286
«Обживут космонавты...»	289
Баллада	290
«День был убит прицельно...»	292
Не поминайте...	292
Грядёт!	293

Давайте, дети	293
Когда возвращусь...	294
Пришли	295

Катерина Пасична

Иду на Вы	297
В золотом потоке	297
Предчувствие	298
Вдвоём	298
Тишина	299
Пламя	299
Моё призвание	300
Осенние крылья	300
Скажи	301
При двух свечах	301
Нежность	302
Дерево радости	302
Грех	303
Эхо заговорит	303
Не сказала «ты»	304
Далёкий месяц	304

Дарима Райцанова

«В твоих глазах качается луна...»	305
«Я твою пустую душу...»	305
«Сольётся с печалью моею округа...»	305
«Как деревья на рассвете...»	306
«Только-только миновала середина...»	306
«Я тебя целую, мама...»	307
«Если, бабушка, заранее...»	307
«Прозрачное небо несметно...»	307
«Даль кажется жемчужиной для глаз...»	308
«От порога вдаль, как прежде...»	308
«Всходит солнце. В никуда...»	309
«Пели птицы долго, звонко...»	309
Степной цветок	309
«Вся в заботах неустанных...»	309
«На землю последний листок упадёт...»	310
«Как глубокие озера...»	310
Бабушка	310
«Хорошо не верить в тайный...»	311
«Раздарив тепло дневное...»	311
«Луч сверкнул, развеял стужу...»	312
«В искрах чёрных глаз сумел ли...»	312
«Струны звёзд на небе лунном...»	312
«Мне бы в волны броситься...»	313
«Сквозь долгие года...»	313
«Слово то, что навеки осталось во мне...»	314

Моя любовь	314
«Без трепета в груди, без боли в сердце...»	315
«Средь деревьев чёрно-белых...»	315
Кочующее облако	316
«Зачем эти сумерки тенью пустой...»	316
Я разгадала тайну	317
«Напрасно ты смотришь в меня...»	317
«Дыханье юных лет в былой отваге...»	317
Берёза	318
Мой первый друг	318

Рагим Рахман

«На лужах дождём нарисуют ветра...»	319
«Деньки золотые забрав, журавли...»	319
На пути к солнцу	319
Узелок чувств	320
Пасмурные мысли	320
Чёрная тень	321
У ворот	321
В пустом отцовском доме	321
Горький пепел полыни	322
Золото отцовского поля	322
Слёзы матери	323
На руинах любви	323
Ну и пусть...	323
Букв торопливая вязь	324
«Ветер играет опавшей листвой...»	324
След на острие	324
«В тот вечер ветер силился дрожать...»	325
След	325
Молва	326
Не ведает жизнь...	326
Узор осени	327
Грусть	327
У костра	328
Вечен я в мире	329
Радуга ковра	329
На пороге дня	330
Между звёзд	330
И что же ей ответить...	331
На пути к себе	331
Временем сломанная соха	332
Падение в небеса	332
По льду	332
С половиной души	333
Если б я мог	333
За журавлиным клином	334
Зеркало	334

На папахе отца в снежном поле	335
Моли об одном	335
На камнях горного края	336
Опалил я ладонь	337
Наша тайна	337
Хотел бы	338
Останусь я...	339
Снег в лесу	340
На гвозде памяти	341
Я и слепой	341
Ожившая тень	342
Что в завтра меня ведёт	342
Песня, которую не повторить	343
Ангелы у нашего очага	344
Отставший от небесной стаи	344
В пути	344
За отцом	345
Песня и молитва	345
Поймаю луч	346
Поплачь, поколение моё...	347
Разговор тишины	347
С неба оглядеть	348
В безысходности	348
Возвращение	349
Со счастьем наперегонки	349
Твоё счастье – в тебе	350
Иду	350
Осенний вопрос	351
Влюблённая попутчица	351
Ветер родного края	352
Вязанки горестей	352
Свирель	353
Ждёт меня на холме	353
Жизнь подаривший камню	354
В реке	354
Зов в дорогу	354
За счастьем	355
Зима – ожидание	356
Кто знает...	356
Наступят дни...	357
Не меняется лишь одно	357
Останется оно	358
Первая любовь	358
Под старым орехом	359
Раны детства	359
Твоя страна	360
Тепло в душе сохранившие руки	360
Что же он сказал?...	361

Дверь туда	362
Счастливым	362
Помолись	363
Луна напротив	363
Плачущий сад	364
Ожидание	364
Как тогда	365
Наш спор	365
«Лишь станет небо белым молоком...»	366
Счастья миг	366
Оторванная судьба	366
На зов	367
Вера	368
Плач по осени	368
Время	369
У родника	369
Далёкая песня	369
Песня года	370
Слушать хочу...	371

Игорь Рымарук

Вячеславу Медведеву	372
«Никого-никого не возьму...»	373
«Тут стерня не колет...»	373
«Иссякнут строки, словно выдох...»	374
«Вот он: чёрный, последний порог...»	374
«Я не тут, скорее где-то...»	375

Александр Рыхлюк

Credo	376
«Не только светлым и не только белым...»	376
«Жизнь отгорит. И здесь, под солнцем давним...»	377
Александр Черненко	377
«Тревожное поле секут молодые дожди...»	378

Роман Скиба

«Последняя пустая электричка...»	379
«Снег идёт в незнакомых местах...»	379
«То ли призрак, то ли конный...»	380
«Заглядевшись на звёздные лики...»	380
Марево	380
«Ко мне пришла она с темнотою...»	381
«Завтра будет вечер для истории...»	381
Марьяне Неймете	381
«Я падал, отзывалась мне вода...»	382
«Две искры выскользнут из тьмы...»	382
«И долго буду жить я, как печаль...»	382

Дафинка Станева	
Бессилие	383
Стена	383

Василь Струтинский	
Черниговский мотив	385
Скифская пектораль	385
На Десне около Сосницы	386
Луч	386
Апрель, 1986-й	387
«Ещё молодую твою седину...»	387
«Целует осень старые дубы...»	387
«Ты была при месяце прекрасна!...»	388
«Взволнованно стёжка уходит направо...»	388
«Когда я навеки уйду...»	388

Максим Танк	
Топор	390
Ночная стража	390
Если	391
«Высь прорезая крыльями свободными...»	391
Письмо брату	392

Алексей Константинович Толстой	
«Жизни цель – из бытия...»	393
«Я почти всемогущ, ибо...»	393

Фёдор Тютчев	
«Мы в странствии своём могли остановиться...»	394
«В небесной глубине ночей, в лазурной бездне...»	394
«Сдавили грудь мою своими жерновами...»	395

Инна Фролова	
Сады Молитв	396
«А я дождусь тебя, любимый мой...»	396
Я любила Вас	397
В мгновения встречи	397
Зима и льды	397
Земное счастье	398
«Подари мне, кукушка, годочек...»	398
«Ворожило смоленское зарево...»	399
Осенняя пастораль	399
«Кинула мне осень золотая...»	399
«Я в осень за тобой пойду...»	400
Памяти деда	400
Антоновки	400

Встреча	401
Речь	401
Старинный вальс	402
Великий Боже	402
Мой рай чабрецовый	403
«Шипки мои! Мой край, залитый светом...»	403
«Знать, судьба поманила сюда...»	404
«Ветров стремителен порыв...»	404
Май	405
Белые берега	405
Сердцем твоя	405
Зарисовка	406
«Наполнюсь вновь тобой, как вскрывшиеся реки...»	406
«Твоя любовь как будто оберег...»	407
«Осилишь сто разлук и сто дорог...»	407
Шуневская тишина	408
«Я родилась, когда в садах...»	408

Годжа Халид

Весна	409
Отдых уставшей земли	409
Озеро Аджинохур	409
Перед картиной Левитана «Золотая осень»	410
Обитель бабочек	410
«Как позабуду я арык и зелень сада...»	411
Печаль сожжённой стерни	411
Запах сена	412
«Пожелтели, пожухли просторы...»	412
«Под лунным сиянием спят молодые луга...»	413
Водою этого дождя	414
Снопы света	414
Осенняя вода	414
«Цвет этой поблекшей травы...»	415
Дождь, идущий из воспоминаний	415
Медовые пчёлы	416
«Было чему удивиться и мне...»	416

Альфред Эдвард Хаусман

«Не знающее начала...»	418
----------------------------------	-----

Микола Шабович

«Люблю тебя, люблю тебя одну...»	419
«Это сказка, иль явь, или сон...»	419
«Когда позёмка кружит для потехи...»	419
«Подари мне сказку молодого лета...»	420
«Ожидай меня, вновь ожидай...»	420
«Другими сказано давно...»	421
Придите погостить к Купале	421

Путь к Богу	422
«Разлучить нас теперь не удастся...»	422
«Каких богов ни привечай...»	423
Михасю Башлакову	423
«Ни на кого так раньше не глядел...»	424
«А вокруг прохладная погода...»	424
«Кто-то славит природу, а кто-то Отчизну...»	425
«Не грусти, что года пролетают...»	425
«Когда на муку дни обречены...»	426
«Как будто звёздочки в ночи...»	426
«Прохладу разносит ветер...»	427

Нина Шклярова

«Как гора, с плеч моих...»	429
Дай нам, Боже...	429
«Ну почему на белом свете...»	430
«Я – невольница вечности...»	431
День добрый	432
«На пенёк, источенный в труху...»	433
«На реке безмолвно...»	433
«Ты меня, будь добра, отпусти...»	434
Сон	434
Не такой, как все	434
«Зацветают вечерами...»	435

Алёна Шомысова

Рябина	436
Гармонь	436
Часовня	437
Сигудок	437
Большой Ковш	438
Южное окно	438
Лодка	439
Маленький Принц	440

Содержание	441
-----------------------------	------------

Владимир Евгеньевич Сорочкин

ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Редактор

член СП России *Н. А. Шестакова*

Корректоры

Н. А. Шестакова, О. Н. Горелая

Дизайн и вёрстка

А. Ю. Титарева

Подписано в печать 10.12.2020.

Формат 148x210. Бумага офсетная, печать цифровая.

Тираж 200 экз. Заказ №1012.

Отпечатано в типографии «Аверс»

г. Брянск, ул. Софьи Перовской, 83

Тел (4832) 41-84-30

аверс32.рф

аверскниги32.рф